

Александровъ Императоръ

Борисъ Романовъ.

БАСИИ
И. А. КРЫЛОВА.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ
учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе П. А. Егорова.

1887.

<http://iclh.org.pl>

ICLIH INSTYTUT
BIBLIOTEK
ul. Nowy Swiat
Tel. 26-68-63

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Сентября 1887 года.

24.084

Сиб. Типографія В. Демакова,
Новый пер., д. № 7.

<http://rcin.org.pl>

Иванъ Андреевичъ Крыловъ родился 2-го Февраля 1768 г. въ Москвѣ, но первые годы дѣтства провелъ въ Оренбургѣ, куда, по случаю Пугачевского бунта, переведенъ былъ отецъ его, служившій въ арміи капитаномъ. По окончаніи бунта, отецъ Крылова переѣхалъ въ Тверь, гдѣ заботливая, хотя и малообразованная, жена его занялась воспитаніемъ сына, и, по смерти мужа въ 1780 г., оставшись безъ всякихъ средствъ къ жизни, опредѣлила мальчика канцелярскимъ чиновникомъ сначала въ Калязинскій уѣздный судъ, а затѣмъ въ Тверской магистратъ. Въ 1782 г. Крыловъ переѣхалъ съ матерью въ Петербургъ, и поступилъ на службу въ казенную палату, откуда перешелъ въ Кабинетъ Его Величества. Лишившись матери въ 1788 г., Иванъ Андреевичъ оставилъ службу и предался литературѣ, въ которой давно уже пробовалъ свои силы, написавши еще 15 лѣтъ отъ роду оперу: «Кофейница», а потомъ двѣ трагедіи: «Клеопатра» и «Филомела», не отличавшіяся впрочемъ никакими литературными достоинствами. Въ 1789 г. Крыловъ основалъ журналъ «Почта духовъ», въ которомъ въ первый разъ и съ большимъ успѣхомъ выступилъ на поприще сатиры; затѣмъ въ 1792 г. началъ издавать журналъ «Зритель», преобразованный въ слѣдующемъ году въ «С.-Петербургскій Меркурій». Въ этихъ журналахъ по-

*

мѣщено нѣскольکو мѣткихъ сатирическихъ статей Крылова и множество мелкихъ стихотвореній, изъ которыхъ послѣднія не представляютъ ничего замѣчательнаго. Въ то же время Крыловъ написалъ для театра комическую оперу: «Вѣшенная семья» и комедіи: «Проказники» и «Сочинитель въ прихожей», весьма слабыя въ литературномъ отношеніи, и больше карикатурныя, нежели правдоподобныя. Нѣскольکو замѣчательнѣе, какъ правдоподобіемъ характеровъ и событій, такъ и самымъ языкомъ, написанныя вполслѣдствіи комедіи: «Модная Лавка» и «Урокъ дочкамъ», но комическая опера «Илья Богатырь» ниже всякой критики. На истинное призваніе свое—баснописца, Крыловъ попалъ только въ 1806 г., написавши, въ подражаніе Лафонтену, басни: «Дубъ и трость» и «Разборчивая невѣста», и по совѣту тогдашняго знаменитаго поэта—баснописца, И. И. Дмитріева, посвятилъ себя этому роду поэзіи, въ которомъ стяжалъ себѣ безсмертную славу знаменитаго нашего народнаго писателя. Первое издапіе его басенъ, въ числѣ 23-хъ, появилось въ 1809 г.; затѣмъ изданія слѣдовали быстро одно за другимъ, съ прибавленіемъ новыхъ басенъ; послѣднее, вышедшее при его жизни въ 1843 г., содержитъ ихъ уже 197. Въ 1812 г. Крыловъ былъ опредѣленъ на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ оставался до 1841 г., и затѣмъ, выйдя въ отставку, умеръ въ Петербургѣ 9 Ноября 1844 г., не писавши уже, до конца своей жизни, ничего, кромѣ басенъ. Литературныя заслуги его увѣковѣчены памятникомъ, поставленнымъ ему въ Лѣтнемъ саду въ С.-Петербургѣ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I. ВОРОНА И ЛИСИЦА.

Ужь сколько разъ твердили міру,
Что леть гнусна, вредна; но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ лъстецъ всегда отыщеть уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала.

Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ—лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на дыпочкахъ подходитъ;
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:

«Голубушка, какъ хороша!

Ну, что за шейка, что за глазки!

Разсказывать такъ, право, сказки!

Какія перышки! Какой носокъ!

И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты бѣ у пасъ была царь-птица!»

Вѣщуньяина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло—

И на привѣтливы лисицины слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

II. ДУБЪ И ТРОСТЬ.

Съ тростинкой дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
«Поистинѣ, роптать ты въ правѣ на природу,»
Сказалъ онъ: «воробей, и тотъ, тебѣ тяжель.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть,

И такъ пагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ, и грозамъ,
Стою и твердь, и прямъ,
Какъ будто бѣ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все—бурей, мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бѣ ужъ ты въ окружности расла,
Густою тѣнью вѣтвей моихъ покрытой—
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго золова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья.»
—«Ты очень жалостливъ,» сказала трость въ отвѣтъ:
«Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасуюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь,
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но подождемъ конца!»
Едва лишь это трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
И съ градомъ, и съ дождемъ, шумящій аквилонъ.
Дубъ держится—къ землѣ тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ, и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главою своею касался,
И въ области тѣней пятою упирался.

× Ш. МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умысль другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ,
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
Въ ухахъ у гостя затрещало,
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня,» сказалъ онъ съ удивленьемъ:
«Чѣмъ любоваться тутъ? Твой хоръ
Горланить вздоръ!»
—«То правда,» отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ:
«Они немножечко деруть,
Зато ужъ въ ротъ хмельнаго не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.»

А я скажу: по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

× IV. ВОРОНА И КУРИЦА.

Когда Смоленскій князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣтъ поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ;
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя собралися,
И вонь изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.

Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
«А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу курица кричить:
«Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ.»
— «Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщуныя ей въ отвѣтъ: «я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ, ваши сестры какъ хотятъ;
А, вѣдь, воронъ ни жарятъ, ни варятъ;
Такъ мнѣ съ гостями не мудрено ужиться;
А, можетъ быть, еще удасться поживиться
Сыркою иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталь гостей —
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

—
Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ:
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься;
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься —
Попался, какъ ворона въ супъ!

У. ДАРЧИКЪ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоятъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера ларець.
Отдѣлкой, чистотой ларець въ глаза кидался;
Ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: «ларець
съ секретомъ;

Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ исподтишка!

Я отыщу секретъ, и ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою.»

Вотъ за ларець принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,

И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;

Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:

«Не тутъ, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ,
Отъ ларчика отсталъ,

И, какъ открыть его, никакъ не догадался:
А ларчикъ просто открывался. X

VI. ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

Лягушка, на дугу увидѣвши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться —
Она завистлива была —
И ну топорициться, пыхтѣть и надуваться.

«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?»
Подругѣ говорить. — «Нѣтъ, кумушка, далеко!»
— «Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я?» — «Почти-что ничего.»

— «Ну, какъ теперь?» — «Все то жь.» Пыхтѣла да
пыхтѣла,

И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшись съ воломъ,
Съ натуги лопнула и—околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:

И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,

Какъ именитый гражданинъ,

А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

х VII. РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха;

Тутъ нѣтъ еще грѣха,

Да вотъ что грѣхъ: она была спесива.

Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, умень

И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ
(Красавица была немножко прихотлива):

Ну, чтобы все имѣлъ. Кто жь можетъ все имѣть?

Еще и то замѣть,

Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.

Хоть чудно, только такъ была она счастлива,

Что женихи, какъ на отборъ,

Презнатные катили къ ней на дворъ.

Но въ выборѣ ея и вкусъ, и мысли тонки:

Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;

А ей они на взглядъ —

Не женихи, а женишонки!

Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ?

Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;

А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль, карманы пусты;

То носъ широкъ, то брови густы;

Туть этакъ, тамъ не такъ;

Ну, не прійдетъ никто по мысли ей никакъ.

Посмолкли женихи, годка два перенали;

Другіе новыхъ свахъ заслали:

Да только женихи средней ужъ руки.

«Какіе простаки!»

Твердитъ красавица: «по нихъ ли я невѣста?

Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста!

И не такихъ я жениховъ

Съ двора съ поклономъ проводила;

Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?

Какъ будто бѣ я себя замужествомъ торопила;

Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:

День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;

Такъ замужъ кинуться ничуть мнѣ не пристойно.»

Толпа и эта уплыла.

Потомъ, отказы слыша тѣ же,

Ужъ стали женихи наворачиваться рѣже.

Проходитъ годъ,

Никто нейдетъ;

Еще минуль годокъ, еще уплыль годъ цѣлый:

Къ ней свахъ никто не шлетъ.

Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.

Зачнетъ считать своихъ подругъ

(А ей считать большой досугъ):

Та замужемъ давно, другую сговорили;

Ее какъ будто позабыли.

Закралась грусть въ красавицыну грудь.

Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ — живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость, рѣзвости какъ будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно;
А нынѣ, ахъ, ее зовутъ ужъ на бостонъ!
Вотъ тутъ спесивица перемѣняетъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужествомъ торопиться:
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совѣтъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла:
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за калѣку.

УІІІ. П А Р Н А С Ъ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ,
И по мірянамъ ихъ дѣлать помѣстья стали,
Кому-то и Парнасъ тогда отмежевали;
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъ ословъ.
Ослы, не знаю какъ-то, знали,
Что прежде музы тутъ живали,
И говорятъ: «не даромъ насъ

Пригнали на Парнасъ:
Знать, музы свѣту надоѣли,
И хочеть онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли.»
— «Смотрите же,» кричить одинъ: «не унывай!
Я затыну, а вы не отставай!
Друзья, робѣть не надо!
Прославимъ наше стадо,
И громче девяти сестеръ
Подыmemъ музыку, и свой составимъ хоръ!
А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ.»
Одобрили ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазанныхъ колесъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

—
Мнѣ хочеться, невѣждамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

IX. О Р А К У Л Ъ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ,
И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты,

И мудрые давать совѣты.
Зато, отъ головы до ногъ
Обвѣшанъ и сребромъ, и златомъ,
Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ,
Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ,
И еиміагомъ задушенъ.
Въ оракула всѣ вѣрятъ слѣпо;
Какъ вдругъ — о чудо, о позоръ! —
Заговорилъ оракуль вздоръ:
Сталь отвѣчать нескладно и нелѣпо;
И кто къ нему за чѣмъ ни подойдетъ,
Оракуль нашъ что молвить, то совреть;
Ну такъ, что всякій дивовался,
Куда пророческій въ немъ даръ дѣвался!
А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ
Жрецы вѣщать мірянамъ.
Итакъ,
Пока былъ умный жрецъ, кумиръ не путалъ вракъ,
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ-болваномъ.
—
Я слышалъ — правда ль? — будто встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

Х. ВАСИЛЕКЪ

Въ глуши расцвѣтшій василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И, голову склоня на стебелекъ,

Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:

«Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило:
Быть можетъ, и меня оно бы оживило!»

—«Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!»

Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
«Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь?»

И вянешь ты или цвѣтешь?

Повѣрь, что у него ни время, ни охоты

На это нѣтъ.

Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:

Оно своею теплотою

Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,

И удивительною красотой

Цвѣты душистые богато убираетъ;

Да только тѣ цвѣты

Совсѣмъ не то, что ты:

Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, коситъ;

А ты ни пышенъ, ни пахучъ;

Такъ солнца ты своей доукою не мучь!

Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,

И добиваться ты пустаго перестань,

Молчи и вянь!»

Но солнышко взошло, природу освѣтило,

По царству флорину разсыпало лучи,

И бѣдный василекъ, завянувшій въ иочи,

Небеснымъ взоромъ оживило.

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ

Высокій санъ!

Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!

Смотрите:

Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно,

Былинкѣ ль, кедру ли, благотворитъ равно,

И радость по себѣ, -и счастье оставляетъ;

Зато и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,

Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,

И все его благословляетъ.

ХІ. РОЩА И ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.

Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ—

Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою огонекъ подъ рощей тлился;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Чась-отъ-часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; огонь мой чуть горитъ,
И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:

«Скажи мнѣ, роща дорогая!

За что твоя такъ участь жестока́,

Что на тебѣ не видно ни листка,

И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?»

— «Затѣмъ, что, вся въ снѣгу,

Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу,»

Огню такъ роща отвѣчаетъ.

— «Бездѣлица!» огонь ей продолжаетъ:

«Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.

Я солнцево братъ, и зимнею порою

Чудесь не меньше солнца строю.

Спроси въ теплицахъ объ огнѣ:

Зимой, когда кругомъ и снѣгъ, и вьюга вѣетъ,

Тамъ все или цвѣтеть, иль зрѣть:

А все за все спасибо мнѣ.

Хвалить себя хоть не пристало,

И хвастовства я не люблю;

Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.

Какъ здѣсь оно спесиво ни блистало,

Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;

А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.

Такъ, если зеленѣть желаешь ты зимою,

Какъ лѣтомъ и весною,

Дай у себя мнѣ уголокъ!»

Вотъ дѣло слажено: ужъ въ рощѣ огонекъ

Становится огнемъ; огонь не дремлетъ:

Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;

Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,

И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ.

Погибло все въ конецъ—и тамъ, гдѣ въ знойны дни

Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,

Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.

И нечему дивиться:

Какъ дереву съ огнемъ дружиться!

ХІІ. ЧИЖЪ И ЕЖЪ.

Уединеніе любя,

Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,

Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,

И не за что: такъ какъ-то пѣлось!

Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей,

Фебъ лучезарный изъ морей

Поднялся.

Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,

И въ срѣтенье ему

Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.

Мой чижъ замолкъ. «Ты что жъ,»

Спросилъ его съ насмѣшкой ежъ,

«Пріятель, не поешь?»

— «Затѣмъ, что голоса такого не имѣю,

Чтобъ Феба я достойно величалъ,»

Сквозь слезъ чижъ бѣдный отвѣчалъ:

«А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю.»

Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣль.
Я бѣ Александра пѣль.

XIII. ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виновать;
Тому въ исторіи мы тму примѣровъ слышимъ,
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: «какъ смѣешь ты, наглець, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое

Съ пескомъ и съ иломъ?

За дерзость такову

Я голову съ тебя сорву!»

— «Когда свѣтлѣйшій волкъ позволить,
Осмѣлюсь я донести, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволить:
Питья мутить ему никакъ я не могу.»

— «Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:

Я этого, пріятель, не забылъ!»

—«Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,»

Ягненокъ говоритъ.—«Такъ это былъ твой братъ.»

—«Нѣтъ братьевъ у меня.»—«Такъ это кумъ иль свать,

И словомъ, кто-нибудь изъ вашего же роду.»

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы всѣ мнѣ зла хотите,

И если можете, то мнѣ всегда вредите;

Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи.»

—«Ахъ, я чѣмъ виноватъ?»—«Молчи! усталъ я слушать.

Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!

Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать.»

Сказаль, и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ.

XIV. О Б Е З Ъ Я Н Ы.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо

И пользу отъ того сыскать;

А безъ ума перенимать,

И Боже сохрани, какъ худо!

Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.

Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,

Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.

Такъ въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,

Ихъ стая цѣлая сидѣла

По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,

И на ловца украдкою глядѣла,

Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.

Подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу,

И шепчуть всѣ другъ другу:

«Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него, такъ право, нѣтъ конца:

То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,

Что не видать ни рукъ, ни ногъ.
Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искуства не видать!

Красавицы-сестрицы!

Не худо бы намъ это перенять.

Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ...» Глядь,

Онъ подлинно ушелъ, и сѣти имъ оставилъ.

«Что жъ,» говорятъ онѣ, «и время намъ терять?

Пойдемъ-ка попытаться!»

Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.

Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься

И кутаться, и завиваться;

Кричать, визжать—веселье хоть куда!

Да вотъ бѣда,

Когда пришло изъ сѣти выдираться!

Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,

И, видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.

Онѣ—чтобъ на утекъ,

Да ужъ никто распутаться не могъ,

И всѣхъ ихъ побрали руками.

XV. С И Н И Ц А.

Синица на море пустилась:

Она хвалилась,

Что хочет море сжечь.

Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.

Страхъ обнялъ жителей нептуновой столицы;

Летять стадами птицы;

А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,

Какъ будетъ океанъ, и жарко ли, горѣть.

И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,

Охотники таскаться по пирамъ

Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,

Чтобъ похлебать ухи такой богатой,

Какой де откупщикъ и самый тороватый

Не даывалъ секретарямъ.

Толпяся: чуду всякъ заранѣ дивится,

Молчить и, на море глаза уставя, ждетъ;

Лишь изрѣдка иной шеенеть:

«Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится!»

Не тутъ-то: море не горить.

Кипить ли хоть?—И не кипить.

И чѣмъ же кончились затѣи величавы?

Синица со стыдомъ въ свояси уплыла;

Падѣлала синица славы,

А моря не зажгла.

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится,

Но ничьего не трогая лица:

Что дѣломъ, не сведя конца,

Не надобно хвалиться.

XVI. О С Е Л Ъ.

Когда вселенную Юпитеръ населялъ,
И заводилъ различныхъ тварей племя,
То и осель тогда на свѣтъ попалъ.
Но, съ умыслу ль или имѣя дѣль беремя,
Въ такое хлопотливо время,
Тучегонитель оплошалъ:
А вылился осель, почти какъ бѣлка, малъ.
Осла никто почти не примѣчалъ,
Хоть въ спеси никому осель не уступалъ.
Ослу хотѣлось бы повеличаться;
Но чѣмъ? Имѣя ростъ такой,
И въ свѣтѣ стыдно показаться.
Присталъ къ Юпитеру осель спесивый мой,
И росту сталъ просить большаго.
«Помилуй,» говоритъ: «какъ можно это снести?»
Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ такая честь;
Притомъ, съ великаго и до меньшаго,
Все рѣчь о нихъ лишь да о нихъ;
За что жъ къ осламъ ты столько лихъ,
Что имъ честей нѣтъ никакихъ,
И объ ослахъ никто ни слова?
А если бъ ростомъ я съ тебенка только былъ,
То спеси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ,
И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ.»
Что день, то снова
Осель мой то жъ Зевесу пѣлъ,
И до того онъ надоѣлъ,
Что, наконецъ, моленія ослова
Послушался Зевесъ:
И сталъ осель скотиной превеликой,
А сверхъ того ему такой данъ голосъ дикій,

Что мой ушастый Геркулесъ
Пораспугаль-было весь лѣсъ.

«Что то за звѣрь? какого роду?

Чай, онъ зубастъ? роговъ, чай, нѣтъ числа?»

Ну, только и рѣчей пошло, что про осла.

Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,

Какъ всѣ узнали, кто осель:

Осель мой глупостью въ пословицу вошелъ,

И на ослѣ ужъ возять воду.

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша;

Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

XVII. МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;

А у людей она слыхала,

Что это зло еще не такъ большой руки:

Лишь стоитъ завести очки.

Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;

Вертитъ очками такъ и сякъ:

То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,

То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;

Очки не дѣйствуютъ никакъ.

«Тыфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,

Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:

Все про очки лишь миѣ нагали; »

А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.»

Мартышка тутъ съ досады и съ печали

О камень такъхватила ихъ,

Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь—цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонить;
А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ опъ ее еще и гонить.

XVIII. ДВА ГОЛУБЯ.

Два голубя, какъ два родные брата, жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ, вѣрно, тамъ;
И радость, и печаль—все было пополамъ.

Не видѣли они, какъ время пролетало;
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну, кажется, куда бь хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга?

Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ летѣть:
Увидѣть, осмотрѣть
Диковинки земнаго круга,

Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой.
«Куда ты?» говорить сквозь слезъ ему другой:

«Что пользы по свѣту таскаться?
Иль съ другомъ хочешь ты разстаться?»

Безсовѣстный! когда меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны
И все, чѣмъ странствія опасны!

Хоть подожди весны летѣть въ такую даль:
Ужъ я тебя тогда удерживать не буду.

Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ, и малъ;
Да, чу! и воронъ прокричалъ:

Вѣдь это, вѣрно, къ худу.

Останься дома, милый мой!

Ну, намъ вѣдь весело съ тобой!

Куда жъ еще тебѣ летѣть, не разумѣю;
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.

Силки да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ;

Все стану надъ тобой бояться я несчатья:

Чуть тучка лишь надъ головой,

Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то братецъ мой?

Здоровъ ли, сытъ онъ, укрытъ ли отъ ненастья?»

Растрогала рѣчь эта голубка;

Жаль братца, да летѣть охота велика:

Она и разсуждать, и чувствовать мѣшаетъ.

«Не плачь, мой милый,» такъ онъ друга утѣшаетъ:

«Я на три дня съ тобой, не больше, разлучусь.

Все на́скоро въ пути замѣчу на полетѣ,
И, осмотрѣвъ, что есть диковиннѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружкѣ назадъ я ворочусь.
Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесть словечко!
Я вспомню каждый часъ и каждое мѣстечко;
Все расскажу: дѣла ль, обычай ли какой,

Иль гдѣ какое видѣлъ диво.

Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,
Какъ будто бѣ самъ леталъ ты по свѣту со мной. >
Тутъ—дѣлать нечего—друзья поцѣловались,

Простились и разстались.

Вотъ странникъ нашъ летитъ; вдругъ въ встрѣчу дождь
и громъ;

Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.

Гдѣ дѣтсья? Къ счастью, дубъ сухой въ глаза попался

Кой-какъ угнѣздился, прижался

Къ нему нашъ голубокъ;

Но ни отъ вѣтра онъ укрыться тутъ не могъ,

Ни отъ дождя спастись: весь вымокъ и продрогъ.

Утихъ помалу громъ. Чуть солнце просіяло,

Желанье позывать бѣдняжку далѣ стало.

Встряхнулся и летитъ—летитъ и видитъ онъ:

Въ заглушьи подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.

Спустился—въ сѣти тутъ попалась наша птичка!

Бѣды со всѣхъ сторонъ!

Трепещется онъ, рвется, бьется;

По счастью, сѣть стара: кой-какъ ее прорвалъ,

Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ!

Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.

Вотъ, пуще той бѣды, бѣда надъ головой:

Отколь ни взялся ястребъ злой;

Не взвидѣлъ свѣта голубъ мой!

Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машеть.

Ахъ, силы вкраткѣ! совсѣмъ истощены!

Ужъ когти хищныя надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашеть.

Тогда орелъ, съ небесъ направля свой полеть,
Ударилъ въ ястреба всей силой—

И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.

Межъ тѣмъ нашъ голубъ милый,

Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подъ плетнемъ.

Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:

Одна бѣда всегда другую накликаеть.

Ребенокъ, черепкомъ намѣтя въ голубка—

Сей возрастъ жалости не знаетъ—

Швырнулъ, и раскроилъ високъ у бѣдняка.

Тогда-то странникъ нашъ, съ разбитой головою,

Съ попорченнымъ крыломъ, съ новихнутой ногою,

Кляня охоту видѣть свѣтъ,

Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.

Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!

Къ отрадѣ онъ своей,

Услуги, лѣкаря и помощь видитъ въ ней;

Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

О вы, которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите!

Вы эту басенку прочтите,

И въ дальній путь такой пускайтесь не вдругъ.

Что бъ ни сулило вамъ воображенье ваше:

Но, вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,

Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

XIX. ЧЕРВОНЕЦЪ.

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье,
И даже нравовъ развращенье;

Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечъ имъ вмѣсто славы.

Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:

Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней доказать ее намѣрень вамъ.

Мужикъ-простакъ, какихъ вездѣ не мало,
Нашелъ червонецъ на земли.

Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;
Однакожь пятаковъ пригоршни трои
Червоица на обмѣнъ крестьянину дають.

«Постой же,» думаетъ мужикъ: «дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,

Что у меня его съ руками оторвутъ.»
Тутъ, взявъ песку, дресвы и мѣлу,
И натолокши кириича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу,
И со всего плеча

Червонецъ о кирпичъ онъ точить,

Дресвой дереть,
Пескомъ и мѣломъ треть;
Ну, словомъ, такъ какъ жаръ его поставить хочеть.
И подлинно, какъ жаръ, червонецъ заигралъ;
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.

XX. ТРОЕЖЕНЕЦЪ.

Какой-то грѣховодникъ
Женился отъ живой жены еще на двухъ.
Лишь до царя о томъ донесся слухъ
(А царь былъ строгъ и неохотникъ
Такимъ соблазнамъ потакать),
Онъ многоженца вмигъ велѣлъ подь судъ отдать,
И выдумать ему такое наказанье,
Чтобъ въ страхъ привести народъ,
И покуситься бы никто не могъ впередъ
На столь большое злодѣянье.
«А коль увижу де, что казнь ему мала,
Повѣшу тутъ же всѣхъ судей вокругъ стола.»
Судьямъ худыя шутки:
Въ холодный потъ кидаетъ ихъ боязнь.
Судьи толкуютъ трои сутки,
Какую бь выдумать преступнику имъ казнь.
Ихъ есть и тысячи; но опытами знаютъ,
Что все онѣ людей отъ зла не отучаютъ;
Однакожь, наконецъ, ихъ надоумилъ Богъ.
Преступникъ призванъ въ судъ, для объявленья
Судейскаго рѣшенья,

Которымъ, съ общаго сужденья,
Приговорили: жень отдать ему всѣхъ трехъ.
Народъ суду такому изумился
И ждалъ, что царь велить повѣсить всѣхъ судей;
Но не прошло четырёхъ дней,
Какъ троеженецъ удавился:
И этотъ приговоръ такой надѣлалъ страхъ,
Что съ той поры на трехъ женахъ
Никто въ томъ царствѣ не женился.

XXI. БЕЗБОЖНИКИ.

Быль въ древности народъ, къ стыду земныхъ племень,
Который дотого въ сердцахъ ожесточился,
Что противу боговъ вооружился.
Мятежныя толпы, за тысячью знамень,
Кто съ лукомъ, кто съ пращей, шума несутся въ поле.
Зачинщики изъ удалыхъ головъ,
Чтобы поджечь въ народѣ буйства болѣ,
Кричать, что судъ небесъ и строгъ, и безтолковъ;
Что боги или спятъ, иль правятъ безразсудно;
Что проучить пора ихъ безъ чиновъ;
Что, впрочемъ, съ ближнихъ горъ камнями не трудно
На небо дошвырнуть въ боговъ,
И заметать Олимпъ стрѣлами.
Смутяся дерзостью безумцевъ и хулами,
Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою приступилъ,
Чтобы бѣду онъ отвратилъ;
И даже весь совѣтъ боговъ тѣхъ мыслей былъ,
Что, къ убѣжденію бунтующихъ, не худо
Явить хоть небольшое чудо:

Или потопъ, иль съ трусомъ громъ,
Или хотъ каменнымъ ударить въ нихъ дождемъ.
«Пождемъ,»

Юпитерь рекъ: «а если не смирятся,
И въ буйствѣ прекоснять, безсмертныхъ не боясь —
Они отъ дѣлъ своихъ казнятся.»

Туть съ шумомъ въ воздухѣ взвилась
Тма камней, туча стрѣлъ отъ войскъ богомятежныхъ;
Но съ тысячью смертей, и злыхъ, и неизбѣжныхъ,
На собственыя ихъ обрушились главы.

—
Плоды невѣрія ужасны таковы;
И вѣдайте, народы, вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы,
Чѣмъ противъ Божества вооружаютъ васъ,
Погибельный вашъ приближаютъ часъ,
И обратятся всѣ въ громовыя вамъ стрѣлы.

XXII. ОРЕЛЬ И КУРЫ.

Желая свѣтлымъ днемъ вполнѣ налюбоваться,
Орель поднебесью леталь,
И тамъ гуляль,
Гдѣ молніи рождаются.

Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышины.

Царь-птица отдыхать садится на овинъ.

Хотъ это для орла насѣстокъ незавидный;

Но у царей свои причуды есть:

Быть можетъ онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,

Иль не было вблизи, ему по чину сѣсть,

Ни дуба, ни скалы гранитной;

Не знаю, что за мысль; но только, что орель
Немного посидѣль,

И тутъ же на другой овинъ перелетѣль.

Увидя то, хохлатая насѣдка
Толкуеть такъ съ своей кумой:
«За что орлы въ чести такой?»

Неужли за полеть, голубушка-сосѣдка?

Ну, право, если захочу,

Съ овина на овинъ и я перелечу.

Не будемъ же впередъ такія дуры,

Чтобъ почитать орловъ знатнѣе насъ:

Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ;

Да ты же видѣла сейчасъ,

Что по низу они летаютъ такъ, какъ куры.»

Орель отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:

«Ты права, только не совсѣмъ:

Орламъ случается и ниже куръ спускаться;

Но курамъ никогда до облакъ не подняться!»

Когда таланты судишь ты,

Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно,

Но, чувствуя, что въ нихъ и сильно, и прекъ аспо,

Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

I. ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало негодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ не благородно
Безъ службы и на волѣ жить.

Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ царя онѣ просить.
Хоть слушать всякій вздоръ богамъ бы и не сродно,
На сей однакожь разъ послушаль ихъ Зевесъ:
Дальимъ царя. Летить къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ,
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство:
Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Несуетливъ, невертопрашенъ,
Степенень, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ,
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ синовый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣеть подступить изъ подданныхъ никто:
Со страхомъ на него глядятъ онѣ, и то
Украдкой, издали, сквозь айръ и осоку;
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому бѣ не приглядѣлся свѣтъ,
То и онѣ сперва отъ страху отдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули.
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ.
А тамъ, которыя еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочить.

Въ три дня наскучило съ такимъ царемъ житье.

Лягушки новое челобитье,

Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу

Даль подлинно царя на славу!

Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,

Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство журавля.

Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ инаго нрава:

Не любитъ баловать народа своего;

Онъ виноватыхъ ѣсть: а на судѣ его

Нѣтъ правыхъ никого;

Зато ужъ у него,

Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.

На жителей болотъ

Приходить черный годъ.

Въ лягушкахъ каждый день великій недочетъ.

Съ утра до вечера ихъ царь по царству ходитъ,

И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,

Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.

Вотъ пуще прежняго и кваканье, и стонъ,

Чтобъ имъ Юпитеръ снова

Пожаловалъ царя инаго;

Что нынѣшній ихъ царь глотаеть ихъ, какъ мухъ;

Что даже имъ нельзя (какъ это не ужасно!)

Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;

Что, наконецъ, ихъ царь толнѣе имъ засухъ.

«Почто жъ вы прежде жить счастливо не умѣли?

Не мнѣ ль, безумныя,» вѣщалъ имъ съ неба гласъ,

«Покоя не было отъ васъ?»

Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?

Вамъ данъ былъ царь, такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ:

Вы взбунтовались въ вашей лужѣ;

Другой вамъ данъ, такъ этотъ очень лихъ:

Живите жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже!»

II. ЛЕВЪ И БАРСЪ.

Когда-то, въ старину,
Левъ съ барсомъ велъ предолгую войну
За спорные лѣса, за дебри, за вертепы.
Судиться по правамъ — не тотъ у нихъ былъ нравъ;
Да сильные жъ въ правахъ бываютъ часто слѣпы.

У нихъ на это свой уставъ:
Кто одолѣеть, тотъ и правъ.

Однако, наконецъ, не вѣчно жъ драться —

И когти притупятся:

Герои по правамъ рѣшились разобраться;
Намѣрились дѣла военны прекратить,

Окончить всѣ раздоры,

Потомъ, какъ водится, миръ вѣчный заключить

До первой ссоры.

«Назначимъ же скорѣй

Мы отъ себя секретарей,»

Льву предлагаетъ барсъ: «и какъ ихъ умъ разсудить,

Пусть такъ и будетъ.

Я, напримѣръ, къ тому опредѣлю kota:

Звѣрекъ хоть не казистъ, да совѣсть въ немъ чиста;

А ты осла назначь: онъ зпатнаго же чина,

И, къ слову молвить здѣсь,

Куда онъ у тебя завидная скотина!

Повѣрь, какъ другу, мнѣ: совѣтъ и дворъ твой весь

Его копытца врядъ ли стоять.

Положимся жъ на томъ,

На чемъ

Съ моимъ котикомъ онъ устроить.»

И левъ мысль барса утвердилъ

Безъ спору;

Но только не осла — лицецу нарядилъ

Онъ отъ себя для этого разбору,
Примолвя про себя (какъ видно, зная онъ свѣтъ):
«Кого намъ хвалить врагъ, въ томъ, вѣрно, проку нѣтъ.»

III. ВЕЛЬМОЖА И ФИЛОСОФЪ.

Вельможа, въ праздный часъ толкуя съ мудрецомъ
О томъ, о семъ,
«Скажи мнѣ,» говоритъ: «ты свѣтъ довольно знаешь,
И, будто въ книгѣ, ты въ сердцахъ людей читаешь:
Какъ это, что мы ни начнемъ,
Суды ли, общества ль учены заведемъ,
Едва успѣемъ оглянуться,
Какъ первые невѣжи тутъ вотрутся?
Ужли отъ нихъ совсѣмъ лѣкарства нѣтъ?»
—«Не думаю,» сказалъ мудрецъ въ отвѣтъ:
«И съ обществами та жъ судьба (сказать межъ нами),
Что съ деревянными домами.»
—«Какъ?»—«Такъ же: я вотъ свой достроилъ сими днями;
Хозяева въ него еще не вобрались,
А ужъ сверчки давно въ немъ завелись.»

IV. МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ—моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настезь двери;
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горь:

Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
Неумолимая, какъ сѣно, косить ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть вида на носу, чуть бродятъ полумертвы:
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ;
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давить волкъ овецъ, и смиренъ, какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ;
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубъ врозь живетъ,
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье?
Въ семь горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ.
Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть держатся въ нихъ души.
Сбредись, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза, и приложили уши.
«О, други!» началъ левъ: «по множеству грѣховъ
Подцали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ!
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
Итакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь—хоть это мнѣ и больно—
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ—за что?—совсѣмъ безвинно

Дираль безчинно;

А иногда—кто безъ грѣха?—

Случалось, драль и пастуха;

И въ жертву предаюсь охотно;

Но лучше бь намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечестъ

Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣе есть,

Того бы въ жертву и принесть,

И было бы богамъ то болѣе угодно.»

—«О царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты,»

Лисица говоритъ, «въ грѣхъ это ставишь ты.

Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,

То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;

Притомъ же, нашъ отецъ,

Повѣрь, что это честь большая для овецъ,

Когда ты ихъ изволишь кушать.

А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ

Ихъ чаще такъ учить—имъ это по дѣломъ:

Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью дышитъ,

И нашими себя вездѣ царями пишетъ.»

Окончила лиса; за ней, на тотъ же ладъ,

Льстецы льву то же говорить,

И всякій доказать спѣшить на перехватъ,

Что даже не въ чемъ льву просить и отпущенья.

За львомъ медвѣдь и тигръ, и волки, въ свой чередъ,

Во весь народъ

Повѣдали свои смиренно погрѣшенья;

Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ

Никто и шевелить не смѣлъ;

И всѣ, кто были тутъ богаты

Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ

Со всѣхъ сторонъ

Не только правы, чуть не святы.

Въ свой рядъ смиренный волъ имъ такъ мычить: «и мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы

Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого себѣ найти не могли ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ.»
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ медвѣди, тигры, волки:
«Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣсть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги!
Его, безчинника съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всё его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасти, и нравы отъ заразы!
Такъ, по его грѣхамъ у насъ и моръ такой!»
Приговорили—
И на костеръ вола взвалили.

И въ людяхъ такъ же говорятъ:
Кто помирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

V. СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подь окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хоть у воротъ передь дворомъ
Пристойнѣ бѣ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые жъ псы, притомъ,
Ни на кого не лають днемъ—
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
«Что можетъ,» говоритъ Полканъ, «пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;

Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спать безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шесть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучшить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружномъ счастьѣ все свое блаженство ставить!

Вотъ если бь, на примѣрь, съ тобою у насъ
Такая дружба завелась:
Скажу я смѣло,
Мы бь и не видѣли, какъ время бы летѣло.»
—«А что же? это дѣло!»
Барбось отвѣтствуетъ ему:
«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобою собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;

Окончили торги, и дѣлятъ барыши.

Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?

Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ;

Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.

«Скорѣй, скорѣй спасайте

Товары вы и домъ!»

Кричитъ одинъ изъ нихъ: «ступайте,

А счета послѣ мы сведемъ!»

—«Мнѣ только тысячу мою сперва додайте,»

Шумить другой:

«Я съ мѣста не сойду долой.»

—«Мнѣ двѣ не dodano, а вотъ тутъ счета ясны!»

Еще одинъ кричитъ.—«Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны!

Да какъ, за что и почему?»

Забывши, что пожаръ въ дому,

Проказники тутъ до того шумѣли,

Что захватило ихъ въ дыму,

И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,

Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,

Что, чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,

Всякъ споры затѣваетъ

О выгодѣ своей.

УП. БОЧКА.

Пріятель своего пріятеля просилъ,

Чтобъ бочкою его дни на три онъ ссудилъ.

Услуга въ дружбѣ—вещь святая!

Вотъ, если бѣ дѣло шло о деньгахъ—рѣчь иная:

Тутъ дружба въ сторону, и можно бѣ отказать;

А бочки для чего не дать?
Какъ возвратилась она, тогда опять
Возить въ ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только въ томъ:
Та бочка для вина брана откупщикомъ,
И настоялась такъ въ два дни она виномъ,
Что винный духъ пошелъ отъ ней во всемя:
Квасъ, пиво ли сварять, пу даже и въ сѣбстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близъ году:
То выпарить, то ей провѣтриться даетъ;
Но чѣмъ ту бочку ни нальетъ,
А винный духъ все вонь нейдетъ;
И съ бочкой, наконецъ, онъ принужденъ разстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

VIII. ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: «ахти, ребята, воръ!»
И вмгъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.

Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,

Иной съ ружьемъ.

«Сгна!» кричатъ: «огня!» Пришли съ огнемъ.

Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголь задомъ.

Зубами щелкая, и ощетиня шерсть,

Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;

Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,

И что приходитъ, наконецъ,

Ему расчесться за овецъ,

Пустился мой хитрецъ

Въ переговоры,

И началъ такъ: «друзья! къ чему весь этотъ шумъ?

Я, вашъ старинный свать и кумъ,

Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;

Забудемъ прошлое, устави́мъ общій ладъ!

А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,

Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,

И волчьей клятвой утверждаю,

Что я...»—«Послушай-ка, сосѣдь,»

Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:

«Ты сърѣ, а я, пріятель, съдѣ,

И волчью вашу я давно натуру знаю;

А потому обычай мой:

Съ волками иначе не дѣлать мировой,

Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.»

И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

IX. Р У Ч Е Й.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:

Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша пастуха, ручей журчитъ сердито:
«Рѣка несытая! что, если бь дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно, и открыто,
И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семь днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай бы со стыда ты землю сквозь прорыла,
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла:
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки, и cadaго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключя нигдѣ ни бѣды, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.»
Такъ говорилъ ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И что жъ? Не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но, ахъ, куда въ ручьѣ смиренность дѣлась!
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы:
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ

Пеняль недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины еѳо пропали и слѣды.

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!

Х. ЛИСИЦА И СУРОКЪ.

«Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?»

Лисицу спрашивалъ сурокъ.

— «Охъ, мой голубчикъ-куманекъ!

Терплю напраслину, и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей,

Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,

Въ трудахъ куска не доѣдала,

Ночей не досыпала,

И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала;

А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты:

Кто жъ будетъ въ мѣрѣ правъ, коль слушать клеветы?

Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся!

Ну, видывалъ ли ты, я на тебя пошлюся,

Чтобъ этому была причастна я грѣху?

Подумай, вспомни хорошенько.»

— «Нѣтъ, кумушка; а видывалъ частенько,

Что рыльце у тебя въ пуху.»

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,

Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ:

И подлинно, весь городъ знаетъ,

Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь: помаленьку
То домикъ выстроить, то купить деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свестъ,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

XI. ПРОХОЖІЕ И СОБАКИ.

Шли два пріятеля вечернею порой,
И дѣльный разговоръ вели между собой;
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворяшка твякнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалось съ полсотни.
Одинъ, было, уже проходій камень взялъ.
«И полно, братецъ!» тутъ другой ему сказалъ:
«Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю.»
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слышать.

Завистники, на что ни взглянуть,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ да отстанутъ.

ХІІ. СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ.

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаеть;
Стрекоза ужъ не поеть:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный!
Злой тоской удручена,

Къ муравью ползеть она:
«Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И, до вешнихъ только дней,
Прокорми и обогрѣй!»
—«Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала ль ты въ лѣто?»
Говорить ей муравей.
—«До того ль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило.»
—«А, такъ ты...»—«Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.»
—«Ты все пѣла? это дѣло;
Такъ поди же попляши!»

ХІІІ. Л Ж Е Ц Ъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ,» говорить: «что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчь совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,

И круглый божій годъ все видишь майскій день.

Никто тамъ ни садить, ни сѣть,

А если бѣ посмотрѣлъ, что тамъ растеть и зрѣть!

Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:

Ахъ, мой творецъ!

И по сію не вспомнюсь пору!

Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору.»

—«Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:

«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;

Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.

Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,

Какого ты нпгдѣ, конечно, не встрѣчалъ,

И я въ томъ спорить буду.

Вонъ, видишь ли, черезъ рѣку тотъ мостъ,

Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,

А свойство чудное имѣть:

Лжець ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣть:

До половны не дойдетъ—

Провалится, и въ воду упадетъ;

Но кто не лжетъ,

Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ.»

—«А какова у васъ рѣка?»

—«Да не мелка.

Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!

Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ;

Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?»

—«Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ.»

—«Повѣрить трудно!

Однакожь какъ ни чудно,

А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,

Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ;

И нынѣшней еще весной

Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)

Два журналиста да портной.

Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.»

—«Ну, не такое еще диво;

Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;

Что тамъ за дома:

Въ одинъ двоимъ за нѣжду влѣзть,

И то ни стать, ни сѣсть!»

—«Пусть такъ, но все признаться должно,

Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,

Въ которомъ двумъ усѣсться можно.

Однакожь мостъ-ать нашъ каковъ,

Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,

Какъ тотчасъ въ воду!

Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...»

—«Послушай-ка,» тутъ перервалъ мой лжець:

«Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду.»

XIV. ОРЕЛЬ И ПЧЕЛА.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:

Ему и то ужъ силы придаетъ,

Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ;

Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый

За всѣ труды, за весь потерянный покой,

Ни славою, ни почестями не льстится,

И мыслью оживленъ одной,

Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,

Сказалъ орель однажды ей съ презрѣньемъ:

«Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка,

Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!

Вась въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ:
Да кто же послѣ разбереть
И отличить твои работы?
Я, право, не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть въ виду?...
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширися шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатя подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ,
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться.»
Пчела отвѣтствуетъ: «тебѣ хвала и честь!
Да прѣдлить надъ тобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родяся труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смѣтря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.»

XV. ЗАЯЦЪ НА ЛОВЛѢ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ задавили,
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанеть;
А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянеть.
«Ба, ты, косою!»
Кричатъ ему: «пожаловаль отколѣ?

Тебя никто на ловлѣ не видалъ,»
— «Вотъ, братцы!» заяцъ отвѣчалъ:
«Да изъ лѣсу то кто жъ?— все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка!»
Такое хвастовство хотъ слишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочокъ медвѣжьего ушка.

Надъ хвастунами хотъ смѣются,
А часто въ дѣлѣжѣ имъ доли достаются.

XVI. ЩУКА И КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено стократно,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубить,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,

Чтобъ взялъ ее съ собою онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.

«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»

Сталъ шукѣ Васька говорить:

«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:

Не даромъ говорится,

Что дѣло мастера боится.»

—«И, полно, куманекъ! Вотъ пѣвицаль: мышей!

Мы лавливали и ершей.»

—«Такъ въ добрый часъ, поидемъ!» Пошли, засѣли.

Натѣшился, наѣлся котъ,

И кумушку провѣдать онъ идетъ;

А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,

И крысы хвостъ у ней отѣли.

Тутъ, види, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стапилъ ее обратно въ прудъ.

И дѣльно! Это, щука,

Тебѣ наука:

Впередъ умнѣе быть,

И за мышами не ходить.

XVII. ВОЛКЪ И КУКУШКА.

«Прощай, сосѣдка!» волкъ кукушкѣ говорилъ:
«Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!

Все тѣ жъ у васъ и люди, и собаки:

Одинъ другаго злѣй; и хоть ты ангелъ будь,

Такъ не минуешь съ ними драки.»

— «А далеко ль сосѣду путь?»

И гдѣ такой народъ благочестивый,

Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?»

— «О, я прямехонько иду

Въ лѣса Аркадіи счастливой.

Сосѣдка, то-то сторона!

Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;

Какъ агнцы, кротки человѣки,

И молокомъ текутъ тамъ рѣки;

Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!

Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,

И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,

Не только не кусаютъ.

Скажи жъ сама, голубка, мнѣ,

Не мило ль, даже и во снѣ,

Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?

Прости! не поминай насъ лихомъ!

Ужъ то-то тамъ мы заживемъ
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!
Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой днемъ,
И не засни спокойно на ночлегѣ.»

—«Счастливыи путь, сосѣдъ мой дорогой!

Кукушка говорить: «а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возьмешь съ собой?»

—«Ужъ кинуть, вздоръ какой!»

—«Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.»

Чѣмъ правомъ кто дурнѣй,

Тѣмъ болѣе кричить и ропщеть на людей:

Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется,

А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.

ХVIII. ПѢТУХЪ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая,

Пѣтухъ нашель жемчужное зерно,

И говорить: «куда оно?

Какая вещь пустая!

Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнить!

А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ

Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,

Да сытно.» #

Невѣжды судять точно такъ:

Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

ХІХ. КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОТНИКЪ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ взапуски его цѣнять,
И если онъ у насъ не виновать,
Такъ это чудо!

Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ
Шель подъ вечеръ, лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.
«Степанушка родной, не выдай, милый!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силою,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилою.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ;
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй,» говоритъ: «за что?»—«За что, болванъ!

Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!»

XX. О Б О З Ъ.

Съ горшками шель обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
«Ай конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой осель! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ тершѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронѣлася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась,
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;

Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рывинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй—и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

XXI. В О Р О Н Е Н О К Ъ .

Орель
Изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ,
И выхватилъ ягненка;
А воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: «ужь брать, такъ брать,
А то и когти что марать!
Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты;
Ну только ль въ стадѣ что ягняты?
Вотъ я, какъ захочу
Да налечу,
Такъ царскій подлинно кусочекъ подхвачу!»
Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ:
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ
Высматриваль, сличаль и выбралъ наконецъ
Барана, да какого?

Прежирнаго, прематераго,
который доброму бѣ и волку былъ въ подъемъ.

Издадьясь, на него спустился,

И въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился.

Когда-то онъ узналъ, что дѣбъчь не по немъ.

Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ

Тулупъ такой былъ прекосматый,

Густой, всклокоченный, хохлатый,

Что изъ него когтей не вытеребилъ вонъ

Затѣйникъ нашъ крылатый,

И кончплъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полѣнъ.

И барана настухи его чиниенько спяли;

А чтобы онъ не могъ летать,

Ему всѣ крылья окорнали,

И дѣтямъ отдали играть.

Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ,

Коль мелкій плутъ

Большому плуту подражаетъ:

Что сходить съ рукъ ворами, за то воринекъ бьютъ

XXII. СЛОНЪ НА ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знатенъ и силенъ,

Да не умень,

Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ слонъ.

Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,

Однакоже въ семьѣ не безъ уroda:

Нашъ воевода

Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ умыслу онъ мухи не обидить.

Вотъ добрый воевода видить:

Вступило отъ овецъ прошеніе въ приказъ:
«Что волки де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.»
— «О плуты!» слонъ кричитъ: «какое преступленье!

Кто грабить далъ вамъ позволенье?»

А волки говорятъ: «помилуй, нашъ отецъ!

Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ?

А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы:

Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкуркѣ снятъ
Да и того имъ жаль отдать.»

— «Ну то-то жъ,» говоритъ имъ слонъ: «смотрите!

Неправды я не потерплю ни въ комъ:

По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите:

А больше ихъ не троньте волоскомъ.»

XXIII. ОСЕЛЬ И СОЛОВЕЙ.

Осель увидѣлъ соловья

И говоритъ ему: «послушай-ка, дружище!

Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерице:

Хотѣлъ бы очень я

Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,

Велико ль подлинно твое умѣнье?»

Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:

Защелкалъ, засвисталъ,

На тысячу ладовъ тянулъ, переливался;

То нѣжно онъ ослабѣвалъ,

И томной вдаль свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ рассыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада. ×
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно,» говорить: «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ наострился,
Когда бы у него немножко поучился.»
Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I. ОТКУПЩИКЪ И САПОЖНИКЪ.

Богатый откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ;
Вль сладко, вкусно пилъ;
По всякій день давалъ пиры, банкеты;
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и випъ, чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край.
И словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ божьяго ль боится онъ суда,
Иль, просто, труситъ разориться:
Да только все ему некрѣпко какъ-то спится.
А сверхъ того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца, сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ,
Сапожникъ; но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зари и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ,
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.
Какъ быть и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣннѣя его отвадить?
Велѣтъ молчать: такъ власти нѣтъ;

Просиль: такъ просьба не беретъ.

Придумалъ наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.

Пришелъ сосѣдъ.

«Пріятель дорогой, здорово!»

—«Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово.»

—«Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Климы, идутъ?»

(Въ комъ нѣжда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ).

—«Дѣлишки, баринъ? Да не худо!»

—«Такъ оттого-то ты такъ весель, такъ поешь?

Ты, стало, счастливо живешь?»

—«На Бога грѣхъ роптать, и что жъ за чудо?

Работою заваленъ я всегда;

Хозяйка у меня добра и молода:

А съ доброю женой, кто этого не знаетъ,

Живется какъ-то веселѣй.»

—«И деньги есть?»—«Ну, нѣтъ, хотьлишнихъ не бываетъ,

Зато нѣтъ лишнихъ и затѣй.»

—«Итакъ, мой другъ, ты быть богаче не желаешь?»

—«Я этого не говорю;

Хоть Бога и за то, что есть, благодарю;

Но самъ ты, баринъ, знаешь,

Что человекъ, пока живетъ,

Все хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.

Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;

И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало.»

—«Ты дѣло говоришь, дружокъ:

Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства;

Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ;

Но все ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.

Возьми же, вотъ тебѣ рублевику мѣшокъ:

Ты мнѣ за правду полюбился.

Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.

Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,

И къ нѣждѣ ихъ ты береги!

Пятьсотъ рублей тутъ вѣрнымъ счетомъ.
Прощай!» Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой
Не бѣгомъ—летомъ.
Примчалъ гостинецъ подъ полой,
И той же noci въ подземельѣ
Зарылъ мѣшокъ—и съ нимъ свое веселье!
Не только пѣсенъ нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!);
Все подозрительно, и все его тревожить:
Чуть ночью кошка заскребеть,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣтъ весь, и ухо онъ приложить.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хотъ кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И наконецъ за умъ хватился:
Бѣжить съ мѣшкомъ къ откупицику,
И говоритъ: «спасибо на пріятствѣ!
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ:
Я до него не зналъ, какъ худо спать.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ за пѣсни и за сонъ .
Не надобенъ ни миллионъ.»

II. КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БѢДѢ.

Крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣтъ, и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ;

И то сказать: какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,

Хоть по міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!

Крестьянинъ тужить и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.

«Нельзя ли,» говорить, «помочь бѣдѣ моей?»

Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.

Кумъ Карпычъ говоритъ, «эхъ, свѣтъ!

Не надобно было тебѣ по міру славить,

Что столько ты богатъ.»

Сватъ Климычъ говоритъ: «впередъ, мой милый сватъ,

Старайся клѣтъ къ избѣ гораздо ближе ставить.»

— «Эхъ, братцы, это все не такъ,»

Сосѣдъ толкуетъ Фока:

«Не то бѣда, что клѣтъ далека,

Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;

Возьми-ка у меня щенка любого

Отъ жучки: я бы радъ сосѣда дорогаго

Отъ сердца надѣлать,

Чѣмъ ихъ топить.»

И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ

Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,

Кто сколько могъ,

А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

—
На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься—

Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:

Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямь;

А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,

То лучший другъ—
И нѣмъ, и глухъ.

III. ХОЗЯИНЪ И МЫШИ.

Коль въ домѣ стануть воровать,
А нѣтъ прилики вору,
То берегись клепать,
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь,
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь,
И отъ меньшей бѣды въ большую попадешь.

Купчина выстроилъ амбары,
И въ нихъ поклатъ съѣстные всѣ товары;
А чтобъ мышиный родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ мышей купчина;
По кладовымъ и день, и ночь дозоръ;
И все бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.
У кошекъ, какъ у насъ (кто этого не знаетъ?),
Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ.
Тутъ, чѣмъ бы вора подстеречь,
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатый,
И правый тутъ, и виноватый
Скорѣй съ двора долой.
Безъ кошекъ сталъ купчина мой;

А мыши лишь того и ждали, и хотѣли:
Лишь кошки вонъ, онѣ—въ амбаръ,
И, въ двѣ иль три недѣли,
Поѣли весь товаръ.

IV. СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ.

Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;

Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.

Отколѣ ни возмись, на встрѣчу моська имъ.

Увидѣвши слона, ну на него метаться

И лаять, и визжать, и рваться;

Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.

«Сосѣдка, перестань срамиться,»

Ей шавка говоритъ: «тебѣ ль съ слономъ возиться?»

Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ

Впередъ, .

И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.»

—«Эхъ, эхъ!» ей моська отвѣчаетъ:

«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,

Что я, совсѣмъ безъ драки,

Могу попасть въ большія забіяки.

Пускай же говорятъ собаки:

Ай моська! знать, она сильна,

Что лаетъ на слона!»

V. ВОЛКЪ И ВОЛЧЕНОКЪ.

Волченка волкъ, начавъ помалу приучать
Отцовскимъ промысломъ питаться,
Послалъ его опушкой прогуляться;
А между тѣмъ велѣлъ прилежиѣй примѣчать,
Нельзя ль гдѣ счастья имъ отвѣдать,
Хоть захвата грѣха,
На счетъ бы пастуха
Позавтракать иль пообѣдать.
Приходитъ ученикъ домой
И говорить: «пойдемъ скорѣй со мной!
Обѣдъ готовъ; ничто не можетъ быть вѣрнѣе:
Тамъ, подъ горой
Пасутъ овецъ, одна другой жирнѣе;
Любую стобить лишь унестъ
И съѣсть;

А стадо таково, что трудно перечестъ.»
— «Постой-ка,» волкъ сказалъ: «сперва мнѣ вѣдать надо,
Каковъ пастухъ у стада?»
— «Хоть говорить, что онъ
Не плохъ, заботливъ и уменъ;
Однако стадо я обшелъ со всѣхъ сторонъ,
И высмотрѣлъ собакъ: онѣ совсѣмъ не жирны
И плохи, кажется, и смирны.»
— «Меня такъ этотъ слухъ,»

Волкъ старый говорить, «не очень къ стаду манить;
Коль подлинно не плохъ пастухъ,
Такъ онъ плохихъ собакъ держать не станетъ.
Тутъ тотчасъ попадешь въ бѣду!

Пойдемъ-ка, я тебя на стадо наведу,
Гдѣ сбережемъ вѣрнѣй мы наши шкуры:
Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ,

Да самъ пастухъ дуракъ;
А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.»

VI. ОБЕЗЪЯНА.

Какъ хочешь ты трудись;
Но приобрѣсть не лѣстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой,
Зато, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопочъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватить,
То поволо́четъ, то покатить;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ;
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ,
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ!

VII. М Ы Ш О К Ъ .

Въ прихожей на полу,
Въ углу,
Пустой мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
И, весь червонцами набитъ,
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его делѣтъ,
И бережетъ мѣшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха съѣсть не смѣтъ;
А сверхъ того съ мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ;
Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ;
А ежели мѣшокъ открыть,
То всякій на него умильно такъ глядитъ;
Когда же кто къ нему подсядетъ,
То вѣрно ужъ его потреплетъ иль погладитъ.
Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести;
О всемъ и рядить онъ, и судить:
И то не такъ,
И тотъ дуракъ,
И изъ того-то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ;
Хоть онъ такую дичь несетъ,

Что уши вянутъ;

Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,

Что имъ съ червонцами мѣшокъ

Что ни скажи, всему дивиться стануть.

Но долго ль былъ мѣшокъ въ чести, и слылъ съ умомъ,

И долго ли его ласкали?

Пока всѣ изъ него червонцы потаскали;

А тамъ онъ выброшень, и слуху нѣтъ о немъ.

Мы басней никого обидѣть не хотѣли;

Но сколько есть такихъ мѣшковъ

Между откупщиковъ,

Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли;

Иль между игроковъ,

Которы у себя за рѣдкость рубль видали,

А нынѣ, пополамъ съ грѣхомъ, богаты стали;

Съ которыми теперь и графы, и князья—

Друзья;

Которые теперь съ вельможей,

У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,

Играютъ запросто въ бостонъ!

Велико дѣло—миліонъ!

Однакоже, друзья, вы столько не гордитесь!

Сказать ли правду вамъ тишкомъ?

Не дай Богъ, если разоритесь:

И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ мѣшкомъ.

VIII. КОТЪ И ПОВАРЬ.

Какой-то поварь, грамотей,

Съ поварни побѣждалъ своей

Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.

Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Обѣдки пирога; а Васька-котъ въ углу,

Припавъ за уккуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.

«Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!»

Тутъ Ваську поваръ укоряетъ:

«Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?»
(А Васька все-таки курченка убираетъ).

«Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ,

А ты... ахти, какой позоръ!

Теперь всѣ сосѣди скажутъ:

Котъ-Васька плутъ! котъ-Васька воръ!

И Ваську де, не только что въ поварню,

Пускать не надо и на дворъ,

Какъ волка жаднаго въ овчарню;

Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!»

(А Васька слушаетъ да ѣстъ).

Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ течению,

Не находилъ конца нравоученью.

Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,

Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному

Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:

Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,

Гдѣ нужно власть употребить.

IX. ЛЕВЪ И КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся,
И слабого обидѣть не моги!

Мстятъ сильно иногда безсильные враги;
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!

Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно левъ за спесь наказанъ комаромъ.

Вотъ что о томъ я слышалъ стороною:

Сухое къ комару явилъ презрѣнье левъ;

Зло взяло комара: обиды не стерпѣвъ,

Собрался, поднялся комаръ на льва войною.

Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищить во всю гортань,

И вызываетъ льва на смертоносну брань.

Льву смѣхъ, но нашъ комаръ не шутить:

То съ тылу, то въ глаза, то въ уши льву онъ трубить!
И, мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,

Орломъ на льва спустился,

И льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.

Левъ дрогнулъ, и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ комаръ, да онъ же и не труситъ:
Льву сѣлъ на самый лобъ, и лъвину кровь сосеть.
Левъ голову крутитъ, левъ гривую трясеть;

Но нашъ герой свое несетъ:

То въ носъ забьется льву, то въ ухо льва укуситъ.

Вздурился левъ,

Престрашный поднялъ ревъ,

Скрежещетъ въ ярости зубами,

И землю онъ деретъ когтями.

Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожить.

Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется, бѣжитъ;

Отколь у всѣхъ взялися ноги,

Какъ будто бы пришелъ потопъ или пожаръ!

И кто жъ? комаръ

Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги!

Рвался, метался левъ, и, выбившись изъ силъ,

О землю грянулся, и миру запросилъ.

Насытилъ злость комаръ; льва жалуетъ онъ миромъ:

Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ,

И самъ

Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

Х. ОГОРОДНИКЪ И ФИЛОСОФЪ.

Весной въ своихъ грядкахъ такъ рылся огородникъ,
Какъ будто бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ:

Мужикъ ретивый былъ работникъ
И дюжь, и свѣжь на взглядъ;

Подъ огурцы одни онъ взрыль съ полсотни грядъ.

Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ охотникъ
До огородовъ и садовъ,

Великій краснобай, названый другъ природы,
Недоученый философъ,

Который лишь изъ книгъ болталъ про огороды;
Однакожь за своимъ онъ вздумалъ самъ ходить,
И тоже огурцы садить;

А между тѣмъ смѣялся такъ сосѣду:

«Сосѣдъ, какъ хочешь ты потѣй,

А я съ работою моею

Далеко отъ тебя уѣду;

И огородъ твой при моемъ

Казаться будетъ пустыремъ.

Да, правду говорить, я и тому дивился,

Что огородишко твой кое-какъ идетъ.

Какъ ты еще не разорился?

Ты, чай, вѣдь никакимъ наукамъ не учился?»

—«И некогда,» сосѣда былъ отвѣтъ.

«Прилежность, навыкъ, руки

Вотъ всѣ мои тутъ и науки;

Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ.»

—«Невѣжа! возставать противъ наукъ ты смѣешь!»

—«Нѣтъ, баринъ, не толкуи моихъ такъ криво словъ:

Коль ты что путное затѣешь,

Я перенять всегда готовъ.

А вотъ, увидишь ты, лишь лѣта бѣ намъ дожждаться...

Но, баринъ, не пора ль за дѣло приниматься?

Ужь я кой-что посѣялъ, посадилъ;

А ты и грядъ еще не взрыль».

—«Да, я не взрыль, за недосугомъ:

Я все читалъ

И вычиталь,
Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть, сохой иль плугомъ,
Но время еще не уйдетъ.»

—«Какъ васъ, а насъ оно не очень ждетъ,»
Послѣдній отвѣчалъ—и тутъ же съ нимъ разстался,

Взявъ заступъ свой;
А философъ пошелъ домой,
Читалъ, выписывалъ, справлялся
И въ книгахъ рылся, и въ грядкахъ,
Съ утра до вечера въ трудахъ;
Едва съ одной работой сладить,
Чуть на грядкахъ лишь что взойдетъ:
Въ журналахъ новость онъ найдетъ—
Все перероетъ, пересадитъ
На новый ладъ и образецъ.
Какой же вылился конецъ?

У огородника возшло все и поспѣло:

Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло;
А философъ—
Безъ огурцовъ.

XI. КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА.

«Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за страсть
Курь красть?»

Крестьянинъ говорилъ лисицѣ, встрѣтаясь съ нею.

«Я, право, о тебѣ жалѣю!

Послушай, мы теперь вдвоемъ,

Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоемъ

Ни на волосъ добра не видно.

Не говори уже, что красть и грѣхъ, и стыдно,

И что бранить тебя весь свѣтъ;
Да дня такого нѣтъ,
Чтобъ не боялась ты, за ужинъ или обѣдъ,
Въ курятникѣ оставить шкуры!
Ну, стоять ли того всѣ куры?»
—«Кому такая жизнь сносна!»

Лисица отвѣчаетъ:

«Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже мнѣ и пища не вкусна.
Когда бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? Нѣжда, дѣти;
Притомъ же иногда, голубчикъ-кумъ,
И то приходится въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ!
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ.»
—«Ну, что жъ?»

Крестьянинъ говоритъ: «коль вправду ты не лжешь,
Я отъ грѣха тебя избавлю,
И честный хлѣбъ тебѣ доставлю;
Наймись курятникъ мой отъ лисъ ты охранять:
Кому, какъ не лисѣ, всѣ лисьи плутни знать?
Зато ни въ чемъ не будешь ты нуждаться,
И станешь у меня, какъ въ маслѣ сырѣ, кататься.»
Торгъ слаженъ, и съ того жъ часа
Вступила въ караулъ лиса.

Пошло у мужика житье лисѣ привольно;
Мужикъ богатъ, всего лисѣ довольно;
Лисица стала и сытѣй,
Лисица стала и жирнѣй,
Но все не сдѣлалась честнѣй:
Некраденый кусокъ пріѣлся скоро ей;
И кумушка тѣмъ службу повершила,
Что, выбравъ ночку потемнѣй,
У вуманька всѣхъ куръ передушила.

Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нѣждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть миллионъ—
Онъ воровать не перестанетъ.

XII. ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

Льву, кесарю лѣсовъ, Богъ сына даровалъ.
Звѣриуюю вы знаете природу:
У нихъ, не какъ у насъ: у насъ ребенокъ году,
Хотя бъ онъ царскій былъ, и глупъ, и слабъ, и малъ;
А годовалый львенокъ
Давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ.
Такъ къ году левъ-отецъ не шуткой думать сталъ,
Чтобы сына невѣжей не оставить,
Въ немъ царску честь не уронить,
И чтобъ, когда сынку придется царствомъ править,
Не сталъ бы за сына народъ отца бранить.
Кого жъ бы попросить, нанять или заставить
Царевича царемъ на вшучку поставить?
Отдать его лисѣ? Лиса умна,
Да лгать великая охотница она;
А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука;
Такъ это, думалъ царь, не царская наука.
Отдать кроту? О немъ молва была,
Что онъ во всемъ большой порядокъ любить:
Безъ ошупи шага не ступить,
И всякое зерно для своего стола
Онъ самъ и чистить, самъ и лупить;

И словомъ, слава шла,

Что кротъ великій звѣрь на малыя дѣла;
Бѣда лишь: подъ носомъ глаза кротовы зорки,

Да вдаль не видятъ ничего;

Порядокъ же кротовъ хорошъ, да для него;

А царство львиное гораздо больше норки.

Не взять ли барса? Барсъ отваженъ и силенъ;

А сверхъ того великій тактикъ онъ;

Да барсъ политики не знаетъ,

Гражданскихъ правъ совсѣмъ не понимаетъ:

Какіе жъ царствовать уроки онъ подастъ!

Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ;

А барсъ лишь рѣзаться гораздъ;

Такъ и дѣтей учить онъ царскихъ не достоинъ.

Короче: звѣри всѣ и даже самый слонъ,

Которыи былъ въ лѣсахъ почтенъ,

Какъ въ Греціи Платонъ,

Льву все еще казался неумень

И неученъ.

По счастью или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),

Услышавъ про царево горе,

Такой же царь, пернатыхъ царь, орелъ,

Который вель

Со львомъ пріязнь и дружбу,

Для друга сослужить большую взялся службу,

И вызвался самъ львенка воспитать.

У льва, какъ гору съ плечъ, свалило.

И подлинно: чего, казалось, лучше было,

Царевичу царя въ учителя сыскать?

Вотъ львенка снарядили

И отпустили

Учиться царствовать къ орлу.

Проходитъ годъ и два; межъ тѣмъ, кого ни спросятъ,

О львенкѣ ото всѣхъ лишь слышатъ похвалу:

*

Всѣ птицы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.

И наконецъ приходитъ срочный годъ,

Царь-левъ за сыномъ шлетъ.

Явился сынъ; тутъ царь собираетъ весь народъ,

И малыхъ, и большихъ сзываетъ;

Сынка цѣлуетъ, обнимаетъ,

И говоритъ ему онъ такъ: «любезный сынъ,

По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ;

Я въ гробъ уже гляжу, а ты лишь въ свѣтъ вступаешь;

Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ.

Скажи теперь при всѣхъ лишь намъ,

Чему ученъ ты, что ты знаешь,

И какъ ты свой народъ счастливымъ сдѣлать чаешь?»

— «Папа,» отвѣтствовалъ сынокъ: «я знаю то,

Чего не знаетъ здѣсь никто;

И отъ орла до перепелки,

Какой гдѣ птицѣ болѣ водъ,

Какая чѣмъ изъ нихъ живетъ,

Какія яйца несетъ,

И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки!

Вотъ отъ учителей тебѣ мой аттестатъ:

У птицъ не даромъ говорятъ,

Что я хватаю съ неба звѣзды;

Когда жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,

То я тотчасъ начну звѣрей учить

Вить гнѣзды.»

Тутъ ахнулъ царь и весь звѣриный свѣтъ;

Повѣсилъ головы совѣтъ,

А левъ-старикъ поздненько спохватился,

Что львенокъ пустякамъ учился,

И не добро онъ говорить;

Что пользы нѣтъ большой тому знать птичій бытъ,

Кого звѣрьми владѣть поставила природа,

И что важнѣйшая наука для царей:

Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

ХІІІ. СТАРИКЪ И ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ садить сбирался деревцо.

«Ужъ пусть бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта!»

Такъ, старику смѣясь въ лицо,

Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали.

«Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали,

То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.

Неужли будешь ты второй Маеусайлъ?

Оставь, старинушка, свои работы:

Тебѣ ли затѣвать толь дальніе расчеты?

Едва ли для тебя текущій вѣренъ часъ?

Такіе замыслы простительны для насъ:

Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью, и силой,

А старику пора знакомиться съ могилой.»

— «Друзья!» смпренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:

«Издѣтства я къ трудамъ привыкъ;

А если отъ того, что дѣлать начинаю,

Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю,

То, признаюсь,

За трудъ такой еще охотнѣе берусь.

Кто добръ, не все лишь для себя трудится.

Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь,

Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,

То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится:

И это для меня ужъ плодъ.

Да можно ль и за то ручаться напередъ,

Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на снлу
Или на прелестъ лицъ?

Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ.»
Какъ имъ сказалъ старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Надеждой счастье сперва ему польстило;
Но бурей корабль разбило:
Надежду и пловца—все море поглотило.

Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти,
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залѣчили.
Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый старичокъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

XIV. Д Е Р Е В О .

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ,
«Голубчикъ,» дерево сказало молодое:
«Пожалуй, вырубь вокругъ меня ты лѣсъ;
Я не могу расти въ покоѣ;
Ни солнца мнѣ не видѣть свѣтъ,
Ни для корней моихъ простору нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы:

Такіе надо мной онъ сплестъ изволилъ своды!
Когда бъ не отъ него расти помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣлалось красою сей странѣ,
И тѣнью бы моею покрылась вся долина;
А нынѣ тонко я, почти какъ хворостина.»

Взялся крестьянинъ за топоръ,
И дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:

Вкругъ деревца большой очистился просторъ;

Но торжество его недолго было:

То солнцемъ дерево печетъ,

То градомъ, то дождемъ сѣчетъ,

И вѣтромъ наконецъ то деревцо сломило.

«Везумное!» ему сказала тутъ змѣя:

«Не отъ тебя ль бѣда твоя?

Когда бъ укрытое въ лѣсу ты возрастало,

Тебѣ бъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли:

Тебя бы старыя деревья берегли;

А если бъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало,

И время ихъ бы отошло,

Тогда, въ свою чреду, ты столько бъ возрасло,

Усилилось и укрѣпилось,

Что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось,

И бурю, можетъ быть, ты бъ выдержать могло!»

XV. Г У С И.

Предлинной хворостиной

Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;

И, правду истинну сказать,

Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный:

На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
 (А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
 Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
 И, встрѣтятся съ прохожимъ на пути,
 Вотъ какъ на мужика пеняли:

«Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
 Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ;
 А этого не смыслить неучъ сей,
 Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!»

— «А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки...» — «Знаю,
И все читаль; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
«— Да наши предки Римъ спасли!»
— «Все такъ, да вы что сдѣлали такое?»
— «Мы? ничего!» — «Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ подѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

Баснь эту можно бы и болѣе пояснить;
Да чтобъ гусей не раздражить.

XVI. СВИНЬЯ.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась;
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонъ наслонялась;
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по уши досыта накупалась;
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
«Ну, что жъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такого?»
Свинью спросилъ пастухъ:
«Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей, лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе другаго?»
Хавронья хрюкаетъ: «ну, право, порютъ вздоръ.
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ да соръ;

А, кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.»

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
Но какъ же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣеть даръ одно худое видѣть?

XVII. МУХА И ДОРОЖНЫЕ.

Въ Юльѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,

Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.

Коні измучились, и, кучеръ какъ ни бился,
Пришло хотъ стать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ,
И, лошадей мучитель,

Съ лакеемъ въ два кнута тиранить съ двухъ сторонъ;
А легче нѣтъ. Ползутъ изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.

Но, знатъ, рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади, хотя его тронѹли,

Но въ гору по песку едва-едва тянули.

Случись тутъ мухѣ быть. Какъ горю не помочь?

Всѣупилась: ну жужжать во всю мушину мочь;

Вокругъ повозки суетится:

То подъ носомъ юлитъ у коренной,

То лобъ укуситъ пристяжной,

То, вмѣсто кучера, на козлы вдругъ садится,

Или, оставя лошадей,

И вдоль и поперегъ шныряетъ межъ людей;

Ну, словно откупщикъ на ярмаркѣ, хлопочетъ,

И только плачется на то,

Что ей ни въ чемъ никто

Никакъ помочь не хочетъ.

Гуторя слуги вздоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ;

Учитель съ барыней шушукуютъ тишкомъ;

Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,

Ушелъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ на ужищъ;

И муха всѣмъ жужжить, что только лишь она

О всемъ заботится одна.

Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ-за-шагъ, понемногу,

Встащились на ровную дорогу.

«Ну,» муха говорить: «теперя славу Богу!

Садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ путь;

А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носить.»

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплестъ,
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

ХVIII. ОРЕЛЬ И ПАУКЪ.

За облака орель
На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся;
На кедрѣ тамъ столѣтнемъ сѣлъ,
И зримымъ подъ собою пространствомъ любовался.
Казалось, что оттоль онъ видѣлъ край земли:
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли;
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
А тамъ сердитое Каспійско море,
Какъ вѣрона крыло, черпѣлося вдали.
«Хвала тебѣ, Зевесъ, что, управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдить такимъ полетомъ,
Что неперступной я не знаю высоты,»
Орель къ Юпитеру взываетъ:
«И что смотрю оттоль на міра красоты,
Куда никто не залетаеть.»
—«Какой же ты хвостунъ, какъ погляжу!»
Паукъ ему тутъ съ вѣтки отвѣчаетъ:
«Да ниже ль я тебя, товарищъ, здѣсь сижу?»
Орель глядитъ: и подлинно, паукъ,
Надъ самымъ имъ раскинувъ сѣть вокругъ,
На вѣточкѣ хлопочеть,

И, кажется, орлу заткать оиъ солнце хочеть.

«Ты какъ на этой высотѣ?»

Спросилъ орель: «и тѣ,

Которые полеть отважнѣйшій имѣють,

Не всѣ сюда пускаться смѣють;

А ты безъ крыль и слабъ; неужли ты допоздъ?»

—«Нѣтъ, я бѣ на это не рѣшился.»

—«Да какъ же здѣсь ты очутился?»

—«Да я къ тебѣ же прицѣпился,

И снизу на хвостѣ ты самъ меня занесъ;

Но здѣсь и безъ тебя умѣю я держаться;

Итакъ передо мной прошу не величаться,

И знай, что я...» Тутъ вихрь отколѣ ни возмись,

И сдунулъ паука на самый низъ.

Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи

На этакихъ нерѣдко пауковъ

Тѣ, кои безъ ума и даже безъ трудовъ,

Тащатся вверху, держась за хвостъ вельможи,

А надувають грудь,

Какъ будто бѣ силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной:

Хоть стоитъ вѣтру лишь пахнѣть,

Чтобъ ихъ унести и съ паутиной.

ХІХ. ЛАНЬ И ДЕРВИШЪ.

Младая лань, своихъ лилась любезныхъ чадъ,

Еще сосцы млekomъ имѣя отягченны,

Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченятъ,

И стала выполнять долгъ матери священный,

Своимъ питая ихъ млekomъ.

Въ лѣсу живущій съ ней одною
Дервишь, ея поступкомъ изумленный,
«О безразсудная!» сказала: «къ кому любовь,
Кому свое млеко ты расточаешь?
Иль благодарности отъ ихъ ты роду чаешь?
Быть можетъ, нѣкогда (иль злости ихъ не знаешь?)
Они прольютъ твою же кровь.»
— «Быть можетъ,» лань на это отвѣчала:
«Но я о томъ не помышляла,
И не желаю помышлять:
Мнѣ чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко мое меня бы тяготило,
Когда бъ не стала я питать.»

Такъ истинная благость
Безъ всякой мзды добро творить:
Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

XX. СОБАКА.

У барина была собака шаловлива,
Хоть нѣжды не было собакъ той ни въ чемъ.
Иная бы такимъ житьемъ
Была довольна и счастлива,
И не подумала бы красть;
Но ужъ у ней была такая страсть:
Что изъ мяснаго ни достанетъ,
Въ минуту стянеть.
Хозяинъ сладить съ ней не могъ,
Какъ онъ ни бился,

Пока его пріятель не вступился,
И въ томъ ему совѣтомъ не помогъ.

«Послушай,» говорить: «хоть, кажется, ты строгъ,

Но ты лишь красть собаку пріучаешь,

Затѣмъ, что краденый кусокъ

Всегда ей оставляешь;

А ты впередъ ее хоть меньше бей,

Да кражу отнимай у ней.»

Едва лишь на себѣ собака испытала

Совѣтъ разумный сей—

Шалить собака перестала.

XXI. ОРЕЛЬ И КРОТЪ.

Не призирай совѣта ничьего,

Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой

Въ дремучій лѣсъ, орель съ орлицею вдвоемъ

Задумали навѣкъ остаться въ немъ,

И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокій,

Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,

Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.

Услыша кротъ про это,

Орлу взялъ смѣлость доложить,

Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,

Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ,

И скоро, можетъ быть, свалится;

Такъ, чтобъ орель гнѣзда на немъ не вилъ.

Но кстати ли орлу принять совѣтъ изъ норки

И отъ крота! А гдѣ же похвала,

Что у орла
Глаза такъ зорки?
И что за статъ кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!

Такъ многого съ кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря—

И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы.

Но что жъ?—Однажды, какъ зарей
Орель изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣтей.

Отъ горести не взвидя свѣту,
«Несчастный!» онъ сказалъ:
«За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣту.

Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный кротъ совѣтъ могъ добрый дать?»
—«Когда бы ты не презрѣлъ мною,»
Изъ норки кротъ сказалъ: «то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей,
И что, случаясь близъ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй.»

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

І. КВАРТЕТЪ.

Проказница-мартышка,
Осель,
Козель

Да косолапый Мишка

Затѣяли сыграть квартетъ.

Достали нотъ, басá, альтá, двѣ скрипки,

И сѣли на лужокъ подъ лишки

Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.

Ударили въ смычки—деруть, а толку нѣтъ.

«Стой, братцы, стой!» кричить мартышка: «погодите!

Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не такъ сидите.

Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альтá,

Я, прима, сяду противъ вторы;

Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:

У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»

Разсѣлись, начали квартетъ;

Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.

«Постойте жъ, я сыскалъ секретъ,»

Кричитъ осель: «мы, вѣрно, ужъ поладимъ,

Коль рядомъ сядемъ.»

Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ;

А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.

Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборъ

И споры,
Кому и какъ сидѣть.★

Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всё къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье;
«Пожалуй,» говорятъ: «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привести:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»
— «Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,»
Имъ отвѣчаетъ соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.»

II. ЛИСТЫ И КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долину тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своею,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своею
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?»

У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.

Да вы, зефиры, сами

Почти не расстаются съ нами »

—«Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,»
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.

—«Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?

Вы кто такіе тамъ,

Что дерзко такъ считаться съ нами стали?»

Листы, по дереву шумя, залепетали.

—«Мы тѣ,

Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,

Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?

Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.

Красуйтесь въ добрый часъ!

Да только помните ту разницу межъ насъ:

Что съ новою весной листъ новый народится;

А если корень изсушится—

Не станетъ дерева, ни васъ.»

III. ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Охотно мы даримъ,

Что намъ не надобно самимъ.

Мы это басней пояснимъ,

Затѣмъ, что истина сносна въполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись досѣта,

И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,

Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.

Глядитъ, а въ гости къ ней голодный волкъ тащится.

«Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:
«Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!»
—«Неужли?»—«Право такъ.»—«Бѣдняжка-куманекъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:

Я куму услужить готова.»
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснаго,
Да про запасъ лиса ни слова.
И свѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

IV. БУМАЖНЫЙ ЗМЪЙ.

Запущенный подь облака
Бумажный змѣй, примѣтя свысока
Въ долину мотылька,
«Повѣришь ли!» кричитъ: «чуть-чуть тебя мнѣ видно;
Признайся, что тебѣ завидно
Смотрѣть на мой высокій столь полеть.»
— «Завидно? Право, нѣтъ!
Наирасно о себѣ ты много такъ мечтаешь:
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свѣтъ,
Отъ счастья весьма далеко;
А я, хоть правда невысоко,
Зато лечу,
Куда хочу;
Да я же такъ, какъ ты, въ забаву для другаго,
Пустаго,
Вѣкъ цѣлый не трещу.»

V. ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ—
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мѣла.

Однажды лебедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!

Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пьтится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ—судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

VI. С К В О Р Е Ц Ъ.

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ.

Какой-то смолоду скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью;
Но скворушка услышь, что хвалятъ соловья—
А скворушка завистливъ былъ, къ несчастью—
И думаетъ: «постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ.»
И подлинно запѣлъ;
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пицаль, то онъ хрипѣлъ,
То верещаль козленкомъ,

То не путемъ

Мяукаль онъ котенкомъ;

И, словомъ, разогналь всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ.

Мой милый-скворушка, ну, что за прибыльъ въ томъ?

Пой лучше хорошо щегленкомъ,

Чѣмъ дурно соловьемъ.

VII. ПРУДЪ И РѢКА.

«Что это,» говорилъ рѣкѣ сосѣдній прудъ:

«Какъ на тебя ни взглянешь,

А воды все твои текутъ!

Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?

Притомъ же, вижу я почти всегда,

То съ грузомъ тяжкія суда,

То долговязые плоты ты носишь;

Ужъ я не говорю про лодки, челноки:

Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?

Я, право, высохъ бы съ тоски.

Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятель!

Конечно, я не знатень,

По картѣ не тянусь я черезъ цѣлмй лѣсъ,

Мнѣ не брэнчить похвалъ какой-нибудь гуслистѣ:

Да это, право, все пустое!

Зато я въ илнстыхъ и мягкихъ берегахъ,

Какъ барыня въ пуховикахъ,

Лежу и въ нѣгѣ, и въ покоѣ;

Не только что судовъ

Или плотовъ

Мнѣ здѣсь не для чего страшиться:

Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;

И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.

Что беззаботную замѣнить жизнь такую?

За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась, я смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ.»

—«А, философствуя, ты помнишь ли законъ,»

Рѣка на это отвѣчаетъ:

«Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ?

И если стала я великою рѣкой,
Такъ это оттого, что, кинувши покой,

Послѣдую сему уставу;

Зато по всякій годъ,

Обиліемъ и чистотою водъ,

И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу,

И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,

Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,

И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь.»

Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ;

А бѣдный прудъ годъ-отъ-году все глохъ,

Заволоченъ весь тиною глубокой,

Зацвѣлъ, заросъ осокой

И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,

Слабѣя всякій день,

Когда имъ овладѣетъ лѣнь,

И оживлять его дѣятельность не станетъ.

VIII. ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:

По четверти обрѣзалъ рукавовъ—
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.

Да что до этого печали?

Однакоже смѣется Тришкѣ всякъ;

А Тришка говорить: «такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:

Длиннѣе прежняго я рукава наставлю.»

О, Тришка малый непростой!

Обрѣзалъ фалды онъ и полы,

Наставилъ рукава, и весель Тришка мой,
Хоть носить онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда

Иные господа,

Запутавши дѣла, пхъ поправляютъ;

Посмотришь: въ тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

IX. М Е Х А Н И К Ъ.

Какой-то молодецъ кушилъ огромный домъ;
Домъ, правда, дѣдовскій, но строенный на славу:
И прочность, и уютъ—все было въ домѣ томъ,
И домъ бы всѣмъ пришелъ ему по нраву,

Да только то бѣды—

Немножко далеко стоялъ онъ отъ воды.
«Ну, что жъ?» онъ думаетъ: «въ своемъ добрѣ я властенъ;
Такъ домъ мой, какъ онъ есть,
Велю машинами къ рѣкѣ я перевести
(Какъ видно, молодецъ механикой былъ страстенъ!),
Лишь сани подъ него подвести,
Подрывшись напередъ ему подъ основанье;
А тамъ уже, изладя на каткахъ,
Я вѣртомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю, будто на рукахъ.
И что еще, чего не видано на свѣтѣ:
Когда перевозить туда мой будутъ домъ,
Тогда подъ музыкой съ пріятелями въ немъ,
Пируя за большимъ столомъ,
На новосельѣ я поѣду, какъ въ каретѣ.»
Плѣняя глупостью такой,
И къ дѣлу приступилъ тотчасъ механикъ мой:
Рабочихъ подрядилъ, подъ домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ ни мало не берегъ;
Однакожъ дома онъ перетащить не могъ,
И только до того добился,
Что домъ его свалился.

Какъ много у людей
Затѣй,
Которыя еще опаснѣй и глупѣй!

Х. ПОЖАРЪ И АЛМАЗЪ.

Изъ малой искры ставъ пожаромъ,
Огонь, въ стремленьи яромъ,

По зданьямъ разлился въ глухой полночный часъ.
При общей той тревогѣ,
Потерянный алмазь
Едва сквозь пыль мелькаль, валяясь по дорогѣ.
«Какъ ты, со всей своей игрой,»
Сказалъ огонь, «ничтоженъ предо мной!
И сколь навичное потребно зрѣнье,
Чтобъ различить тебя, при маломъ отдаленьи,
Или съ простымъ стекломъ, или съ каплею воды,
Когда въ нихъ лучъ или мой, или солнечный играетъ!
Ужъ я не говорю, что все тебѣ бѣды,
Что на тебя ни попадаетъ:
Бездѣлка—ленты лоскутокъ;
Какъ часто блескъ твой затмеваетъ,
Вокругъ тебя одинъ обвившись, волосокъ!
Не такъ легко затмить мое сіянье,
Когда я въ ярости моей
Охватываю зданье.
Смотри, какъ всѣ усилія людей
Противъ себя я презираю;
Какъ съ трескомъ все, что встрѣчу, пожираю;
И зарево мое, играя въ облакахъ,
Окрестностямъ наводитъ страхъ!»
—«Хоть противъ твоего мой блескъ и бѣденъ,»
Алмазь отвѣтствуетъ: «но я безвреденъ;
Не укорить меня никто ничьей бѣдой,
И лучъ досаденъ мой
Лишь зависти одной;
А ты блестяшь лишь тѣмъ, что разрушаешь;
Зато, всей силой соединишь,
Смотри, какъ рвутся всѣ, чтобъ ты скорѣй погасъ,
И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,
Тѣмъ ближе, можетъ быть, къ концу.»
Тутъ силой всей народъ тушить пожаръ принялся;

На утро дымъ одинъ и смрадъ по немъ остался;
Алмазь же вскорѣ отыскался,
И лучшею красой сталь царскому вѣнцу.

XI. ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нѣждѣ дорогá,
Но за нее не всякъ умѣеть взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій,
Вдали отъ города, въ глуши.

Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: «а лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»
— «Прекрасны, что и говорить!

А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.»
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.

Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свести.
Въ лѣсу кого набрести,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?

И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ овъ;
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдущкѣ—поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,

Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору: X
Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнитъ,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
«Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу.»
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ
Да тотчасъ и заснулъ;
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла—
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.

Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: «молчи жъ, ужъ я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хватъ друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

ХІІ. Ц В Ъ Т Ы.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,
Въ фарфоровыхъ расписанныхъ горшкахъ,

Цвѣты поддѣльные, съ живыми вмѣстѣ стоя,

На проволочныхъ стебелькахъ

Качались спесиво,

И выставляли всѣмъ красу свою на диво.

Вотъ дождикъ началъ накрапать.

Цвѣты тафтяные Юпитера тутъ просятъ:

Нельзя ли дождь унять;

Дождь всячески они ругаютъ и поносятъ.

«Юпитерь!» молятся: «ты дождикъ прекрати;

Что въ немъ пути,

И что его на свѣтъ хуже?

Смотри, нельзя по улицѣ пройти:

Вездѣ лишь отъ него и грязь, и лужи.»

Однакоже Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой,

И дождь себѣ прошелъ своею полосой.

Прогнавши зной,

Онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась,

И зелень вся какъ будто обновилась.

Тогда и на окиѣ цвѣты живые все

Раскинулись во всей своей красѣ,

И стали отъ дождя душистѣй,

Свѣжѣе и пушистѣй.

А бѣдные цвѣты поддѣльные съ тѣхъ поръ

Лишились всей красоты, и брошены на дворъ,

Какъ соръ.

Таланты истинны за критику не злятся:

Ихъ повредить она не можетъ красоты;

Одни поддѣльные цвѣты

Дожди боятся.

ХІІІ. КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Змѣя къ крестьянину пришла проситься въ домъ,
Не попустому жить, безъ дѣла;
Нѣтъ, нянчить у него дѣтей она хотѣла:
Хлѣбъ слаще, нажитый трудомъ!
«Я знаю,» говорить она, «худую славу,
Которая у васъ, людей,
Идетъ про змѣй,
Что всѣ онѣ презлаго нраву;
Изъ древности гласить молва,
Что благодарности онѣ не знаютъ;
Что нѣтъ у нихъ ни дружбы, ни родства;
Что даже собственныхъ дѣтей онѣ сѣдаютъ.
Все это можетъ быть; но я не такова:
Я съ роду никого не только не кусала,
Но такъ гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать бы дала,
Когда бъ я знала,
Что жить могу безъ жала;
И, словомъ, я добрѣй
Всѣхъ змѣй.
Суди жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей!»
—«Коль это», говоритъ крестьянинъ, «и не ложно,
Все мнѣ принять тебя не можно:
Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю змѣей,
Одной,
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая змѣя,

По мнѣ, ни къ чорту не годится.»

Отцы, понятнo ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?...

XIV. КРЕСТЬЯНИНЪ И РАЗБОЙНИКЪ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярмаркѣ подойникъ да корову,
И съ ними сквозь дуброву
Тихонько брель домой проселочнымъ путемъ,
Какъ вдругъ разбойнику попался.
Разбойникъ мужика, какъ липку, ободралъ.
«Помилуй,» всплachtetся крестьянинъ: «я пропаль,
Меня совсѣмъ ты доконалъ!
Годъ цѣлый я купить коровушку собирался:
Насилу этого дождался дня.»
—«Добро, не плачься на меня,»
Сказалъ разжалобясь разбойникъ:
«И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доить;
Ужъ такъ и быть,
Возьми себѣ назадъ подойникъ.»

XV. Л Ю Б О И Т Н Ы Й.

«Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?»
—«Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ.
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станеть ни умѣнья

Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесь палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
 Какія бабочки, букашки,
 Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллы!
 Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!»
—«А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
 Я чай, подумаль ты, что гору встрѣтилъ?»
—«Да развѣ тамъ онъ?»—«Тамъ.»—«Ну, братецъ, ви-
новать:
 Слопа-то я и не примѣтилъ.»

XVI. ЛЕВЪ НА ЛОВЛѢ.

Собака, левъ да волкъ съ лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
 И вотъ какой
 Между собой
Они завѣтъ всѣ положили:
 Чтобъ имъ звѣрей собща ловить,
И, что паловится, все поровну дѣлить.
Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
 Лиса оленя поймала,
 И шлетъ къ товарищамъ пословъ,
 Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ:
Добыча, право, не дурная!
Пришли, пришелъ и левъ; онъ, когти разминая
 И озираючи товарищей кругомъ,

Дѣлежъ располагаетъ,
И говоритъ: «мы, братцы, вчетверомъ.»
И начетверо онъ оленя раздраетъ.
«Теперь давай дѣлить! Смотрите же, друзья:

Вотъ эта часть моя

По договору;

Вотъ эта мнѣ, какъ льву, принадлежитъ безъ спору;

Вотъ эта мнѣ зато, что всѣхъ сильнѣе я;

А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ,

Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.»

XVII. КОНЬ И ВСАДНИКЪ.

Какой-то всадникъ такъ коня себѣ нашколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не шевеля почти и поводовъ:

Конь слушался его лишь словъ.

«Такихъ коней и взнуздывать напрасно,»

Хозяинъ нѣкогда сказалъ:

«Пу, право, вздумалъ я прекрасно!»

И, въ поле выѣхавъ, узду съ коня онъ снялъ.

Почувствуя свободу,

Сначала конь прибавилъ только ходу

Слегка,

И, вскинувъ голову, потряхивая гривой,

Онъ выступкой пошелъ игривой,

Какъ будто тѣша сѣдока.

Но, смѣтя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,

Взялъ скоро волю конь ретивый:

Вскипѣла кровь его, и разгорѣлся взоръ;

Не слушая словъ всадниковыхъ болѣ,

Онъ мчитъ его во весь опоръ

Черезъ все широко поле.

Напрасно на него несчастный всадникъ мой

Дрожащею рукой

Узду накинуть покушался:

Конь болѣ лишь серчалъ и рвался,

И сбросилъ наконецъ съ себя его долой;

А самъ, какъ бурный вихрь, пустился,

Не взвидя свѣта, ни дорогъ,

Поколь, въ оврагъ со всѣхъ махнувши ногъ,

До смерти не убился.

Тутъ въ горести сѣдокъ,

«Мой бѣдный конь!» сказалъ: «я сталъ виною

Твоей бѣды!

Когда бы не снялъ я съ тебя узды —
Управиль бы навѣрно я тобою;
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертью бь самъ столь жалкой не погибъ!»

Какъ ни приманчива свобода;
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

XVIII. КРЕСТЬЯНЕ И РѢКА.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
Отъ разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водополюи причиняли,
Пошли просить себѣ управы у рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что на нихъ донести:
Гдѣ озими разрыты;
Гдѣ мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно;
На ней стоятъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно;
Такъ, вѣрно, ихъ она уйметъ,
Между собой крестьяне разсуждали.
Но что жъ? Какъ подходить къ рѣкѣ поближе стали
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несетъ.

Тутъ, попусту не заводя хлопоть,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потомъ взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой;
А отходя проговорили:
«На что и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ.»

ХІХ. ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое;
Но нѣтъ; за ней еще должны погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ,
И нискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
«Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя;
И сердце чье объ нихъ не заболитъ?»
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сядя:
«Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните:
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните;
Что дѣла добраго святѣй!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ лinyaешь:

Не лучше ль дать себя немножко ошципать,
И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлатъ?

Вѣдь попусту жь его ты растеряешь.

Ты, жавронокъ, чѣмъ по верхамъ

Тебѣ кувыраться, кружиться,

Ты бѣ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,

Чтобѣ съ сиротами подѣлиться.

Ты, горлица, твои птенцы ужь подрасли,

Промыслить кормъ они и сами бы могли:

Тагѣ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,

Да, вмѣсто матерп, къ малюткамъ сѣла,

. А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ

Берегъ.

Ты бѣ, ласточка, ловила мошекъ,

Полакомить безродныхъ крошекъ.

А ты бы, милый соловей—

Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ—

Межъ тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣзнышкомъ качаетъ,

Ты бѣ убаякивалъ ихъ пѣсенкой своей.

Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,

Вы бѣ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.

Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ

Есть добрыя сердца, и что...» При сихъ словахъ,

Малютки бѣдныя всѣ трое,

Не могли съ голоду сидѣть въ покоѣ,

Попадали къ лисѣ навизъ.

Что жь кумушка?—Тотчасъ ихъ сѣла:

И поученья не допѣла.

—
Читатель, не дивись!

Кто добръ поистинѣ: не распложая слова,

Въ молчаньи тотъ добро творить;

А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжить,

Тотъ часто только добръ на счетъ другаго,

Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ—
Съ родни моей лисѣ.

XX. МІРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей—
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку.

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
Стараньемъ кумушки-лисицы,
Словцо о немъ замолвлено у львицы;
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотреть левъ на лица;
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ,
И распросить того, другаго,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ иль худаго.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны;
На сходкѣ голосá чинъ-чиномъ собраны;
Но противъ волка нѣтъ ни слова,
И волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ, ужъ вѣрно, были?—
Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

КНИГА ПЯТАЯ.

І. ДЕМЬЯНОВА УХА.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!

Пожалуйста покушай.»

—«Сосѣдушка, я сытъ по горло.»—«Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:

Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»

—«Я три тарелки съѣлъ.»—«И, полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты,

А то во здравье: ѣшь до дна!

Что за уха! Да какъ жирна;

Какъ будто янтаремъ подернулась она.

Потѣшь же, миленькій дружочекъ!

Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!

Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»

Такъ потчеваль сосѣдь-Демьянъ сосѣда-Фоку,

И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку;

А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.

Однакоже еще тарелку онъ беретъ,

Сбирается съ послѣдней силой,

И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»

Вскричалъ Демьянъ: «зато ужъ чванныхъ не терплю.

Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»

Тутъ бѣдный Фока мой,

Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,

Схватя въ охапку

Кушакъ и шапку—

Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во-время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза, и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ демьяновой ухи.

II. МЫШЬ И КРЫСА.

«Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву?»
Вбѣжавши, крысѣ мышь сказала:

«Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву:

Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!»

—«Не радуйся, мой свѣтъ,»

Ей крыса говоритъ въ отвѣтъ:

«И не надѣйся попустому!

Коль до когтей у нихъ дойдетъ,

То, вѣрно, льву не быть живому:

Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!»

Я сколько разъ видалъ, примѣтите это сами:

Когда бонится трусь кого,

То думаетъ, что на того

Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

III. ЧИЖЪ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня.

Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался;

А голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.

«Не стыдно ль,» говоритъ: средь бѣла дня

Попался!

Не провели бы такъ меня:

За это я ручаюсь смѣло.»

Ань смотришь: тутъ же самъ запутался въ силокъ!

И дѣло:

Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ!

IV. В О Д О Л А З Ы.

Какой-то древній царь впалъ въ страшное сомнѣнье:
Не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы, отъ наукъ?

Не разслабляетъ ли сердце и рукъ
Ученье?

И не разумнѣе ль поступить онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ?
Но такъ какъ этотъ царь, свой украшая тронъ,
Душою всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,
И для того

Не дѣлалъ ничего

По прихоти иль по пристрастью;

То приказалъ собрать совѣтъ,

Въ которомъ всякій бы, хоть слогомъ некудрявымъ,

Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,

Свое представилъ: да иль нѣтъ;

То есть: ученымъ вонъ изъ царства убираться,
Или по прежнему въ томъ царствѣ оставаться?

Однакожь какъ совѣтъ ни толковалъ—

Кто самъ свой голосъ подавалъ,

Кто голосъ подавалъ работы секретарской—

Всякъ только дѣло затемнялъ,

И въ нерѣшимости запутывалъ умъ царскій.

Кто говорилъ, что неученье тма;

Что не далъ бы намъ Богъ ума,

Ни дара постигать вещей небесныхъ,

Когда бы Онъ хотѣлъ,

Чтобъ человекъ не болѣ разумѣлъ

Животныхъ безсловесныхъ,

И что, согласно съ цѣлью сей,

Ученье къ счастью ведетъ людей.

Другіе утверждали,

Что люди отъ наукъ лишь только хуже стали;

Что все ученье бредь,
Что отъ него лишь нравамъ вредь,
И что за просвѣщенемъ вслѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.
Короче: съ обѣихъ сторопъ,
И дѣло выводя, и вздоры,
Бумаги исписали горы,

А о наукахъ споръ остался нерѣшенъ.

Царь сдѣлалъ болѣе: созвавъ отъсюду онъ
Разумниковъ, изъ нихъ установилъ собранье,
И о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ;

Но способъ былъ и этотъ худъ,

Затѣмъ, что царь имъ далъ большое содержанье:

Такъ въ голосахъ между собой разладъ

Для нихъ былъ настоящей кладъ;

И если бы имъ волю дали,

Они бъ донинѣ толковали,

Да жалованье брали.

Но такъ какъ царь казною не шутилъ,

То онъ, примѣтя то, ихъ скоро распустилъ.

Межъ тѣмъ часъ-отъ-часу впадалъ въ сомнѣнье болѣ.

Вотъ, какъ-то вышелъ онъ, сей мыслью занять, въ поле,

И видитъ предъ собой

Пустынника съ сѣдою бородой

И съ книгою въ рукахъ большой.

Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый;

Привѣтливость и доброта

Улыбкою его украсили уста,

А на челѣ слѣды глубокой видны думы.

Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ въ разговоръ,

И, видя въ немъ познанія несчетны,

Онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ важный споръ:

Науки болѣе ль полезны или вредны?

«Царь!» старецъ отвѣчалъ: «позволь, чтобъ предъ тобой

Открыль я притчею простой,
Что размышленья мнѣ внушили многолѣтны.»
И, съ мыслями собравшись, началъ такъ:
«Иа берегу, близъ моря,
Жилъ въ Индіи рыбакъ;
Проведши долгій вѣкъ и бѣдности, и горя,
Онъ умерь, и троихъ оставилъ сыновей;
Но дѣти, видя,
Что съ нѣждою они кормились отъ сѣтей,
И, ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богатѣе задумали съ морей
Не рыбой—жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту по́дать доправлять
Пустились сами.
Однакожь былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ:
Одинъ, лѣнивѣе другихъ,
Всегда по берегу скитался:
Онъ даже не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выбросить къ нему волной;
А съ лѣнностью такой
Едва-едва питался.
Другой,
Трудовъ ни мало не жалѣя
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать по дну:
И жилъ, всечасно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ,
Такъ рассуждалъ съ собой самимъ:
Хоть жемчугъ находить близъ берега и можно,
Но, кажется, какихъ сокровищъ ждать не должно,
Когда бы удалось мнѣ

Достать морское дно на самой глубинѣ?
Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ несчетныхъ:
Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
Которы стóитъ лишь достать
И взять.

Сей мыслью плѣнясь, безумецъ вскорѣ
Въ открытое пустился море,
И, выбравъ, гдѣ была чернѣе глубина,
Въ пучину кинулся; но, поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею.
О царь!» примолвилъ тутъ мудрецъ:
«Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину;
Но дерзкій умъ находить въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ;
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.»

У. ГОСПОЖА И ДВѢ СЛУЖАНКИ.

У барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки-служанки, коихъ часть
Была съ утра и до глубокой ночи,
Рукъ не покладывая, прясть.
Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи:
Имъ будни, праздникъ—все равно;
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевестъ она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спать еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать веретено.

Быть можетъ, иногда бѣ старуха опоздала,
Да въ домѣ томѣ проклятый былъ пѣтухъ:

Лишь онъ вспоетъ—старуха встала,
Накинеть на себя шубейку и треухъ,
У печки огонекъ вздуваетъ,

Бредеть, ворча, къ прядильщицамъ въ покой,
Расталкиваетъ ихъ костлявою рукой,

А заупрямятся—клюкой,
И сладкій на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.

Что будешь дѣлать съ ней?

Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся,

И съ теплою постелею своей,

Хотя не хочется, а расстаются.

Назавтрее опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,

У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та же:

Ихъ будятъ, и морятъ на пряжѣ.

«Добро же ты, нечистый духъ!»

Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣтуха ворчали:

«Безъ пѣсенъ бы твоихъ мы, вѣрно, болѣ спали;

Ужъ надъ тобою быть грѣху!»

И, выбравши случай, безъ сожалѣнья

Свернули дѣвушки головку пѣтуху.

Но что жъ? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья;

Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ

Совсѣмъ не тотъ:

То правда, что пѣтухъ ужъ болѣ не поетъ—

Злодѣя ихъ не стало;

Да барыня, боясь, чтобъ время не пропало,

Чуть лягутъ, не даетъ почти свести имъ глазъ,

И рано такъ будить ихъ стала всякій разъ,

Какъ рано пѣтухи и съ роду не пѣвали.

Тутъ поздно дѣвушки узнали,

Что изъ огня онѣ да въ полымя попали.

Такъ, vybrаться желая изъ хлопоть,
Нерѣдко человекъ имѣеть участь ту же:
Однѣ лишь только съ рукъ сживеть,
Глядишь—другія нажилъ хуже.

VI. КАМЕНЬ И ЧЕРВЯКЪ.

«Какъ расшумѣлся здѣсь! какой невѣжа!»

Про дождикъ говорить на нивѣ камень, лежа:

«А рады всѣ ему, пожалуй, посмотри!

И ждали такъ, какъ гостя дорогаго,

А что же сдѣлалъ онъ такого?

Всего-то шель часа два-три.

Пускай же обо мнѣ разспросятъ:

Такъ я ужъ вѣки здѣсь; тихъ, скромень завсегда,

Лежу смирихонько, куда меня ни бросятъ;

А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.

Не даромъ, право, свѣтъ поносятъ:

Въ немъ справедливости не вижу я никакъ.»

—«Молчи!» сказалъ ему червякъ:

«Сей дождикъ, какъ его ни кратко было время,

Лишенную засухой силъ

Обильно ниву напоилъ,

И земледѣльца онъ надежду оживилъ;

А ты на нивѣ сей пустое только бремя.»

Такъ хвалится иной, что служить сорокъ лѣтъ;

А проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ, нѣтъ.

VII. МЕДВѢДЬ У ПЧЕЛЪ.

Когда-то, о веснѣ, звѣрями
Въ надсмотрщики медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями.
Хоть можно бѣ выбрать тутъ другаго повѣрнѣй,
Затѣмъ, что къ меду Мишка падохъ,
Такъ не было бѣ оглядохъ;
Да спрашивай ты толку у звѣрей!
Кто къ ульямъ ни просился,
Съ отказомъ отпустили всѣхъ,
И, какъ на смѣхъ,
Тутъ Мишка очутился.
Анъ вышелъ грѣхъ:
Мой Мишка потаскалъ весь медъ въ свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По формѣ нарядили судъ,
Отставку Мишкѣ дали,
И приказали,
Чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ старый плутъ.
Рѣшили, справили, скрѣпили,
Но меду все не воротили.
А Мишенька и ухомъ не ведетъ:
Со свѣтомъ Мишка распрощался,
Въ берлогу теплую забрался.
И лапу съ медомъ тамъ сосеть,
Да у моря погоды ждетъ.

VIII. ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой;

«Смотри-ка,» говорить: «кумъ милый мой!

Что это тамъ за рожа?

Какіе у нея ужимки и прыжки!

Я удавилась бы съ тоски,

Когда бы на нее хоть чуть была похожа.

А, вѣдь признайся, есть

Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть!

Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть.»

--«Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,

Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»

Ей Мишка отвѣчалъ;

Но мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:

Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.

Я даже видѣлъ то вчера:

Что Климычъ на руку нечистъ, всѣ это знаютъ;

Про взятки Климычу читаютъ,

А опъ украдкою киваетъ на Петра.

IX. КОМАРЪ И ПАСТУХЪ.

Пастухъ подъ тѣнью спалъ, надѣясь на псовъ.

Примѣтя то, змѣя изъ-подъ кустовъ

Ползетъ къ нему, вонъ высунувши жало;

И пастуха на свѣтѣ бы не стало:

Но, сжался надъ нимъ, комаръ, что было силъ,

Сонливца укусилъ.

Проснувшись, пастухъ змѣю убилъ;

Но прежде комара съ просонья такъ хватилъ,

Что бѣднаго его какъ не бывало.

Такихъ примѣровъ есть не мало:
Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится—
Того и жди, что то же съ нимъ случится,
Что съ комаромъ.

Х. КРЕСТЬЯНИНЪ И СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику порой холодной, зимней,
Старикъ, изсохшій весь отъ нѣжды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжелой ношей дровъ.

Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,

На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ, и думалъ самъ съ собой:

«Куда я бѣденъ, Боже мой!

Нуждаюся во всемъ; къ тому жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ...

И выдался ль когда на свѣтѣ

Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?»

Въ такомъ уныніи, на свой пеняя рокъ,
Зоветь онъ смерть; она у насъ не за горами,

А за плечами:

Явилась вмигъ

И говорить: «зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?»

Увидѣвши ея свирѣпую осанку,

Едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:

«Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,

Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.»

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

ХІ. РЫЦАРЬ.

Какой-то рыцарь въ старину,
Задумавши искать великихъ приключеній,
Собрался па войну
Противу колдуновъ и противъ привидѣній;
Вздѣлъ латы, и велѣлъ къ крыльцу подвѣсть коня;
Но прежде, нежели въ сѣдло садиться,

Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью обратиться:

«Послушай, ретивѣй и вѣрный конь, меня:
Ступай черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ дубравы,
Куда глаза твои глядятъ,

Какъ рыцарски законы намъ велятъ,

И путь отыскивай въ храмъ славы!

Когда жъ Карачуновъ я злобныхъ усмирю,

Въ супружество княжну китайскую добуду,

И царства два-три покорю,

Тогда трудовъ твоихъ, мой другъ, я не забуду;

Съ тобой всю славу раздѣлю:

Конюшню, какъ дворецъ огромный,

Построить для тебя велю,

А лѣтомъ отведу луга тебѣ поемны;

Теперь знакомъ ты мало и съ овсомъ,

Тогда жъ пойдетъ у насъ обиліе во всемъ:

Ячмень твой будетъ кормъ, сыта медова—пойло.»

Тутъ рыцарь прыгъ въ сѣдло, и бросилъ поводъ,

А лошадь молодца, не ѣздя никуда,

Прямехонько примчала въ стойло.

ХІІ. ТѢНЬ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Шалунъ какой-то тѣнь свою хотѣлъ поймать:

Онъ къ ней, она впередъ; онъ шагу прибавлять,

Она туда жъ; онъ, наконецъ, бѣжать:

Но чѣмъ онъ притче, тѣмъ и тѣнь скорѣй бѣжала,

Все не даваясь, будто кладъ.

Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ;

Оглянется: а тѣнь за нимъ ужъ гнаться стала.

Красавицы! слыхаль я много разъ...

Вы думаете что? Нѣтъ, право, не про васъ;

А что бываетъ то жъ съ Фортуною у насъ:

Иной лишъ трудъ и время губить,

Стараяся настичъ ее изъ силы всей;

Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ отъ ней;

Такъ иѣтъ, за тѣмъ она сама гоняться любитъ.

ХІІІ. КРЕСТЬЯНИНЪ И ТОПОРЪ.

Мужикъ, избу рубя, на свой топоръ озлился;

Пошелъ топоръ въ худыхъ; мужикъ взбѣсился:

Онъ самъ нарубить вздоръ,

А виновать во всемъ топоръ;

Бранить его, хоть какъ, мужикъ найдетъ причину.

«Негодный!» онъ кричитъ однажды: «съ этихъ поръ

Ты будешь у меня обтесывать тычину,

А я, съ моимъ умѣньемъ и трудомъ,

Притомъ съ досужестью моею,

Знай, безъ тебя пробавиться умѣю,

И сдѣлаю простымъ ножемъ,

Чего другой не срубитъ топоромъ.»

—«Рубить, что мнѣ велишь, моя такая доля,»

Смпренно отвѣчалъ топоръ на окрикъ злой:

«Итакъ, хозяинъ мой,

Твоя святая воля:

Готовъ тебѣ я всячески служить;

Да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить:

Меня ты попусту иступишь,

А все ножемъ избы не срубишь.»

XIV. ЛЕВЪ И ВОЛКЪ.

Левъ убираль за завтракомъ ягненка;
А собаченка,
Вертясь вокругъ царскаго стола,
У льва изъ-подъ когтей кусочекъ урвала;
И царь звѣрей то снесъ, не огорчась ни мало:
Она глупа еще и молода была.

Увидя то, на мысли волку вспало,
Что левъ, конечно, не силенъ,
Коль такъ смиренъ:
И лапу протянулъ къ ягненку также онъ.
Анъ вышло съ волкомъ худо:
Онъ самъ попалъ ко льву на блюдо.

Левъ растерзаль его, примолвя такъ: «дружокъ!
Напрасно, смѣтрян на собачку,
Ты вздумаль, что тебѣ и также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужь не щенокъ!»

XV. СОБАКА, ЧЕЛОВѢКЪ, КОШКА И СОКОЛЬ.

Собака, человекъ да кошка, да соколъ
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій столъ;
Клялись дѣлить они и радость, и заботу,
Другъ другу помогать,
Другъ за друга стоять,
И, если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ какъ-то вмѣстѣ всѣ, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялися, утомилися,
И отдохнуть пристали у ручья.
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя;
Какъ вдругъ изъ лѣсу пасть
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.
Бѣду такую видя,
Соколъ—на воздухъ, кошка—въ лѣсъ,
И человекъ тутъ съ жизнью бы простился;
Но вѣрный песъ
Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,
И, какъ медвѣдь его жестоко ни ломаль,
Какъ ни ревѣль отъ боли и отъ злости,

Песъ, прохватая его до кости,
Повисъ на немъ, и зубъ не разжималь,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ.
А человѣкъ? Къ стыду, изъ насъ не всякій
Сравнится въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
Онъ, подхватая ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.

На языкѣ легка и ласка, и услуга;
Но въ нѣждѣ лишь узнать прямого можно друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И то сказать, какъ часто видѣлъ я,
Что, такъ какъ въ баснѣ сей былъ вѣрный песъ оставленъ,
Такъ тотъ,
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ вырученъ, избавленъ,
Его же покидалъ въ бѣдѣ,
Его же и ругалъ вездѣ.

XVI. ПОДАГРА И ПАУКЪ.

Подагру съ паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ по свѣту распустилъ.
Не стану я за нимъ вывѣшивать и мѣрить,
Насколько правды тутъ и какъ, и почему;
Притомъ же, кажется, ему,
Зажмурясь, въ басняхъ можно вѣрить.
И, стало, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что адомъ рождены подагра съ паукомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло время

Пристроить дѣтокъ къ должностямъ
(Для добраго отца большія дѣти—бремя,
Пока они не по мѣстамъ!),
То, отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: «подите
Вы, дѣтушки, на свѣтъ, и землю раздѣлите!
Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же отселѣ напередъ,
Кто что изъ васъ въ удѣлъ себѣ возьметъ:
Вонъ, видите ль вы пышные чертоги?
А тамъ, вонъ, хижины убоги?
Въ однихъ просторъ, довольство, красота;
Въ другихъ и тѣснота,
И трудъ, и нищета.»
—«Мнѣ хижинъ ни за что не надо,»
Сказалъ паукъ.—«А мнѣ не надобно палатъ,»
Подагра говорить: «пусть въ нихъ живетъ мой братъ.
Въ деревнѣ, отъ аптекъ подалѣ, жить я рада;
А то меня тамъ станутъ доктора
Гонять изъ каждаго богатаго двора.»
Такъ смолвясь, братъ съ сестрой пошли, явились
въ міръ.
Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ:
По шкафамъ пышнымъ, расцвѣченнымъ,
И по карнизамъ золоченымъ
Онъ паутину разостлалъ,
И мухъ бы вдоволь нахваталъ:
Но къ рѣзсвѣту, едва съ работою убрался,
Пришелъ, и щеткою все смелъ слуга долой.
Паукъ мой терпѣливъ: онъ къ печкѣ перебрался;
Оттолѣ паука метлой.

Туда, сюда паукъ, бѣдняжка мой;
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щетка, иль крыло вездѣ его достанетъ,
И всю работу изорветъ,
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ—въ отчаяннѣ, и за городъ идетъ
Увидѣтся съ сестрицей.

«Чай, въ селахъ,» говоритъ, «живетъ она парицей.»

Пришелъ, а бѣдная сестра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ паука;
Хозяинъ съ ней и сѣно косить,
И рубить съ ней дрова, и воду съ нею носитьъ:
Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.

«Нѣтъ, братецъ,» говоритъ она: «не жизнь мнѣ въ
полѣ!»

А братъ
Тому и радъ;

Онъ тутъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся:
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разобрался,
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткалъ и потолокъ, и стѣны, и углы.
Подагра же—тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ;
Въ столицу прибыла, и въ самый пышный домъ
Къ превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай! Пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ тѣхъ поръ съ сестрою братъ ужъ болѣ не видался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ но хижинамъ пустился неопрятнымъ,

Подагра же пошла по богачамъ и знатнымъ;
И оба дѣлають умно.

XVII. ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

Лиса, не видя съ роду льва,
Съ нимъ встрѣтись, со страстей осталась чуть жива.
Вотъ, нѣсколько спустя, опять ей левъ попался;
Но ужъ не такъ ей страшенъ показался.
А третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со львомъ.

Инаго также мы боимся,
Поколь къ нему не приглядимся.

XVIII. Х М Е Л Ъ.

Хмель выбѣжалъ на огородѣ,
И вокругъ сухой тычинки виться сталъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькій стоялъ.
«Что въ этомъ пользы есть уродѣ,
Да и во всей его породѣ?»
Такъ про дубокъ тычинкѣ хмель жужжалъ.
«Ну, какъ его сравнить съ тобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хоть листьемъ, правда, онъ одѣтъ,
Да что за жесткость, что за цвѣтъ!
За что его земля питаетъ?»

Межь тѣмъ, едва недѣля протекаетъ,
Хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ.
И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удастся:
Дубокъ и принялся, и отпрыски пустилъ;
Посмотришь, около него мой хмель ужъ вьется,
И дубу отъ него вся честь и похвала!

—
Такіе жъ у льстеца поступки и дѣла:
Онъ на тебя несетъ тму небылицъ и бредней,
И какъ ты хочешь, такъ трудись,
Но у него въ хорошихъ быть не лъстись;
А только въ случай попадись—
Онъ первый явится въ передней.

XIX. СЛОНЪ ВЪ СЛУЧАѢ.

Когда-то въ случай слонъ попалъ у льва.
Въ минуту по лѣсамъ прошла о томъ молва,
И, такъ какъ водится, пошли догадки,
Чѣмъ въ милость втерся слонъ?
«Не то красивъ, не то забавенъ онъ;
Что за пріемъ, что за ухватки!»
Толкуютъ звѣри межъ собой.
— «Когда бы,» говоритъ, вертя хвостомъ, лисица,
«Былъ у него пушистый хвостъ такой,
Я не дивилась бы.»— «Или, сестрица»,
Сказалъ медвѣдь: «хотя бы по когтямъ
Онъ сдѣлался случайнымъ,
Никто того не счелъ бы чрезвычайнымъ;
Да онъ и безъ когтей, то всѣмъ извѣстно намъ.»

— «Да не вошелъ ли онъ въ случай клыками?»

Вступился въ рѣчь ихъ волю:

«Ужъ не сочли ли ихъ рогами?»

— «Такъ вы не знаете,» сказалъ осель,

Ушами хлопая: «чѣмъ могъ онъ полюбиться,

И въ знать добиться?»

А я такъ отгадалъ:

Безъ длинныхъ бы ушей онъ въ милость не попалъ.»

Нерѣдко мы, хотя того не примѣчаемъ,

Себя въ другихъ охотно величаемъ.

XX. Т У Ч А.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною

Большая туча пронеслась;

Ни каплею ея не освѣжа одною,

Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась,

И щедростью своей хвалилась предъ горою.

«Что сдѣлала добра

Ты щедростью такую?»

Сказала ей гора:

«И какъ смотрѣть на то не больно!

Когда бы на поля свой дождь ты пролила,

Ты бь область цѣлую отъ голоду спасла;

А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно.»

XXI. КЛЕВЕТНИКЪ И ЗМѢЯ.

Напрасно про бѣсовъ болтають,
Что справедливости совсѣмъ они не знаютъ;
А правду тожъ они нерѣдко наблюдаютъ:

Я и примѣръ тому здѣсь приведу.

Но случаю какому-то, въ аду
Змѣя съ клеветникомъ въ торжественномъ ходу
Другъ другу первенство оставить не хотѣли,

И зашумѣли:

Кому изъ нихъ итти приличнѣй напередъ?

А въ адѣ первенство, извѣстно, тотъ беретъ,

Кто ближнему надѣлалъ больше бѣдъ.

Такъ въ спорѣ семъ, и жаркомъ, и немаломъ,

Передъ змѣею клеветникъ

Свой выставлялъ языкъ;

А передъ нимъ змѣя своимъ хвалилась жаломъ;

Шипѣла, что нельзя обиды ей снести,

И силилась его переползти.

Вотъ, клеветникъ, былъ, за ней ужъ очутился;

Но Вельзевулъ не потерпѣлъ того:

Онъ самъ, спасибо, за него

Вступился,

И осадилъ назадъ змѣю,

Сказавъ: «хоть я твои заслуги признаю,

Но первенство ему по правдѣ отдаю:

Ты зла, твое смертельно жало;

Опасна ты, когда близка;

Кусаешь безъ вины (и то не мало!),

Но можешь ли язвить ты такъ издалека,

Какъ злой языкъ клеветника,

Отъ коего нельзя спастись ни за горами,

Ни за морями?

Такъ, стало, онъ тебя вреднѣй:
Ползи же ты за нимъ, и будь впередъ смиреннѣй.»
Съ тѣхъ поръ клеветники въ аду почетнѣй змѣй.

XXII. ФОРТУНА И НИЩІИ.

Съ истертою и ветхою сумой
Вѣдняжка-нищенкій подъ оконьемъ таскался,
И, жалуясь на жребій свой,
Нерѣдко удивлялся,
Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластихъ,
Какъ ихъ карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что, безъ пути алкая
И новаго богатства добывая,
Лишаются нерѣдко своего
Всего.
Вонъ, бывшій, напимѣръ, того хозяинъ дому
Пошелъ счастливо торговать;
Расторговался въ пухъ. Тутъ, чѣмъ бы перестать,
И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставить свой другому —
Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ;
Ждалъ горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его всѣ море поглотило;
Тенерь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ.
Другой, тотъ въ откупа пустился,
И нажилъ-было милліонъ,

Да мало: захотѣлъ его удвоить онъ,
Забрался по уши, и вовсе разорился. ✕
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;

И подѣломъ: знай честь!

Тутъ нищему Фортуна вдругъ предстала
И говорить ему:

«Послушай, я помочь давно тебѣ желала;

Червонцевъ кучу я сыскала;

Подставь свою суму;

Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:

Все будетъ золото, въ суму что попадетъ;

Но если изъ сумы что на полъ упадетъ,

То сдѣлается соромъ.

Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла:

Мнѣ велѣно хранить условье наше строго;

Сума твоя ветха, не забирайся много,

Чтобъ вынести она могла.»

Едва отъ радости мой нищій дышитъ,

И подъ собой земли не слышитъ!

Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой

Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.

Сума становится ужъ тяжеленька.

«Довольно ль?»—«Нѣтъ еще.»—«Не треснула бь?»—

«Не бойсь.»

—«Смотри, ты Крезомъ сталъ.»—«Еще, еще маленько:

Хоть горсточку прибрось.»

—«Эй полно! посмотри, сума ползетъ ужъ врозь.»

—«Еще щепоточку.»—Но тутъ кошель прорвался,

Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ;

Фортуна скрылася: одна сума въ глазахъ,

И нищій нищенкимъ по прежнему остался.

XXIII. ЛЯГУШКА И ЮПИТЕРЪ.

Живущая въ болотѣ, подъ горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;

Нашла тамъ тинистый въ лощинкѣ уголокъ,
И завела домокъ

Подъ кустикомъ, въ тѣни, межъ травки, какъ раекъ.
Однакожь имъ она недолго веселилась:

Настало лѣто, съ нимъ жары,
И дачи квакушки такъ сдѣлалися сухи,
Что, ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.
«О боги!» молится лягушка изъ норы:

«Меня вы бѣдную не погубите,
И землю вровень хоть съ горою затопите:
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода!»

Лягушка вопить безъ умолку,
И наконецъ Юпитера бранить,
Что нѣту въ немъ ни жалости, ни толку.
«Безумная!» Юпитеръ говорить
(Знать, не былъ онъ тогда сердить):
«Какъ квакать попусту тебѣ охота!
И чѣмъ мнѣ для твоихъ затѣй

Перетопить людей,
Не лучше ль внизъ тебѣ стащить до болота?»

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ: лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

XXIV. ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ.

Какой-то левъ большой охотникъ былъ до куръ;
Однакожь у него онѣ водились худо;
Да это и не чудо:
Къ нимъ доступъ былъ свободенъ черезъ-чуръ,
Такъ ихъ то крали,
То сами куры пропадали.
Чтобъ этому помочь убытку и печали,
Построить вздумалъ левъ большой курятный дворъ,
И такъ его ухитить и уладить,
Чтобы воровъ совсѣмъ отвадить,
А курамъ было бъ въ немъ довольство и просторъ.
Вотъ леву доносить, что лисица
Вольшая строить мастерица —
И дѣло ей поручено;
Съ успѣхомъ начато и кончено оно:
Лисой къ нему приложено
Все, и старанье, и умѣнье.
Смотрѣли, видѣли: строенье — заглядѣнье!
А сверхъ того все есть, чего ни спросишь тутъ:
Кормъ подъ носомъ, вездѣ натыкано насѣстокъ,
Отъ холоду и жару есть пріютъ,
И укромонныя мѣстечки для насѣдокъ.
Вся слава лисанькѣ и честь!
Вогатое дано ей награжденье,
И тотчасъ повелѣнье:
На новоселье куръ не медля перевести.
Но есть ли польза въ перемѣнѣ?
Нѣтъ: кажется, и крѣпокъ дворъ,
И плотенъ, и высокъ заборъ,
А куръ часъ-отъ-часу все менѣ.
Отколь бѣда, придумать не могли.
Но левъ велѣлъ стеречь. Кого жь подстерегли?

Тое жъ лису-злодѣйку.

Хоть правда, что она свела строенье такъ,
Чтобы не вѣрвался въ него никто никакъ,
Да только для себя оставила лазейку.

XXV. НАПРАСЛИНА.

Какъ часто что-нибудь мы сдѣлавши худаго,

Кладемъ вину въ томъ на другаго,

И какъ нерѣдко говорятъ:

«Когда бъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!»

А ежели людей не стало,

Такъ ужъ лукавый виноватъ,

Хоть тутъ его совѣмъ и не бывало.

Примѣровъ тма тому. Вотъ вамъ изъ нихъ одинъ:

Въ восточной сторонѣ какой-то былъ браминъ,

Хоть на словахъ и теплой вѣры,

Но не таковъ своимъ житьемъ

(Есть и въ браминахъ лицемѣры);

Да это въ сторону, а дѣло только въ томъ,

Что въ братствѣ онъ своемъ

Одинъ былъ правила такого,

Другіе жъ всѣ життя святаго;

И, что всего ему тошнѣй,

Начальникъ ихъ былъ нраву прекрутаго;

Такъ преступить никакъ устава ты не смѣй.

Однакожь мой браминъ не унываетъ:

Вотъ постный день, а онъ смекаетъ,

Нельзя ли разрѣшить на сырное тайкомъ!

Досталъ яйцо, полуночи дождался,

И, свѣчку вздувши съ огонькомъ,

На свѣчкѣ печь яйцо принялся;
Ворочаетъ его легонько у огня,
Не сводитъ глазъ долой, и мысленно глотаетъ,
А про начальника, смѣясь, разсуждаетъ:

«Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой пріятель!
Яичко съѣмъ-таки я въ сласть.»

Анъ тутъ тихонько шастъ
Къ брамину въ келью надзиратель,
И, видя грѣхъ такой,
Отвѣта требуетъ онъ грозно.

Улика па лицо, и запирается поздно!

«Прости, отецъ святой,

Прости мое ты прегрѣшенье!»

Такъ взмолится браминъ сквозь слезъ:

«И самъ не знаю я, какъ впалъ во искушенье;

Ахъ, наустилъ меня проклятый бѣсъ!»

А тутъ бѣсенокъ изъ-за печки,

«Не стыдно ли,» кричитъ, «всегда клепать на насъ!

Я самъ лишь у тебя учился сей же часъ,

И, право, вижу въ первый разъ

Какъ яйца пекутъ на свѣчкѣ.»

XXVI. ФОРТУНА ВЪ ГОСТЯХЪ.

На укоризну мы Фортунѣ тороваты:

Кто не въ чинахъ, кто не богатъ,

За все про все ее бранять;

А поглядишь, такъ сами виноваты.

Слѣпое счастье, шатаясь межъ людей,

Невѣчно у вельможъ гостить и у царей;

Оно и въ хижинѣ твоей,
Быть можетъ, погостить когда-нибудь пристанеть,
Лишь время не терять умѣй,
Когда оно къ тебѣ заглянетъ;
Минута съ нимъ одна, кто ея дорожить,
Терѣвнѣя годы наградить.
Когда жъ ты не умѣлъ при счастѣѣ поживиться,
То не Фортунѣ ты—себѣ за то пеняй,
И знай,
Что, можетъ, вѣкъ она къ тебѣ не возвратится.

Домишка старенькій край города стоялъ;
Три брата жили въ немъ, и не могли разжиться:
Ни въ чемъ имъ какъ-то не спорится.
Кто что изъ нихъ ни затѣвалъ,
Все остается безъ успѣха,
Вездѣ потеря иль помѣха;
По ихъ словамъ, вина Фортуны въ томъ была.
Вотъ, невидимкой къ нимъ Фортуна забрела,
И, тронувшись ихъ бѣдностью большою,
Имъ помогать рѣшилась всею душою,
Какія бы они не начали дѣла,
И прогостить у нихъ все лѣто.
Все лѣто: шутка ль это!
Пошли у бѣдняковъ дѣла другой статьей.
Одинъ изъ нихъ хоть былъ торгашъ плохой,
А тутъ, что ни продастъ, ни купитъ,
Барышъ на всемъ большой онъ слушитъ;
Забылъ совсѣмъ, что есть накладъ,
И скоро сталъ, какъ Крезъ, богатъ.
Другой въ приказъ пошелъ: иною бы порою
Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею головою;
Теиерь ему со всѣхъ сторонъ
Удача:

Что дать обѣдъ, что сходить на поклонъ—

Иль чинъ, иль мѣсто схватить онъ;

Посмотришь: у него деревня, домъ и дача.

Теперь вы спросите: что жъ третій получилъ?

Вѣдь, вѣрно, и ему Фортуна помогала?

Конечно: съ нимъ она почти не отдыхала.

Но третій братъ все лѣто мухъ ловилъ,

И такъ счастливо,

Что диво!

Не знаю, прежде онъ бывалъ ли въ томъ гораздъ,

А тутъ труды его не втуне:

Какъ ни взмахнетъ рукой—благодаря Фортунѣ,

Ни разу промаху не дастъ.

Вотъ гостья между тѣмъ у братьевъ нагостилась,

И далѣ въ путь пустилась.

Два брата въ барышахъ: одинъ изъ нихъ богатъ,

Другой еще притомъ въ чинахъ; а третій братъ

Клянетъ судьбу, что онъ Фортуной злою

Оставленъ лишь съ сумою.

Читатель, будь ты самъ судьбою:

Кто жъ въ этомъ виновать?

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ КНИГИ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

I. ВОЛКЪ И ПАСТУХИ.

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ
И видя, сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно пастухи барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ:

«Какой бы шумъ вы всё здѣсь подняли, друзья,
Когда бы это сдѣлалъ я!»

II. КУКУШКА И ГОРЛИНКА.

Кукушка на суку печально куковала.

«Что, кумушка, ты такъ грустна?»

Ей съ вѣтки ласково голубка ворковала:

«Или о томъ, что миновала

У насъ весна

И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,

И что къ зимѣ мы стали бѣже?»

—«Какъ бѣдной мнѣ не горѣвать!»

Кукушка говорить: «будь ты сама судьбою:

Любила счастливо я нынѣшней весною,

И, наконецъ, я стала мать;

Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать:

Такой ли чаяла отъ нихъ я платы!

И не завидно ли, когда я погляжу,

Какъ увиваются вокругъ матери утятъ,

Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыплятъ;

А я, какъ сирота, однимъ-одна сижу,

И, что есть дѣтская привѣтливость, не знаю.»

—«Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю;

Меня бы нелюбовь дѣтей могла убить,

Хотя примѣръ такой не рѣдокъ.

Скажи жъ: такъ, стало, ты ужъ вывела и дѣтокъ?

Когда же ты гнѣздо успѣла свить?

Я этого и не видала:

Ты все порхала да летала.»

—«Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней,

Въ гнѣздѣ я сидя, растеряла:

Ужъ это было бы всего глупѣй!

Я яйца всегда въ чужія гнѣзды клала.»

— «Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?»

Ей горлинка на то сказала.

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.

Я рассказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:

Къ родителямъ въ нихъ непочтенье

И нелюбовь—всегда порокъ;

Но если выросли они въ разлукъ съ вами,

И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ—

Не вы ли виноваты сами,

Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

Ш. Г Р Е Б Е Н Ъ .

Дитяти маменька расчесывать головку

Купила частый гребешокъ.

Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку:

Играетъ, иль твердитъ изъ азбуки урокъ,

Свои все кудри золотыя,

Волнистыя, барашкомъ завитыя

И мягкія, какъ тонкій ленъ,

Любуясь гребешкомъ, расчесываетъ онъ.

И что за гребешокъ! не только не теревить,

Нигдѣ онъ даже не зацѣпнеть:

Такъ плавленъ, гладокъ въ волосахъ.

Нѣтъ гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.

Случись однакоже, что гребень затерялся.

Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,

Всклокотилъ волосы копной.
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой:
 «Гдѣ гребень мой?»
 И гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни взадъ онъ, ни впередъ,
 Лишь волосы до слезъ дереть.
 «Какой ты злой гребнишка!»
 Кричитъ мальчишка;
А гребень говорить: «мой другъ, все тотъ же я;
 Да голова всклокочена твоя.»
Однакожъ мальчикъ мой, отъ злости и досады,
 Закинулъ гребень свой въ рѣку:
 Теперь имъ чешутся наяды.

Видалъ я на своемъ вѣку,
 Что также съ правдой поступаютъ:
 Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,
То правда намъ мила, и правда намъ свята,
 Ее и слушаютъ, и принимаютъ;
 Но только сталъ кривить душой,
 То правду далѣ отъ ушей;
И всякій, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
 Когда ихъ склочетъ.

IV. СКУПОЙ И КУРИЦА.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
 Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
 Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ;
 Да рыться лѣнь: такъ я намѣренъ
 Вамъ басню старую сказать.

Вотъ, что въ ребячествѣ читаль я про скупаго:

Былъ человѣкъ, который никакого

Не зналъ ни промысла, ни ремесла,

Но сундуки его полябли очевидно.

Онъ курицу имѣлъ (какъ это не завидно!)

Котора яйца несла,

Но непростыя,

А золотыя.

Иной бы и тому былъ радъ,

Что понемногу онъ становится богатъ;

Но этого скупому мало:

Ему на мысли вспало,

Что, взрѣзавъ курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.

Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,

Неблагодарности не побоясь грѣха,

Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ воздаянье

Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

V. ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,

Другая

Пустая.

Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ

Плетется,

Другая вскачь песется;

Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,

И пыль столбомъ;

Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,

Ее слышавши издалека;

Но какъ та бочка ни громка,

А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто дѣловъ истинно—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпко думу
Безъ шуму.

VI. А Л К И Д Ъ.

Алкидъ, Алкмены сынъ,
Столь славный мужествомъ и силою чудесный,
Однажды, проходя межъ скалъ и межъ стремнинъ
Опасною стезей и тѣсною,
Увидѣлъ на пути: свернувшись будто ежъ,
Лежитъ чуть видное—не знаетъ, что такое.
Онъ раздавить его хотѣлъ пятой. И что жъ?
Оно раздулося и стало болѣ вдвое.

Отъ гнѣву вспыхнувъ, тутъ Алкидъ
Тяжелой палицей своей его разить.

Глядитъ—

Оно страшнѣй становится лишь съ виду:
Толстѣетъ, бухнетъ и растетъ,
Застановляетъ солнца свѣтъ,
И заслоняетъ путь собою весь Алкиду.
Онъ бросилъ палицу, и передъ чудомъ симъ
Сталъ въ удивленьи недвижимъ.

Тогда ему Аѳина вдругъ предстала.
«Оставь напрасный трудъ, мой братъ!» она сказала:
«Чудовищу сему названіе—раздоръ.

Не тронута—его едва примѣтитъ взоръ;
Но если кто съ нимъ вздумаетъ сразиться—
Оно отъ браней лишь тучнѣе становится,
И вырастаетъ выше горь.»

VII. АПЕЛЛЕСЪ И ОСЛЕНОКЪ.

Кто самолюбіемъ чрезъ мѣру зараженъ,
Тотъ милъ себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ смѣшонъ;
И часто тѣмъ ему случается хвалиться,
Чего бы долженъ онъ стыдиться.

Съ осленкомъ встрѣтятся, Апеллесъ
Зоветь къ себѣ осленка въ гости;
Въ осленкѣ заиграли кости!

Осленокъ хвастовствомъ весь душитъ лѣсъ,
И говоритъ звѣрямъ: «какъ Апеллесъ мнѣ скученъ,
Я имъ размученъ:

Ну, все зоветь къ себѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣчусь я.
Мнѣ кажется, мои друзья,

Намѣренъ онъ съ меня писать Пегаса.»

—«Нѣтъ,» Апеллесъ сказалъ, случая близко тутъ:

«Намѣряся писать мидасовъ судъ,

Хотѣлъ съ тебя списать я уши для Мидаса;

И коль пожалуешь ко мнѣ, я буду радъ:

Ослиныхъ мнѣ ушей и много хоть встрѣчалось,

Но этакихъ, какими ты богатъ,

Не только у ослятъ,

Ни даже у ословъ мнѣ видѣть не случилось.»

VIII. О Х О Т Н И К Ъ.

Какъ часто говорятъ въ дѣлахъ: еще успѣю;
Но надобно признаться въ томъ,
Что это говорятъ, спросяся не съ умомъ,
А съ лѣностью своею.

Итакъ, коль дѣло есть—скорѣй его кончай,
Иль послѣ на себя рошщи, не на случай,
Когда оно тебя застанеть невзначай.
На это басню вамъ скажу я, какъ умѣю.

Охотникъ, взявъ ружье, патронницу, суму
И друга вѣрнаго по праву и обычу,
Гектора, въ лѣсъ пошелъ за дичью,
Не зарядя ружья, хотъ былъ совѣтъ ему,
Чтобъ зарядилъ ружье онъ дома.
«Вотъ вздоръ!» онъ говоритъ: «дорога мнѣ знакома,
На ней ни воробья не видѣлъ я, родяся;
До мѣста жъ ходу цѣлый часъ,
Такъ зарядить еще успѣю я сто разъ.»
Но что жъ? Лишь вонъ изъ жила
(Какъ будто бы надъ нимъ Фортуна подшутила),
По озерку
Гуляютъ утки цѣлымъ стадомъ;
И нашему бъ тогда стрѣлку
Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ
Убить,
И на недѣлю съ хлѣбомъ быть,
Когда бъ не отложилъ ружья онъ зарядить.
Теперь къ заряду онъ скорѣе; только утки
На это чутки:
Пока съ ружьемъ возился онъ,
Онѣ вскричали, встрепенулись,

Взвились--и за лѣса веревкой потянулись,
А тамъ изъ виду скрылись вонъ.
Напрасно по лѣсу стрѣлокъ потомъ таскался,
Ни даже воробей ему не попадался;

А тутъ къ бѣдѣ еще бѣда:

Случись тогда
Ненастье.

Итакъ охотникъ мой,
Измокни весь, пришелъ домой
Съ пустой сумой;

А все-таки пеняль не на себя—на счастье.

IX. МАЛЬЧИКЪ И ЗМЬЯ.

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватилъ змью, и, вѣзрившись, отъ страха

Сталь блѣдень, какъ его рубаха.
Змѣя, на мальчика спокойно посмотри,
«Послушай,» говоритъ: «коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ простить; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!»

Х. ПЛОВЕЦЪ И МОРЕ.

На берегъ выброшенъ кипящею волной,
Пловецъ съ усталости въ сонъ крѣпкій погрузился;
Потомъ, проснувшись, онъ море клясть пустился.

«Ты,» говоритъ, «всему виной!

Своей лукавой тишиной

Маня къ себѣ, ты насъ прельщаешь,

И, заманя, насъ въ безднахъ поглощаешь.»

Тутъ море, на себя взявъ Амфитриды видъ,

Пловцу являся, говоритъ:

«На что винишь меня напрасно!

Плыть по водамъ моимъ ни страшно, ни опасно;

Когда жъ свирѣпствуютъ морскія глубины,

Винной тому одни золоты сыны:

Они мнѣ не дають покою.

Когда не вѣришь мнѣ, то испытай собою:

Какъ вѣтры будутъ спать, отправь ты корабли,

Я неподвижнѣе тогда земли.»

И я скажу: совѣтъ хорошъ, не ложно;
Да плыть на парусахъ безъ вѣтру не возможно.

XI. ОСЕЛЬ И МУЖИКЪ.

Мужикъ, на лѣто въ огородъ

Нанявъ осла, приставилъ

Воронъ и воробьевъ гонять, нахальный родъ.

Осель былъ самыхъ честныхъ правилъ:

Ни съ хищностью, ни съ кражей незнакомъ;

Не поживился онъ хозяйскимъ ни листкомъ,

И птицамъ, грѣхъ сказать, чтобы давалъ потачку;

Но мужику барышъ былъ съ огорода плохъ:

Осель, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ,

По всѣмъ грядамъ, и вдоль и поперегъ,

Такую поднялъ скачку,

Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.

Увидя тутъ, что трудъ его пропалъ,

Крестьянинъ на спинѣ ослиной

Убытокъ выместилъ дубиной.

«И ништо!» всѣ кричатъ: «скотинѣ подѣломъ:

Съ его ль умомъ

За это дѣло браться!»

А я скажу, не съ тѣмъ, чтобы за осла вступаться:

Онъ, точно, виноватъ (съ нимъ сдѣланъ и расчетъ);

Но, кажется, не правъ и тотъ,

Кто поручилъ ослу стеречь свой огородъ.

XII. ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ.

Что волки жадны, всякій знаетъ:

Волкъ, ѣвши, никогда

Костей не ризбираетъ.

Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.

Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ, кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить,
И просить горю пособить.

Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ волку въ пасть, и съ трудностью большою
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.

«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный:

«Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный!

А это ничего, что свой ты долгий носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣль унесъ!

Поди жь, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся.»

XIII. ПЧЕЛА И МУХИ.

Двѣ мухи собрались летѣть въ чужіе края,
И стали подзывать съ собой туда пчелу:

Имъ насказали попугай

О дальнихъ сторонахъ большую похвалу.

Притомъ же имъ самимъ казалось обидно,

Что ихъ, на родинѣ своей,

Вездѣ гоняютъ изъ гостей;

И даже до чего (какъ людямъ то не стыдно,

И что они за чудаки!):

Чтобъ поживиться имъ не дать сластями

За пышными столами,

Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки;

А въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки.
«Путь добрый вамъ,» пчела на это отвѣчала:

«А мнѣ

И на моей пріятно сторонѣ.

Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ сыскала,

Отъ поселянъ и до вельможъ.

Но вы летите,

Куда хотите!

Вездѣ вамъ будетъ счастье то жъ:

Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,

Вы ни почтенны, ни любезны;

А рады пауки лишь будутъ вамъ

И тамъ.»

Кто съ пользою отечеству трудится,

Тотъ съ нимъ легло не разлучится;

А кто полезнымъ быть способности лишень,

Чужая сторона тому всегда пріятна:

Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ,

И никому его тамъ праздность не досадна.

XIV. М У Р А В Е Й.

Какой-то муравей былъ силы непомѣрной,

Какой не слыхано ни въ древни времена;

Опъ даже (говорить его историкъ вѣрный)

Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна!

Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:

Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,

Тотчасъ въ него вливался,

И даже хаживалъ одинъ на паука;

А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ муравей былъ не такого праву:

Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ,
И всѣмъ имъ вѣрилъ;

А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спесиво вползъ,
И вѣхалъ въ городъ очень цышно;
Но, ахъ, какой для гордости ударъ!

Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.

Мой муравей, то, взявъ листокъ, потянетъ,
То упадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ муравья.

Уставши наконецъ тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,

Который у воза хозяйскаго лежалъ:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ

Народъ безъ толку и безъ глазъ?

Возможно ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тнусь я цѣлый часъ;

А, кажется, у насъ

Меня весь муравейникъ знаетъ.»

И со стыдомъ отправился домой.

Такъ думаетъ иной
Затѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ,
А онъ дивитъ
Свой только муравейникъ.

XV. ПАСТУХЪ И МОРЕ.

Пастухъ въ нештуновомъ сосѣдствѣ близко жилъ:
На взморьѣ, хижины уютной обитатель,
Онъ стада малаго былъ мирный обладатель,
И вѣкъ спокойно проводилъ.
Не зналъ онъ пышности, зато не зналъ и горя.
И долго участью своей
Довольнѣй, можетъ быть, онъ многихъ былъ царей.
Но видя всякій разъ, какъ съ моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружаются богатые товары,
И ломятся отъ нихъ амбары,
И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли,
Пастухъ на то прельстился:
Распродалъ стадо, домъ—товаровъ накупилъ,
Сѣлъ на корабль, и за море пустился.
Однакоже походъ его недологъ былъ;
Обманчивость, морямъ природну,
Онъ скоро испыталъ: лишь берегъ вонъ изъ глазъ,
Какъ буря поднялась;
Корабль разбитъ, пошли товары ко дну,
И онъ насилу спасся самъ.
Теперь опять, благодаря морямъ,
Пошелъ онъ въ пастухи, лишь съ разницею тою,

Что прежде пасъ овецъ своихъ,
Теперь пасеть овецъ чужихъ
Изъ платы. Съ нѣждою однакожъ хоть большою,
Чего не сдѣлаешь терпѣньемъ и трудомъ?
Не спивъ того, не съѣвъ другаго,
Скопиль деньжонокъ онъ, завелся стадомъ снова,
И сталъ опять своихъ овечекъ пастухомъ.

Вотъ, нѣкогда, на берегу морскомъ,

При стадѣ онъ своемъ

Въ день ясный сидя

И видя,

Что на морѣ едва колышется вода

(Такъ море присмирѣло),

И плавно къ пристани бѣгутъ по ней суда,

«Мой другъ!» сказалъ: «опять ты денегъ захотѣло,

Но ежели моихъ — пустое дѣло!

Ищи кого инаго ты проведь,

Отъ насъ тебѣ была ужь честь.

Посмотримъ, какъ другихъ заманишь,

А отъ меня впередъ копѣйки не достанешь.»

Баснь эту лишнимъ я почелъ бы толковать;

Но какъ здѣсь къ слову не сказать,

Что лучше вѣрнаго держаться,

Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться!

Найдется тысячу несчастныхъ отъ нея

На одного, кто не былъ ей обмануть.

А мнѣ, что говорить ни стануть,

Я буду все твердить свое:

Что впереди — Богъ вѣсть; а что мое — мое!

XVI. КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Къ крестьянину вползла змѣя

И говорить; «сосѣдь! начнемъ жить дружно!

Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не нужно;

Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я,

И кожу нынѣшней весной перемѣнила.»

Однакожь мужика змѣя не убѣдила.

Мужикъ схватилъ обухъ

И говорить: «хоть ты и въ новой кожѣ,

Да сердце у тебя все то же.»

И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

Когда извѣриться въ себѣ ты дашь причину,

Какъ хочешь ты мѣняй личину:

Себя подъ нею не спасешь,

И, что съ змѣей, съ тобой случиться можетъ то жъ.

XVII. ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ;

Въ немъ винограду кисти рдѣлись.

У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;

А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;

Лишь то бѣда — висятъ онѣ высоко:

Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,

Хоть видитъ око,

Да зубъ нейметъ.

Пробившись попусту часъ цѣлый,

Пошла и говорить съ досадою: «ну, что жъ?

На взгляды-то онъ хорошъ,

Да зеленъ — ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь.»

XVIII. ОВЦЫ И СОБАКИ.

Въ какомъ-то стадѣ у овецъ,
Чтобъ волки не могли ихъ болѣе тревожить,
Положено число собакъ умножить.
Что жъ? Развелось ихъ столько наконецъ,
Что овцы отъ волковъ-то, правда, уцѣлѣли;
Но и собакамъ надо жъ ѣсть:
Сперва съ овечекъ сняли шерсть,
А тамъ, по жеребью, съ нихъ шкурки полетѣли,
А тамъ осталось всего овецъ пять-шесть,
И тѣхъ собаки съѣли.

XIX. МЕДВѢДЬ ВЪ СѢТЯХЪ.

Медвѣдь
Попался въ сѣть.
Надъ смертью издали шути, какъ хочешь, смѣло;
Но смерть вблизи — совсѣмъ другое дѣло.
Не хочется медвѣдю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и отъ драки,
Да весь опутанъ сѣтью онъ,
А на него со всѣхъ сторонъ
Рогатины и ружья, и собаки:
Такъ драка не по пемъ.

Вотъ хочетъ Мишка взять ужомъ,
И говорить ловцу: «мой другъ, какой виною
Я проступился предъ тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль вѣршишь клеветамъ напраснымъ на медвѣдей,
Что злы они? Ахъ, мы совсѣмъ не таковы!
Я, напримѣръ, поплюсь на всѣхъ сосѣдей,
Что изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному
Никто не сдѣлаеть упрека,
Чтобъ мертваго я тронулъ человѣка.»
— «То правда,» отвѣчалъ на то ловець ему:
«Хвалю къ усопшимъ я почтеніе такое;
Зато, гдѣ случай ты имѣлъ,
Живой ужъ отъ тебя не вырывался цѣлъ.
Такъ лучше бы ты мертвыхъ ѣлъ,
И оставлялъ живыхъ въ покоѣ.»

XX. КОЛОСЪ.

На нивѣ, зыблемый погодой колосокъ,
Увидя за стекломъ въ теплицѣ
И въ нѣгѣ, и въ добрѣ взлелѣанный цвѣтокъ,
Межъ тѣмъ, какъ онъ и мошекъ вереницѣ,
И бурямъ, и жарамъ, и холоду открытъ,
Хозяину съ досадою говорить:
«За что вы, люди, такъ всегда не справедливы,
Что кто умѣеть вашъ утѣшить вкусъ иль глазъ,
Тому ни въ чемъ отказа нѣтъ у васъ;
А кто полезень вамъ, къ тому вы не радивы?
Не главный ли доходъ твой съ нивы?
А, посмотри, въ какой небрежности она!

Съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ ты здѣсь въ землю сѣмена,
Укрылъ ли подъ стекломъ когда пасъ отъ ненастья,
Велѣлъ ли насъ полоть иль согрѣвать,
И приходилъ ли насъ въ засуху поливать?
Нѣтъ: мы совсѣмъ расти оставлены на счастье;
Тогда какъ у тебя цвѣты,
Которыми ни сытъ, ни богатѣешь ты,
Не такъ, какъ мы, закинуты здѣсь въ полѣ —
За стеклами растутъ въ пріютѣ, въ нѣгѣ, въ холѣ.
Что, если бы о насъ ты столько клалъ заботъ?
Вѣдь въ будущій бы годъ
Ты собралъ бы самъ-сотъ,
И съ хлѣбомъ караванъ отправилъ бы въ столицу.
Подумай, выстрой-ка пошире намъ теплицу.»
— «Мой другъ,» хозяинъ отвѣчалъ:
«Я вижу, ты моихъ трудовъ не примѣчалъ.
Повѣрь, что главные мои о васъ заботы.
Когда бъ ты зналъ, какой мнѣ стоило работы
Расчистить лѣсъ, удобрить землю вамъ:
И не было конца моимъ трудамъ.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нѣтъ.
Дождя жъ и вѣтру ты проси себѣ у неба;
А если бъ умный твой исполнилъ я совѣтъ,
То былъ бы безъ цвѣтовъ, и былъ бы я безъ хлѣба.»

Такъ часто добрый селянинъ,
Простой солдатъ иль гражданинъ,
Кой съ кѣмъ свое сличая состоянье,
Приходятъ иногда въ роптанье:
Имъ можно то жъ почти сказать и въ оправданье.

XXI. МАЛЬЧИКЪ И ЧЕРВЯКЪ.

Не льстись предательствомъ ты счастье сыскать!
У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать;
И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.

Крестьянина червякъ просилъ его пустить

Въ свой садъ на лѣто погостить.

Онъ обѣщаль вести себя тамъ честно:

Не трогая плодовъ, листочки лишь глодать,

И то, которые ужъ станутъ увядать.

Крестьянинъ судить: «какъ пристанища не дать?

Ужли отъ червяка въ саду мнѣ будетъ тѣсно?

Пускай его себѣ живетъ.

Притомъ же важнаго убытку быть не можетъ,

Коль онъ листочка два-три сглохнетъ.»

Позволилъ: и червякъ на дерево ползеть;

Нашелъ подъ вѣточкой приютъ отъ неногодъ;

Живетъ безъ нѣжды, хоть непышно,

И про него совсѣмъ не слышно.

Межъ тѣмъ ужъ золотитъ плоды лучистый царь.

Вотъ, въ самомъ томъ саду, гдѣ также спѣтъ все стало,

Наливное, сквозное, какъ янтарь,

При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.

Мальчишка былъ давно тѣмъ яблокомъ плѣнень:

Изъ тысячи другихъ его замѣтилъ онъ,

Да доступъ къ яблоку мудренъ.

На яблоню мальчишка лѣзть не смѣетъ,

Ее потрянуть онъ силы не имѣетъ,

И, словомъ, яблоко достать не знаетъ какъ.

Кто жъ въ кражѣ мальчику помочь взялся?—Червякъ.

«Послушай,» говорить: «я знаю это точно,

Хозяинъ яблоки велѣлъ снимать;

Такъ это яблоко обнимъ намъ не прочно;
Однакожь я берусь его достать;
Лишь подѣлись со мной. Себѣ ты можешь взять
Противу моего хотъ вдесятеро болѣ;
А мнѣ и самой малой доли
На цѣлый станеть вѣкъ глотать.»
Условье сдѣлано: мальчишка согласился:
Червякъ — на яблоню, и работатъ пустился;
Онъ яблоко въ минуту подточилъ.
Но что жъ въ награду получилъ?
Лишь только яблоко упало,
И съ сѣмечками сѣвлъ его мальчишка мой;
А какъ за долей сползъ червякъ долой,
То мальчикъ червяка расплющилъ подъ пятой:
Итакъ ни червяка, ни яблока не стало.

XXII. Ц О Х О Р О Н Ы.

Въ Египтѣ въ старину велось обыкновенье,
Когда кого хотять пышнѣе хоронить,
Пасмныхъ плакальщицъ пускать за гробомъ выть.
Вотъ, нѣкогда, на знатномъ погребеньѣ,

Толпа сихъ плакальщицъ, поднявши вой,
Покойника отъ жизни скоротечной

Въ домъ провожала вѣчный

На уюкой.

Тутъ странникъ, думая, что, въ горести сердечной,
То рвется вся покойника родня,

«Скажите,» говорить: «не рады ли бѣ вы были,

Когда бѣ его вамъ воскресили?»

Я магъ; на это есть возможность у меня:

Мы заклинанія съ собой такія носимъ —

Покойникъ оживеть сейчасъ.»

—«Отецъ!» вскричали всё: «обрадуй бѣдныхъ насъ!

Одной лишь милости притомъ мы просимъ,

Чтобъ сутокъ черезъ пять

Онъ умеръ бы опять.

Въ живомъ въ немъ не было здѣсь проку никакого,

Да врядъ ли будетъ и впередъ:

А какъ умереть,

То выть по немъ наймутъ насъ, вѣрно, снова.»

Есть много богачей, которыхъ смерть одна

Къ чему-нибудь годна.

XXIII. ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что мужикъ, трудясь надъ дугами,

Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ

(А дуги гнуть съ терпѣньемъ и не вдругъ),

Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.

Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,

И слышно за версту проказу.

Орѣшника, березника и вязу

Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,

А не дается ремесло.

Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта,

И говорить: «сосѣдъ, что за причина эта?

Деревя-таки я ломать могу,

А не согнулъ ни одного въ дугу.

Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?»

—«Въ томъ,» отвѣчалъ сосѣдъ,

«Чего въ тебѣ, кумь, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ.»

XXIV. СОЧИНИТЕЛЬ И РАЗБОЙНИКЪ.

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судьей,
Въ одинъ и тотъ же часъ: грабитель
(Онъ по большимъ дорогамъ разбиваль,
И въ петлю наконецъ попалъ);

Другой былъ славою покрытый сочинитель:
Онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ,
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ, какъ сирена, сладкогласенъ,

И, какъ сирена, былъ опасенъ.

Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нѣтъ проволочекъ бесполезныхъ:
Въ минуту сдѣланъ приговоръ.

На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла:

Въ нихъ виловатыхъ разсадили.

Дровъ подъ разбойника большой костеръ взвалили;
Сама Мегера ихъ зажгла,

И развела такой ужасный пламень,

Что трескаться сталъ въ сводахъ адскихъ камень.

Судъ къ сочинителю, казалось, былъ нестрогъ:

Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонекъ;

Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разгорался.

Вотъ вѣки протекли, огонь не унимался.

Ужъ подъ разбойникомъ давно костеръ погасъ;

Подъ сочинителемъ онъ злѣй съ часу-на-часъ.

Не видя облегченья,

Писатель наконецъ кричитъ среди мученья,
Что справедливости въ богахъ ни мало нѣтъ;

Что славой онъ наполнилъ свѣтъ,

И ежели писалъ немножко вольно,

То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно;

Что онъ не думалъ быть разбойника грѣшнѣй.

Тутъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,

Съ шипящими между волосъ змѣями,

Съ кровавыми въ рукахъ бичами,

Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна.

«Несчастный!» говорятъ она:

«Ты ль Провидѣнію пеняешь?

И ты ль съ разбойникомъ себя равняешь?

Передъ твоей ничто его вина.

По лютости своей и злости,

Онъ вреденъ былъ,

Пока лишь жилъ;

А ты... уже твои давно истлѣли кости,

А солнце разу не взойдетъ,

Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.

Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,

Но, разливаясь, вѣкъ-отъ-вѣку лютѣетъ.

Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),

Смотри на злыя всѣ дѣла

И на несчастія, которыхъ ты виною!

Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,

Отчаянье отцовъ и матерей:

Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены.—Тобою.

Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,

Супружество, пачальства, власти,

Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,

И связи общества рвался расторгнуть?—Ты.

Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?

Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ

И страсти, и порокъ?

И вонь, опоена твоимъ ученьемъ,

Тамъ цѣлая страна

Полна

Убийствами и грабежами,

Раздорами и мятежами,

И до погибели доведена тобой!

Въ ней каждой капли слезъ и крови ты—виной.

И смѣль ты на боговъ хулой вооружиться?

А сколько впредь еще родится

Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золь!

Терпи жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра!»

Сказала гнѣвная Мегера—

И крышкою захопнула котель.

XXV. Я Г Н Е Н О К Ъ.

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:

«По мнѣ пускай, что хочешь, говорятъ,

Лишь былъ бы я въ душѣ невиноватъ!

Нѣтъ; надобно еще умнѣе,

Коль хочешь въ людяхъ ты себя не погубить,

И добрую наружность сохранить.

Красавицы! вамъ знать всего нужнѣе,

Что слава добрая вамъ лучше всѣхъ прикрасъ,

И что она у васъ

Весеняго цвѣтка нѣжнѣе.

Какъ часто и душа, и совѣсть въ васъ чиста;

Но лишній взглядъ, словцо, одна неосторожность

Язвить злословью васъ даетъ возможность,

И ваша слава ужъ не та.

Ужели не глядѣть? ужель не улыбаться?

Не то я говорю; но только всякій шагъ

Вы свой должны обдумать такъ,

Чтобъ было не къ чему злословью и придраться.

Анюточка, мой другъ!

Я, для тебя и для твоихъ подругъ,

Придумалъ басенку. Пока еще ребенкомъ,

Ты вытверди ее; не нынѣ, такъ впередъ

Съ нея сберешь ты плодъ.

Послушай, что случилось съ ягненкомъ.

Поставь свою ты куклу въ уголокъ:

Разсказъ мой будетъ коротокъ.

Ягненокъ сдуру,

Надѣвши волчью шкуру,
Пошелъ по стаду въ пей гулять:
Ягненокъ лишь хотѣлъ пощеголять;
Но псы, увидѣвши повѣсу,
Подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу,
Вскочили, кинулись къ нему, свалили съ ногъ,
И прежде, нежели опомниться онъ могъ,
Чуть по клочкамъ его не расхватили.
По счастью, пастухи, узнавъ его, отбили;
Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ:
Бѣдняжка отъ такой тревоги
Насилу доволокъ въ овчарню ноги;
А тамъ онъ сталъ хирѣть, потомъ совсѣмъ зачахъ,
И простоналъ весь вѣкъ свой безъ умолка.
А если бы ягненокъ былъ уменъ—
И мысли бы боялся онъ
Похожимъ быть на волка.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ КНИГИ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

І. СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Когда-то вздумалось мышамъ себя прославить,
И, не смотря на кошекъ и котовъ,
Свести съ ума всѣхъ ключницъ, поваровъ,
И славу о своихъ дѣлахъ трубить заставить
Отъ погребовъ до чердаковъ;
А для того совѣтъ назначено составить,
Въ которомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
Длиной во весь ихъ ростъ:
Примѣта у мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расторопнѣе вездѣ.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будемъ;
Притомъ же объ умѣ мы сами часто судимъ
По платю иль по бородѣ.
Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья
Все длиннохвостыхъ брать назначено въ совѣтъ.
У коихъ же хвоста, къ несчастью, нѣтъ,
Хотя бъ лишились ихъ онѣ среди сраженья,
Но такъ какъ это знакъ иль неумѣнья,
Иль нерадѣнья,
Такихъ въ совѣтъ не принимать,
Чтобъ изъ-за нихъ своихъ хвостовъ не растерять.
Все дѣло слажено; повѣщено собранье,

Какъ ночь настанеть на дворѣ;
И, наконецъ, въ мучномъ ларѣ
Открыто засѣданье.

Но лишь позаняли мѣста,
Анъ, глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую мышъ толкаетъ
Мышеночъ молодой,
И говоритъ: «какой судьбой
Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?
И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?
Дай голосъ, чтобъ ее скорѣе выслать вонъ.
Ты знаешь, какъ народъ безхвостыхъ нашъ не любитъ;
И можно ль, чтобъ она полезна намъ была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только насъ, подполицу всю сгубитъ.»
А мышъ въ отвѣтъ: «молчи! все знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума.»

Ш. М Е Л Ъ Н И К Ъ .

У мельника вода плотину прососала;
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить;
А течъ день-ото-дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
«Эй мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!»
А мельникъ говоритъ: «далеко до бѣды;
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата.»

Онъ спить, а между тѣмъ

Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.

И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:

Сталъ жерновъ, мельница не служить.

Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,

И думаетъ, какъ воду уберечь.

Вотъ, у плотины онъ, осматривая течь,

Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.

«Негодныя!» кричитъ: «хохлатки, дуры!

Я и безъ васъ воды не знаю, гдѣ достать;

А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать.»

И въ нихъ полѣномъ хватъ!

Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?

Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Видалъ я иногда,

Что есть такіе господа

(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),

Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,

А думаютъ хозяйству подспорить,

Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,

И рады за него съ людьми поднять содомъ.

Съ такую бережью диковинка ль, что домъ

Скорешенько пойдетъ вверхъ дномъ!

III. БУЛЫЖНИКЪ И АЛМАЗЪ.

Потерянный алмазъ валялся на пути;

Случилось наконецъ концу его найти.

Онъ отъ купца

Царю представленъ,

Имъ купленъ, въ золотѣ оправленъ,
И украшеніемъ сталъ царскаго вѣнца.

Узнавъ про то, бульжничекъ развозился,
Блестящею судьбой алмаза онъ прельстился,
И, вида мужика, его онъ проситъ такъ:

«Пожалуйста, землякъ,

Возьми меня въ столицу ты съ собою!

За что здѣсь подъ дождемъ и въ слякоти я ною?

А нашъ алмазъ въ чести, какъ говорятъ.

Не понимаю я, за что онъ въ знать попался?

Со мною сколько лѣтъ здѣсь рядомъ онъ валялся;

Такой же камень онъ и мнѣ набитый братъ.

Возьми жъ меня. Какъ знать? Коль я тамъ покажуся,
То также, можетъ быть, на дѣло пригожуся.»

Взялъ камень мужичокъ на свой тяжелый возъ,

И въ городъ онъ его привезъ.

Ввалился камень мой, и думаетъ, что разомъ

Засядетъ рядомъ онъ съ алмазомъ;

Но вышелъ для него случай совсѣмъ иной:

Онъ точно въ дѣло взятъ, но взятъ для мостовой.

IV. МОТЪ И ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодець,

Въ наслѣдство получа богатое имѣнье,

Пустился въ мотовство, и при большемъ радѣньѣ

Спустилъ все чисто; наконецъ,

Съ одною шубой онъ остался,

И то лишь для того, что было то зимой:

Такъ онъ морозовъ побоялся.

Но, ласточку увидя, малый мой

И шубу промоталь. Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ,

Что ласточки къ намъ прилетаютъ

Передъ весной;

Такъ въ шубѣ, думаль онъ, нѣтъ нужды никакой:

Къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ

Къ весенней клонится пріятной все погодѣ,

И въ сѣверную глушь морозы загнаны!

Догадки малаго умны;

Да только онъ забылъ пословицу въ народѣ:

Что ласточка одна не дѣлаетъ весны.

И подлинно: опять отколь взялись морозы,

По снѣгу хрупкому скрываютъ обозы,

Изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло

Узорами заволочло.

Отъ стужи малаго прошибли слезы,

И ласточку свою, предтечу теплыхъ дней,

Онъ видитъ на снѣгу замерзшую, Тутъ къ ней,

Дрожа, насилу могъ онъ вымолвить сквозь зубы:

«Проклятая! стубила ты себя,

А, понадѣясь на тебя,

И я теперь не во-время безъ шубы!»

В. ПЛОТИЧКА.

Хоть я и не пророкъ,

Но видя мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется,

Пророчество почти всегда мнѣ удается:

Что крылышки сожжетъ мой мотылекъ.

Вотъ, милый другъ, тебѣ сравненье и урокъ:

Онъ и для взрослого хорошъ, и для ребенка.

Ужли вся басня тутъ? ты спросишь; погоди:

Нѣтъ, это только побасенка,
А басня будетъ впереди,
И къ ней я напередъ скажу нравоученье.
Вотъ, вижу новое въ глазахъ твоихъ сомнѣнье:
Сначала краткости, теперь ужъ ты
Боишься длинноты.

Что жъ дѣлать, милый другъ: возьми терпѣнье!
Я самъ того жъ боюсь.

Но какъ же быть? Теперь я старѣ становлюсь:
Погода къ осени дождливѣй,
А люди къ старости болтливѣй;

Но чтобы дѣла мнѣ не выпустить изъ глазъ,
То выслушай: слыхаль я много разъ,
Что, легкіе проступки ставя въ малость,
Въ нихъ извинить себя хотятъ,
И говорятъ:

За что винить тутъ? это шалость;
Но эта шалость намъ къ паденью первый шагъ:
Она становится привычкой, послѣ—страстью,
И, увлекая насъ въ порокъ съ гигантской властью,
Намъ не даетъ опомниться никакъ.

Чтобы тебѣ живѣй представить,
Какъ на себя надѣянность вредна,
Позволь мнѣ басенкой себя ты позабавить;
Теперь изъ-подъ пера сама идетъ она,
И можетъ съ пользою тебя наставить.

Не помню у какой рѣки,
Злодѣи царства водянаго,
Ирютъ имѣли рыбаки.
Въ водѣ, по близости у берега крутаго,
Плотичка рѣзвая жила.
Проворна и притомъ лукава,
Небоязливаго была плотичка права:

Вкруг удочекъ она вертѣлась, какъ юла,
И часто съ ней рыбакъ свой промыслъ клялъ съ досады.
Когда, за пожданье онъ въ чаянѣ награды,
Закинетъ уду, глазъ не сводитъ съ поплавка:
Вотъ, думаетъ, взяла; въ немъ сердце встрепенется;
Взмахнетъ онъ удой: глядь—крючокъ безъ червяка;
Плутовка, кажется, надъ рыбакомъ смѣется,

Сорветъ приманку, увернется,

И, хоть ты что, обманеть рыбака.

«Послушай,» говоритъ другая ей плотца:

«Не сдобровать тебѣ, сестрица!

Иль мало мѣста здѣсь въ водѣ,

Что ты всегда вкругъ удочекъ вертишься?

Боюсь я: скоро ты съ рѣкой у насъ простишься.

Чѣмъ ближе къ удочкамъ, тѣмъ ближе и къ бѣдѣ.

Сегодня удалось, а завтра—кто порука?»

Но глупымъ, что глухимъ—разумныя слова.

«Вотъ,» говоритъ моя плотва:

«Вѣдь я не близорука!

Хоть хитры рыбаки, но страхъ пустой ты брось:

Я вижу хитрость ихъ насквозь.

Вотъ видишь уду? вонъ закинута другая!

Ахъ, вотъ еще, еще! Смотри же, дорогая,

Какъ хитрецовъ я проведу!»

И къ удочкамъ стрѣлой пустилась;

Рванула съ той, съ другой, на третьей зацѣпилась,

И, ахъ, попалася въ бѣду!

Тутъ поздно бѣдная узнала,

Что лучше бы бѣжать опасности сначала.

VI. КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Когда почтенъ быть хочешь у людей—
Съ разборомъ заводи знакомства и друзей!

Мужикъ съ змѣею подружился.
Извѣстно, что змѣя умна:
Такъ вкралась къ мужику она,
Что ею только онъ и клялся, и божился.
Съ тѣхъ поръ всѣ прежніе пріатели, родня,
Никто къ нему ногой не побываетъ.
«Помилуйте,» мужикъ пеняетъ:
«За что вы всѣ покинули меня?
Иль угостить жена васъ не умѣла?
Или хлѣбъ-соль моя вамъ надоѣла?»
—«Нѣтъ,» кумъ Матвѣй сказалъ ему въ отвѣтъ:
«Къ тебѣ бы рады мы, сосѣдъ;
И никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ)
Не огорчилъ ничѣмъ, не опечалилъ:
Но что за радость, рассуди,
Коль сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой другъ кого, поднолзши, не ужалилъ?»

VII. СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей досыта, до отвала;
Наѣвшись, выпалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала,
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.

«Вѣдь это дереву вредить,»

Ей съ дубу воронъ говоритъ:

«Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.»

— «Пусть сохнетъ,» говоритъ свинья:

«Ничуть меня то не тревожить;

Въ немъ проку мало вижу я;

Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;

Лишь были бъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю».

— «Неблагодарная!» примолвилъ дубъ ей тутъ:

«Когда бы вверху могла поднять ты рыло,

Тебѣ бы видно было,

Что эти желуди на мнѣ растутъ.»

Невѣжда также въ ослѣпленѣ

Бранить науки и ученье,

И всѣ ученые труды,

Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

VIII. ПАУКЪ И ПЧЕЛА.

По мнѣ таланты тѣ не годны,

Въ которыхъ свѣту пользы нѣтъ,

Хоть иногда имъ и дивится свѣтъ.

Купецъ на ярмарку принесъ полотна;

Они такой товаръ, что надобно для всѣхъ.

Купцу на торгъ пожаловаться грѣхъ:

Покупщиковъ отбою нѣтъ; у лавки

Доходитъ иногда до давки.

Увидя, что товаръ такъ ходко идетъ съ рукъ,

Завистливый паукъ

На барыши купца прельстился;
Задумалъ на продажу ткать,
Купца затѣялъ подорвать,
И лавочку открыть въ оконкѣ самъ рѣшился.
Основу основалъ, проткалъ насквозь всю ночь,
Поставилъ свой товаръ на диво,
Засѣлъ, надувшись спесиво,
Отъ лавки не отходить прочь,
И думаетъ—лишь только день настанетъ,
То всѣхъ покупателей къ себѣ онъ перемаянитъ.
Вотъ день насталъ; но что жъ? Ироказника метлой
Смели и съ лавочкой долой.
Паукъ мой бѣсится съ досады.
«Вотъ,» говоритъ: «жди праведной награды!
На весь я свѣтъ пошлюсь, чье тонѣе тканье:
Купцово иль мое?»
—«Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ!»
Пчела отвѣтствуетъ: «извѣстно то давно;
Да что въ немъ проку, коль оно
Не одѣваетъ и не грѣетъ?»

IX. ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

«Отколѣ умная бредешь ты голова?»
Лисица, встрѣтясь съ осломъ, его спросила.
—«Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого уroda;
А нынѣ въ старости и дряхль, и хиль,

Совсѣмъ безъ силъ,
Взаймется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
И заплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По своему:

Кто зубомъ, кто рогами...»
— «Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?»
Лиса осла перерываетъ.
— «Вотъ-на!» осель ей отвѣчаетъ:
«А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыты знаютъ!»

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять онѣ и взгляды;
Но упади лишь съ высоты—
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

Х. МУХА И ПЧЕЛА.

Въ саду, веспой, при легкомъ вѣтеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ,
Качалась муха, сидя,
И, на цвѣткѣ пчелу увидя,
Спесиво говорить: «ужъ какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера трудиться цѣлый день!
На мѣстѣ бы твоёмъ я въ сутки захирѣла.
Вотъ, на примѣръ, мое
Такъ, право, райское житье!
За мною только лишь и дѣла,
Летать по баламъ, по гостямъ:
И молвить, не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ дома.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!
Гдѣ только свадьба, именины—
Изъ первыхъ я ужъ вѣрно тутъ,
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И ню изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю, изъ лакомыхъ сластей;
Притомъ же, жалуя полъ иѣжный,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь,
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой иль шейкѣ бѣлоспѣжной.»

— «Все это знаю я,» отвѣтствуетъ пчела:

«Но и о томъ дошли мнѣ слухи,

Что никому ты не мила,

Что на пшрахъ лишь морщатся отъ мухи,

Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,

Тебя гоняють со стыдомъ.»

— «Вотъ,» муха говоритъ: «гоняють! что жъ такое?

Коль выгонять въ окно, такъ я влечу въ другое.»

XI. ЗМѢЯ И ОВЦА.

Змѣя лежала подъ колодой,
И злилася на цѣлый свѣтъ;

У ней другаго чувства нѣтъ,
Какъ злиться: создана ужъ такъ она природой.
Ягненокъ въ близости рѣзвился и скакалъ;

Онъ о змѣѣ совсѣмъ не помышлялъ.

Вотъ, выползши, она въ него вонзаетъ жало:
Въ глазахъ у бѣдняка туманно небо стало;

Вся кровь отъ яду въ немъ горитъ.

«Что сдѣлалъ я тебѣ?» змѣѣ онъ говоритъ.

— «Кто знаетъ? Можетъ быть, ты съ тѣмъ сюда забрался,
Чтобъ раздавить меня,» шипитъ ему змѣя:

«Изъ осторожности тебя караю я.»

— «Ахъ, нѣтъ!» онъ отвѣчалъ—и съ жизнью тутъ разстался.

Въ комъ сердце такъ сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствуетъ оно,
И ненависть одну ко всѣмъ питаетъ,
Тотъ всякаго своимъ злодѣемъ почитаетъ.

ХІІ. КОТЕЛЪ И ГОРШОКЪ.

Горшокъ съ котломъ большую дружбу свелъ,
Хотя и познатнѣй породою котелъ,
Но въ дружбѣ что за счетъ? Котелъ горой за свата;

Горшокъ съ котломъ за-панібрата;

Другъ безъ друга они не могутъ быть никакъ;

Съ утра до вечера другъ съ другомъ неразлучно.

И у огня имъ порознь скучно;

И, словомъ, вмѣстѣ всякій шагъ,

И съ очага, и на очагъ.

Вотъ вздумалось котлу по свѣту прокатиться,

И друга онъ съ собой зоветъ;

Горшокъ нашъ отъ котла никакъ не отстаеъ,
И вмѣстѣ на одну телѣгу съ нимъ садится.
Пустилися друзья по тряскоѣ мостовой,
Толкаются въ телѣгѣ межъ собой.

Гдѣ горки, рытвины, ухабы —
Котлу бездѣлица; горшки натурой слабы:
Отъ каждаго толчка горшку большой накладъ;
Однакожъ онъ не думаетъ назадъ,
И глиняный горшокъ тому лишь радъ,
Что онъ съ котломъ чугуннымъ такъ сдружился.
Какъ странствія ихъ были далеки,
Не знаю; но о томъ я точно извѣстился,
Что цѣль домой котель съ дороги воротился,
А отъ горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство въ любви и дружбѣ вещь святая.

XIII. ДИКІЯ КОЗЫ.

Пастухъ нашель зимой въ пещерѣ дикихъ козъ;
Онъ въ радости боговъ благодарить сквозь слезъ:
«Прекрасно,» говоритъ: «ни клада мнѣ не надо,
Теперь мое прибудеть вдвое стадо;
И не доѣмъ, и не досплю,
А милыхъ козочекъ къ себѣ я прикормлю,
И паномъ заживу у насъ во всемъ полѣсьѣ.
Вѣдь пастуху стада, что барину помѣстье:
Онъ съ нихъ оброкъ волной беретъ,
И масла, и сыры скопляетъ;
Подъ часъ онъ тожъ и шкурки съ нихъ деретъ;

Лишь только кормъ онъ самъ имъ промышляетъ;
А корму на зиму у пастуха запасъ!»
Вотъ отъ своихъ овецъ къ гостямъ онъ кормъ таскаетъ;
Голубить ихъ, ласкаетъ;
Къ нимъ на день ходитъ по сту разъ;
Ихъ всячески старается привадить.
Убавилъ корму у своихъ,
Теперь, покамѣстъ, не до нихъ,
И со своими жъ легче сладить:
Сѣнца имъ бросить по клочку,
А стануть приступать, такъ дать имъ по толчку,
Чтобъ менѣе въ глаза совались.
Да только вотъ бѣда: когда пришла весна,
То козы дикія всѣ въ горы разбѣжались:
Не по утесамъ жизнь казалась имъ грустна;
Свое же стадо захирѣло,
И все почти переколѣло:
И мой пастухъ пошелъ съ сумой;
Хотя зимой
На барыши въ умѣ рассчитывалъ прекрасно.

Пастухъ! тебѣ теперь я молвлю рѣчь:
Чѣмъ въ дикихъ козъ терять свой кормъ напрасно,
Не лучше ли бы козъ домашнихъ поберечь?

XIV. С О Л О В Ъ И.

Какой-то птицеловъ
Весною наловилъ по роцамъ соловьевъ.
Цѣвцы разсажены по клѣткамъ, и запѣли,
Хоть лучше бъ по лѣсамъ гулять они хотѣли:

Когда сидишь въ тюрьмѣ, до пѣсенъ ли ужъ тутъ!

Но дѣлать нечего: поютъ,

Кто съ горя, кто отъ скуки.

Изъ нихъ одинъ бѣдняжка соловей

Терпѣль всѣхъ болѣ мѣки:

Онъ разлученъ съ подружкой былъ своей.

Ему тошнѣе всѣхъ въ неволѣ.

Съвозъ слезъ изъ клѣтки онъ посматриваетъ въ поле,

Тоскуетъ день и ночь;

Однакожь думаетъ: «злу грустью не помочь;

Безумный плачетъ лишь отъ бѣдства,

А умный ищетъ средства,

Какъ дѣломъ горю пособить;

И, кажется, бѣду могу я съ шей сбыть:

Вѣдь насъ не съ тѣмъ поймали, чтобы скушать.

Хозяинъ, вижу я, охотникъ пѣсни слушать;

Такъ если голосомъ ему я угожу,

Быть можетъ, тѣмъ себѣ награду заслужу,

И онъ мою неволю окончатъ.»

Такъ разсуждалъ — и началъ мой пѣвецъ:

И пѣсню онъ зарю вечернюю величатъ,

И пѣснями восходъ онъ солнечный встрѣчатъ.

Но что же вышло наконецъ?

Онъ только отягчилъ свою тѣмъ злую долю:

Кто худо пѣлъ, для тѣхъ давно

Хозяинъ отворилъ и клѣтки, и окно,

И распустилъ ихъ всѣхъ на волю;

А мой бѣдняжка соловей,

Чѣмъ пѣлъ пріятнѣй и нѣжнѣй,

Тѣмъ стерегли его плотнѣй.

ХV. Г О Л И К Ъ.

Запачканный голикъ попалъ въ большую честь:

Ужь онъ половъ не будетъ въ кухняхъ мечь;
Ему поручены господскіе кафтаны
(Какъ видно, слуги были пьяны).

Вотъ развозился мой голикъ:

По платью барскому безъ устали колотить,
И на кафтанахъ онъ какъ будто рожь молотить.

И подлинно, что трудъ его великъ.

Бѣда лишь въ томъ, что самъ онъ грязень, неопрятень:

Что жъ пользы отъ его труда?

Чѣмъ больше чистить онъ, тѣмъ только больше пятень.

Бываетъ столько же вреда,

Когда

Невѣжда не въ свои дѣла влететъся,

И поправлять труды ученаго возьметъся.

ХVI. КРЕСТЬЯНИНЪ И ОВЦА.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ овцу:

Онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло;

Судья — лиса: оно въ минуту закипѣло.

Запросъ отвѣтчику, запросъ истцу,

Чтобъ рассказать по пунктамъ и безъ крика:

Какъ было дѣло, въ чемъ улка?

Крестьянинъ говорить: «такого-то числа,

Поутру у меня двухъ куръ не досчитались:

Отъ нихъ лишь косточки да перышки остались;

А на дворѣ одна овца была.»

Овца же говорить: она всю ночь спала;
И всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала,
Что никогда за ней не знали никакого

Ни воровства,
Ни плутовства;

А сверхъ того она совсѣмъ не ѣсть мяснаго.

И приговоръ лисы вотъ, отъ слова до слова:

«Не принимать никакъ резоновъ отъ овцы:

Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;

По справкѣ жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь

Овца отъ куръ не отлучалась прочь;

А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;

То я сужу, по совѣсти моей:

Нельзя, чтобъ утерпѣла,
И куръ она не съѣла;

И въ слѣдствіе того казнить овцу,

И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.»

ХVII. С К У П О Й.

Какой-то домовый стерегъ богатый кладъ,
Зарытый подъ землей; какъ вдругъ ему нарядъ,

Отъ демонскаго воеводы,

Летѣтъ за тридевятыя земли на многи годы;

А служба такова: хоть радъ или не радъ,

Исполнить должно повелѣнье.

Мой домовый въ большомъ недоумѣньѣ,

Какъ безъ себя сокровище сберечь?

Кому его стеречь?

Нанять смотрителя, построить кладовыя:

Расходы надобно большіе;

Оставить такъ его: такъ можетъ кладъ пропасть;

Нельзя ручаться ни за сутки;

И вырыть могутъ, и украсть:

На деньги люди чутки.

Хлопочеть, думаетъ, и вздумалъ наконецъ.

Хозяинъ у него былъ скряга и скупецъ.

Духъ, взявъ сокровище, является къ скупому

И говорить: «хозяинъ дорогой!

Миѣ въ дальнія страны показанъ путь изъ дому;

А я всегда доволенъ былъ тобой:

Такъ на прощанье, въ знакъ пріязни,

Мои сокровища принять не откажись!

Пей, ѣшь и веселись,

И трать ихъ безъ боязни!

Когда же придетъ смерть твоя,

То твой одинъ наслѣдникъ я:

Вотъ все мое условье;

А впрочемъ, да продлитъ судьба твое здоровье!»

Сказалъ—и въ путь. Прошелъ десятокъ лѣтъ, другой.

Исправя службу, домовою

Летитъ домой

Въ отечески предѣлы.

Что жъ видитъ? О восторгъ! Скупой съ ключемъ въ рукѣ

Отъ голода издохъ на сундукъ,

И всѣ червонцы цѣлы.

Тутъ духъ опять свой кладъ

Себѣ присвоилъ,

И былъ сердечно радъ,

Что сторожъ для него ни денежки не стоилъ.

—
Когда у золота скупой ни ѣсть, ни пить —

Не домовому ль онъ червонцы бережетъ?

XVIII. БОГАЧЪ И ПОЭТЪ.

Съ великимъ богачемъ поэтъ затѣялъ судъ,
И Зевса умолялъ онъ за себя вступиться.

Обоимъ велѣно на судъ явиться.

Пришли: одинъ и тощъ, и худъ,

Едва одѣтъ, едва обутъ;

Другой весь въ золотѣ, и спесью весь раздутъ.

«Умилосердися, Олимпа самодержецъ!

Тучегонитель, громовержецъ!»

Кричитъ поэтъ: «чѣмъ я виновенъ предъ тобой,

Что съ юности терплю Фортуны злой гоненье?

Ни ложки, ни угла: и все мое имѣнье

Въ одномъ воображеньѣ;

Межъ тѣмъ когда соперникъ мой,

Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ кумиромъ,

Въ палатахъ окруженъ поклонниковъ толпой,

Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ.»

—«А это развѣ ничего,

Что въ поздній вѣкъ твоей достигнуть лиры звуки?»

Юпитеръ отвѣчалъ: «а про него

Не только правнуки, не будутъ помнить внуки.

Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ!

Ему жъ въ пожизненность я блага міра далъ.

Но вѣрь, коль вещи бы онъ болѣ понималъ,

И если бы съ его умомъ была возможность

Почувствовать свою передъ тобой ничтожность—

Онъ болѣ бъ тебя на жребій свой ропталъ.»

ХІХ. ВОЛКЪ И МЫШЕНОКЪ.

Изъ стада сѣрый волкъ
Въ лѣсъ ѡвцу затащилъ, въ укромный уголокъ,
Ужъ разумѣтся, не въ гости:
Овечку бѣдную обжора ободралъ,
И такъ ее онъ убиралъ,
Что на зубахъ хрустѣли кости.
Но какъ ни жаденъ былъ, а съѣсть всего не могъ;
Оставилъ къ ужину запасъ, и подлѣ легъ
Понѣжиться, вздохнуть отъ жирнаго обѣда.
Вотъ, близкаго его сосѣда,
Мышенка, запахомъ пирушки привлекло.
Межъ мховъ и кочекъ онъ тихохонько подкрался,
Схватилъ кусокъ мяса, и съ нимъ скорѣй убрался
Къ себѣ домой, въ дупло.
Увидя похищенье,
Волкъ мой
По лѣсу поднялъ вой:
Кричитъ онъ: «караулъ! разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое имѣнье!»

Такое жъ въ городѣ я видѣлъ приключенье:
У Климыча-судьи часишки воръ стянулъ,
И онъ кричитъ на вора: «караулъ!»

ХХ. ДВА МУЖИКА.

«Здорово, кумъ Ѡаддей!»—«Здорово, кумъ Егоръ!»
—«Ну, какво, пріятель, поживаешь?»

—«Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!

Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ,

И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ.»

—«Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»

—«Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;

Я со свѣчой пошелъ дать корму лошадямъ;

Признаться, въ головѣ шумѣло;

Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;

А дворъ и все добро сторѣло.

Ну, ты какъ?»—«Охъ, Оаддей, худое дѣло!

И на меня прогнѣвался, знать, Богъ;

Ты видишь—я безъ ногъ;

Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.

Я, тожь о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,

И тоже черезъ-чуръ, признаться, я хлебнулъ

Съ друзьями полугару;

А чтобъ въ хмелю не сдѣлать мнѣ пожару,

Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ;

Анъ бѣсъ меня впотмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,

Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ нечеловѣка,

И вотъ я съ той поры калѣка.»

—«Пеняйте на себя, друзья!

Сказалъ имъ свать Степанъ: «коль молвить правду, я

Совсѣмъ не чту за чудо,

Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:

Для пьянаго и со свѣчою худо,

Да врядъ не хуже ль и впотмахъ.»

XXI. КОТЕНОКЪ И СКВОРЕЦЪ.

Въ какомъ-то домѣ былъ скворецъ,

Плохой пѣвецъ;

Зато ужъ философъ презнатный,
И свель съ котенкомъ дружбу онъ.
Котенокъ былъ ужъ котикъ презрядный,
Но тихъ и вѣжливъ, и смиренъ.
Вотъ какъ-то былъ въ столѣ котенокъ обдѣленъ.
Бѣдняжку голодъ мучить:
Задумчивъ бродить онъ, скучаючи постомъ;
Поводить ласково хвостомъ,
И жалобно мяучить.
А философъ котенка учить,
И говорить ему: «мой другъ, ты очень простъ,
Что тернишь добровольно постъ;
А въ клѣткѣ надъ носомъ твоимъ висить щегленокъ.
Я вижу, ты прямой котенокъ.»
— «Но совѣсть...» — «Какъ ты мало знаешь свѣтъ!
Повѣрь, что это сущій бредъ
И слабыхъ душъ одни лишь предразсудки,
А для большихъ умовъ — пустяя только шутки!
На свѣтѣ кто силенъ,
Тотъ дѣлать все воленъ.
Вотъ доказательство тебѣ, и вотъ примѣры.»
Тутъ, выведя ихъ на свои манеры,
Онъ философію всю вычерпалъ до дна.
Котенку натошакъ понравилась она:
Онъ вытащилъ и съѣлъ щегленка.
Разлакомилъ кусокъ такой котенка,
Хотя имъ голода онъ утолить не могъ.
Однакоже второй урокъ
Съ большимъ успѣхомъ слушалъ,
И говоритъ скворцу: «спасибо, милый кумъ!
Наставилъ ты меня на умъ.»
И, клѣтку разломавъ, учителя онъ скушалъ.

XXII. ДВѢ СОБАКИ.

Дворовый вѣрный песъ,
Барбось,

Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.

Къ ней ластися, какъ будто бы къ роднѣ,
Опъ съ умиленья чуть не плачетъ,
И подь окномъ
Визжить, вертить хвостомъ
И скачетъ.

«Ну, что, Жужутка, какъ живекъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь, помнишь: на дворѣ мы часто голодали.

Какую службу ты несешь?»

— «На счастье грѣхъ ронтать,» Жужутка отвѣчаетъ:

«Мой господинъ во мнѣ души не чаеъ;

Живу въ довольствѣ и добрѣ,

И ѣмъ, и пью на серебрѣ;

Рѣзвлюся съ баринномъ, а ежели устану,

Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.

Ты какъ живешь?» — «Я,» отвѣчалъ Барбось,

Хвостъ плетью опусти и свой повѣся носъ:

«Живу по прежнему: терплю и холодъ,

И голодъ,

И, сберегаючи хозяйскій домъ,

Здѣсь подь заборомъ сплю, и мокну подь дождемъ;

А если невпопадъ залаю,

То и побои принимаю.

Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ,

Везиленъ бывши такъ и малъ,

Межь тѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно?

Чѣмъ служишь ты?»—«Чѣмъ служишь! вотъ прекрасно!»
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
«На заднихъ лапкахъ я хожу.»

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходять.

XXIII. КОШКА И СОЛОВЕЙ.

Поймала кошка соловья,
Въ бѣдняжку когти запустила,
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славятъ,
И съ лучшими пѣвцами рядомъ ставятъ.
Мнѣ говорить лиса-кума,
Что голосъ у тебя такъ звонокъ и чудесень,
Что отъ твоихъ прелестныхъ пѣсень
Всѣ пастухи, пастушки—безъ ума.
Хотѣла бь очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися такъ: не будь, мой другъ, упрямъ;
Не бойся: не хочу совсѣмъ тебя я кушать.
Лишь свой мнѣ что-нибудь: тебѣ я волю дамъ,
И отпущу гулять по рощамъ и лѣсамъ.
Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не уступаю,
И часто, про себя мурлыча, засыпаю.»
Межъ тѣмъ мой бѣдный соловей
Едва-едва дышалъ въ когтяхъ у ней.
«Ну, что же?» продолжаетъ кошка:
«Прошой, дружокъ, хотя немножко.»

Но нашъ пѣвецъ не пѣль, а только что пицаль.
«Такъ этимъ-то лѣса ты восхицаль?»
Съ насмѣшкою она спросила:
«Гдѣ жъ эта чистота и сила,
О коихъ всё безъ умолку твердятъ?»
Мнѣ скученъ цискъ такой и отъ моихъ котятъ.
Нѣтъ, вижу, что въ пѣньѣ ты вовсе не искусень.
Посмотримъ, на зубахъ каковъ-то будешь вкусень!»
И съѣла бѣднаго пѣвца
До крошки.

Сказать ли на ушко яснѣе мысль мою?
Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

XXIV. РЫБЫ ПЛЯСКИ.

Имѣя въ области своей
Не только что лѣса, но даже вѣды,
Левъ собралъ на совѣтъ звѣрей:
Кого бѣ надъ рыбами поставить въ воеводы?
Какъ водится, пошли на голоса,
И выбрана была лиса.
Вотъ лисанька на воеводство съѣла.
Лиса примѣтно потолстѣла.
У ней былъ мужичокъ--пріятель, свать и кумъ;
Они вдвоемъ взялись за умъ:
Межъ тѣмъ, какъ съ бережку лисица рядить, судить,
Кумъ рыбку удить,
И дѣлить съ кумушкой ее, какъ вѣрний другъ.
Но плутни не всегда удачно сходятъ съ рукъ.

Левъ какъ-то взялъ по слухамъ подозрѣнье,
Что у него въ судахъ скривились вѣсы,

И, улуча свободные часы,

Пустился самъ свое осматривать владѣнье.

Онъ идетъ берегомъ; а добрый куманекъ,

Наудя рыбъ, расклалъ у рѣчки огонекъ,

И съ кумушкой попировать сбирался;

Вѣдняжки прыгали отъ жару, кто какъ могъ:

Всякъ, видя близкій свой конецъ, метался.

На мужика разинувъ зѣвъ,

«Кто ты, что дѣлаешь?» спросилъ сердито левъ.

— «Великій государь!» отвѣтствуетъ плутовка

(У лисашки всегда въ запасѣ есть уловка):

«Великій государь!

Онъ у меня здѣсь главный секретарь:

За безкорыстiе уваженъ всѣмъ народомъ;

А это караси, всѣ жители воды:

Мы всѣ пришли сюды

Поздравить, добрый царь, тебя съ твоимъ приходомъ.»

— «Ну, какъ здѣсь идетъ судъ? Доволенъ ли вашъ край?»

— «Великій государь, здѣсь не житье намъ—рай:

Лишь только бѣ дни твои безцѣнные продлились.»

(А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились).

— «Да отчего же,» левъ спросилъ, «скажи ты мнѣ,

Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?»

— «О мудрый левъ!» лиса отвѣтствуетъ: «онѣ

На радости, тебя увидя, пляшутъ.»

Не могли болѣ тутъ левъ явной лжи стерпѣть,

Чтобъ не безъ музыки плясать народу,

Секретаря и воеводу

Въ своихъ когтяхъ заставилъ иѣть.

XXV. ПРИХОЖАНИИЪ.

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и гешій, и писатель;
Зато уже другой,
Какъ хочешь, сладко пой,

Не только, чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дожидаться—
Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, можетъ быть, я тѣмъ немпого досажу,
Но, вмѣсто басни, былъ на это имъ скажу.

Во храмѣ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчїи Плагона былъ послѣдникъ)
Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.

Рѣчь сладкая, какъ медь, изъ устъ его текла.
Въ ней правда чистая, казалось, безъ искусства,
Какъ цѣпью золотой,

Возьмемъ къ небесамъ всѣ помыслы и чувства,
Сей обличала мїръ, исполненный тщетой.

Душъ пастырь кончилъ поученье;
Но всякъ ему еще внималъ, и, до небесъ
Восхищенный, въ сердечномъ умиленїѣ
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.

Когда жъ изъ Божьяго мїряне вышли дому,
«Какой пріятный даръ!»

Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому:
«Какая сладость, жаръ!

Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!
А у тебя, сосѣдъ, знать черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать!

Иль ты не понималъ?»—«Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не здѣшняго прихода».

XXVI. В О Р О Н А.

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.
Простолюдинъ со знатю не родися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ.

Утыкавши себѣ павлинымъ перьемъ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гулять спесиво,
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріатели ея
Всѣ заглядятся, какъ па диво;
Что павамъ всѣмъ она сестра,
И что пришла ея пора

Быть украшеніемъ юнонина двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокофрѣя?
Что павами она оцципана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувыркомъ,
 Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она, было, назадъ къ своимъ; но тѣ совсѣмъ
 Заклеванной вороны не узнали,
 Ворону вдосталь оцципали,
И кончились ея затѣи тѣмъ,
 Что отъ воронъ она отстала,
 А къ павамъ не пристала.

Я эту басенку вамъ былью поясню.
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
 Чтобъ въ знатную войти родню.
 Приданого за ней полмилліона.
 Вотъ выдали Матрену за барона.
Что жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась;
А старая за то, что къ знатымъ приплелась;
 И сдѣлалась моя Матрена
 Ни пава, ни ворона.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

І. ЛЕВЪ СОСТАРѢВШІЙСЯ.

Могучій левъ, гроза лѣсовъ,
Постигнуть старостью, лишился силы:
Нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ,
Чѣмъ наводилъ онъ ужась на враговъ,
И самого едва таскають ноги хилы;
А что всего больнѣй,
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды льва въ отмщенье,
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ,
То зубомъ волкъ рванетъ,
То острымъ рогомъ волъ боднетъ.
Левъ бѣдный въ горѣ толь великомъ,
Сжавъ сердце, терпитъ все, и ждетъ кончины злой,
Лишь изъявляя ропоть свой
Глухимъ и томнымъ рыкомъ;
Какъ видитъ, что осель туда жъ, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть,
И смотреть мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольнѣе.
«О боги!» возопилъ, стеноя, левъ тогда:
«Чтобъ не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе!

Какъ смерть моя ни зла—
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла.»

II. ЛЕВЪ, СЕРНА И ЛИСА.

По дебрямъ гнался левъ за серной;
Уже ее онъ настигаль,
И взоромъ алчнымъ пожираль
Обѣдъ себѣ въ ней сытный, вѣрный.
Спасти, казалось, ей нельзя никакъ:
Дорогу обоемъ пересѣкаль оврагъ;
Но серна легкая всѣ силы натянула;
Подобно изъ лука стрѣлѣ,
Надъ пропастью она махнула,
И стала супротивъ на каменной скалѣ.
Мой левъ остановился.
На эту пору другъ его вблизи случился:
Другъ этотъ былъ лиса.
«Какъ!» говорить она: «съ твоимъ проворствомъ, силой,
Ужели ты уступишь сернѣ хилой!
Лишь пожелай, тебѣ возможны чудеса:
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, вѣрно, перескочишь.
Повѣрь же совѣсти и дружбѣ ты моей:
Не стала бы твоихъ отваживать я дней,
Когда бъ не знала
И крѣпости, и легкости твоей.»
Тутъ кровь во лѣвѣ вскипѣла, заиграла;
Онъ бросился со всѣхъ четырехъ ногъ;
Однакожь пропасти перескочить не могъ:
Стремглавъ слетѣлъ—и до смерти убился.

А что жъ его сердечный другъ?
Онъ потихохоньку въ оврагъ спустился,
И, видя, что ужъ льву ни лести, ни услугъ
Не надо болѣ,
Онъ, на просторѣ и на волѣ,
Справлять поминки другу сталъ,
И въ мѣсяцъ до костей онъ друга оглодалъ.

III. КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛОШАДЬ.

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ;
То видя, лошадь молодая
Такъ про себя ворчала, разсуждая:
«За дѣломъ столько онъ овса сюда принесъ!
Вотъ, говорятъ, что люди насъ умнѣе:
Что можетъ быть безумнѣй и смѣшнѣе,
Какъ поле цѣлое изрыть,
Чтобъ послѣ разсорить
На немъ овесъ свой попустому?
Стравилъ бы онъ его иль мнѣ, или гнѣдому;
Хоть курамъ бы его онъ вздумалъ разбросать;
Все было бъ болѣе похоже то на стать.
Хоть спряталъ бы его: я видѣла бъ въ томъ скупость;
А попусту бросать! Пѣтъ, это просто глупость.»
Вотъ къ осени межъ тѣмъ овесъ тотъ убранъ былъ,
И нашъ крестьянинъ имъ того жъ коня кормилъ.

Читатель! вѣрно, нѣтъ сомнѣнья,
Что не одобришь ты конева разсужденья;
Но съ самой древности, въ нашъ даже вѣкъ,
Не такъ ли дерзко челоуѣкъ

О волѣ судить Провидѣнья,
Въ безумной слѣпотѣ своей,
Не вѣдая Его ни цѣли, ни путей!

IV. Б Ъ Л К А.

У льва служила бѣлка:
Не знаю, какъ и чѣмъ; но дѣло только въ томъ,
Что служба бѣлкина угодна передъ львомъ;
А угодить на льва, конечно, не бездѣлка.
Зато обѣщанъ ей орѣховъ цѣлый возъ;
Обѣщанъ—между тѣмъ все время улетаетъ;
А бѣлочка моя нерѣдко голодаетъ,

И скалить передъ львомъ зубки свои сквозь слезъ.
Посмотрить: по льву то тамъ, то сямъ мелькають

Ея подружки въ вышинѣ;

Она лишь глазками моргаетъ, а онѣ

Орѣшки, знай себѣ, щелкають да щелкають.

Но наша бѣлочка къ орѣшнику лишь шагъ,

Глядитъ—нельзя никакъ:

На службу льву ее то кличуть, то толкають.

Вотъ бѣлка наконецъ ужъ стала и стара,

И льву паскучила: въ отставку ей пора.

Отставку бѣлкѣ дали,

И, точно, цѣлый возъ орѣховъ ей прислали.

Орѣхи славные, какихъ не видѣлъ свѣтъ;

Все на отборъ: орѣхъ къ орѣху—чудо!

Одно лишь только худо:

Давно зубовъ у бѣлки нѣтъ.

У. Ш У К А.

На шуку поданъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея житя въ прудѣ не стало;

Уликъ представленъ цѣлый возъ,

И виноватую, какъ надлежало,

На судъ въ большой лохани принесли.

Судьи невдалекѣ сбнрались:

На ближнемъ ихъ лугу пасли;

Однакожь имена въ архивѣ ихъ остались:

То были два осла,

Двѣ клячи старыя да два иль три козла;

Для должнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора

Имъ придана была лиса за прокурора.

И слухъ между народа шель,
Что щука лисанькѣ снабжала рыбный столъ;
Со всѣмъ тѣмъ не было въ судьяхъ лицепріязни;
И то сказать, что щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ;
Такъ дѣлать нечего: пришло писать указъ,
Чтобъ виноватую предать позорной казни,
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку.
«Почтенные судьи!» лиса тутъ приступила:
«Повѣсить мало; я бѣ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано у насъ здѣсь на вѣку:
Чтобъ было впредь плутамъ и страшно, и опасно,
Такъ утопить ее въ рѣкѣ.»—«Прекрасно!»
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И щуку бросили въ рѣку!

VI. КУКУШКА И ОРЕЛЬ.

Орель пожаловалъ кукушку въ соловьи.
Кукушка, въ новомъ чинѣ,
Усѣвшись важно на осинѣ,
Таланты въ музыкѣ свои
Выказывать пустилась;
Глядитъ: всѣ прочь летятъ;
Одни смѣются ей, а тѣ ее бранятъ.
Моя кукушка огорчилась,
И съ жалобой на птицъ къ орлу спѣшитъ она.
«Помилуй!» говоритъ: «по твоему велѣнью
Я соловьемъ въ лѣсу здѣсь названа;
А моему смѣяться смѣютъ пѣнью!»
—«Мой другъ!» орель въ отвѣтъ: «я царь, но я не Богъ;

Нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить.
Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить;
Но сдѣлать соловьемъ кукушку я не могъ.»

VII. Б Р И Т В Ы.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды, я въ дорогѣ
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночеваль.

Поутру, чуть лишь я глаза продраль,
И что же узнаю?—Пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю—пріятель сталъ не тотъ:

То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
«Что сдѣлалось съ тобой, мой милый?.. Я надѣюсь,

Не боленъ ты.»—«Охъ! ничего: я брѣюсь.»
—«Какъ! только?» Тутъ я всталъ—гляжу:проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ будто бы съ него содрать собирались кожу,
Узнавши наконецъ вину бѣды такой,
«Что дива?» я сказалъ: «ты самъ себя тиранишь.

Пожалуй, посмотри:

Вѣдь у тебя не бритвы—косари;
Не бриться—мучиться ты только съ ними станешь.»

—«Охъ, братецъ, признаюсь,

Что бритвы очень тупы!

Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы;
Да острыми-то я порѣзаться боюсь.»

—«А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,

Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,

А острою обрѣешься вѣрнѣй:

Умѣй владѣть лишь ею.»

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

VIII. СОКОЛЬ И ЧЕРВЯКЪ.

Въ вершинѣ дерева за вѣтку уцѣпясь,
Червякъ на ней качался.
Надъ червякомъ соколъ, по воздуху носясь,
Такъ съ высоты шутилъ и издѣвался:
«Какихъ ты, бѣдненькій, трудовъ не перенесъ!
Что жъ прибыли, что ты высоко такъ заползъ?
Какая у тебя и воля, и свобода?
И съ вѣткой гнешься ты, куда велить погода.»
— «Тебѣ шутить легко,»
Червякъ отвѣтствуетъ, «летая высоко,
Затѣмъ, что крыльями и силенъ ты, и крѣпокъ;
Но мнѣ судьба дала достоинства не тѣ:
Я здѣсь на высотѣ
Тѣмъ только и держусь, что я, по счастью, цѣпокъ!»

IX. БѢДНЫЙ БОГАЧЪ.

«Ну, стоитъ ли богатымъ быть,
Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить,
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умремъ, вѣдь все оставимъ!

Мы только лишь себя и мучимъ, и безславимъ.
Нѣтъ, если бъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
Не только бы рубля, я бъ тысячъ не жалѣлъ,

Чтобъ жить роскошно, пышно,

И о монхъ пирахъ далеко бъ было слышно;

Я даже дѣлалъ бы добро другимъ;

А богачей скупыхъ на мѹку жизнь похожа.»

Такъ разсуждалъ бѣднякъ съ собой самимъ,

Въ лачужкѣ низменной, на голой лавкѣ лежа;

Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,

Кто говоритъ—колдунъ, кто говоритъ, что бѣсъ;

Послѣднее едва ли не вѣрнѣе:

Изъ дѣла будетъ то виднѣе.

Предсталъ и началъ такъ: «ты хочешь быть богатъ,

Я слышалъ для чего; служить я другу радъ.

Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ, не болѣ;

Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой.

Итакъ, пріятель мой,

Разбогатѣть теперь въ твоей лишь волѣ.

Возьми жъ, и изъ него безъ счету вынимай,

Доколѣ будешь ты доволенъ;

Но только знай:

Истратить одного червонца ты не воленъ,

Пока въ рѣку не бросишь кошелька.»

Сказалъ—и съ кошелькомъ оставилъ бѣдняка.

Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался;

Но лишь опомнился, за кошелекъ принялся.

И что жъ?—Чуть вѣрится ему, что то не совъ:

Едва червонецъ вынетъ онъ,

Ужъ въ кошелькѣ другой червонецъ шевелится.

«Ахъ, пусть лишь до утра мнѣ счастье продлится!»

Бѣднякъ мой говорить:

«Червонцевъ я себѣ повытаскаю груду;

Такъ завтра же богатъ я буду,

И заживу, какъ сибарить.»

Однакожъ поутру онъ думаетъ другое.

«То правда,» говоритъ: «теперь я сталъ богатъ;

Да кто жъ добру не радъ!

И почему бы мнѣ не быть богаче вдвое?

Неужто лѣнь

Надъ кошелькомъ еще провести хоть день!

Вотъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;

Но если закупить могу я деревень,

Не глупо ли, когда случай къ тому утрачу?

Такъ удержу чудесный кошелекъ:

Ужъ такъ и быть, еще я поговѣю

Одинъ денекъ;

А, впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю.»

Но что жъ? проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ—

Бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ;

Межъ тѣмъ онъ скудно ѣсть и скудно пьеть;

Но чуть лишь день, а онъ опять за ту жъ работу.

День кончится, и, по его расчету,

Ему всегда чего-нибудь не достаетъ.

Лишь кошелекъ нести сберется,

То сердце у него сожмется:

Придетъ къ рѣкѣ—воротится опять.

«Какъ можно,» говоритъ, «отъ кошелька отстать,

Когда мнѣ золото рѣкою само льется?»

И, наконецъ, бѣднякъ мой посѣдѣлъ,

Бѣднякъ мой похудѣлъ;

Какъ золото его, бѣднякъ мой пожелтѣлъ.

Ужъ и о пышности онъ болѣ не смекаетъ:

Онъ сталъ и слабъ, и хилъ; здоровье и покой,

Утратилъ все: но все дрожащею рукой

Изъ кошелька червонцы вонъ таскаетъ.

Таскалъ, таскалъ... и чѣмъ же кончилъ онъ?

На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,

На той же лавкѣ онъ скончался,
Досчитывая свой девятый миллионъ.

Х. Б У Л А Т Ъ.

Булатной сабли острый клинокъ
Заброшенъ былъ въ желѣзный хламъ;
Съ нимъ вмѣстѣ вынесень на рынокъ,
И мужику задаромъ проданъ тамъ.
У мужика затѣи не велики:

Онъ отыскалъ тотчасъ въ булатѣ прокъ.
Мужикъ мой насадилъ на клинокъ черенокъ,
И сталь булатомъ драть въ лѣсу на лапти лыки,
А дома запросто лучину имъ щепать;
То вѣтви у плетня, то сучья обрубать,
Или обтесывать тычины къ огороду.

Ну, такъ, что не прошло и году,
Какъ мой булатъ въ зубцахъ и въ ржавчинѣ кругомъ,
И дѣти ѣздятъ ужъ на немъ
Верхомъ.

Вотъ ежъ, въ избѣ подъ лавкой лежа,
Куда и клинокъ брошенъ былъ,
Однажды такъ булату говорилъ:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?

И если про булатъ

Такъ много громкаго неложно говорить:
Не стыдно ли тебѣ щепать лучину,
Или обтесывать тычину,

И, наконецъ, игрушкой быть ребятамъ?»

— «Въ рукахъ бы война врагамъ я былъ ужасень,»
Булатъ отвѣтствуетъ: «а здѣсь мой даръ напрасень;

Такъ, низкимъ лишь трудомъ я занятъ здѣсь въ дому:
Но развѣ я свободенъ?
Нѣтъ, стыдно то не мнѣ, а стыдно лишь тому,
Кто не умѣлъ понять, къ чему я годенъ.»

ХІ. КУПЕЦЪ.

«Поди-ка, братъ Андрей!

Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй,

Да подивуйся дядѣ!

Торгуй по-моему, такъ будешь не въ накладѣ.»

Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику купецъ:

«Ты знаешь польскаго сукна конецъ,

Который у меня такъ долго залежался,

Затѣмъ, что онъ и старъ, и подмоченъ, и гниль?

Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!

Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него сотняжку:

Богъ блушка послалъ.»

—«Все это, дядя, такъ,» племянникъ отвѣчалъ:

«Да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ;

Вглядись-ко: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку.»

Обмануть! Обманулъ купецъ! въ томъ дива нѣтъ;

Но если кто на свѣтъ

Повыше лавокъ взглянетъ—

Увидитъ, что и тамъ па ту же стать идетъ;

Почти у всѣхъ во всемъ одинъ расчетъ:

Кого кто лучше проведетъ,

И кто кого хитрѣй обманетъ.

ХІІ. ПУШКИ И ПАРУСА.

На корабль у пушекъ съ парусами
Возсталa страшная вражда.
Вотъ, пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спесиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по океану,
И только чванятся; а мы—громимъ въ бояхъ!
Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети же, помоги, могущій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!»
Борей послушался: летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насупилось и почерѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпить блескъ молній взоры;
Борей реветъ, и рветъ въ лоскутья паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? Корабль безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,

Корабль мой не движимъ, сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дну кануль.

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ — врагамъ она грозна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

ХІІІ. О С Е Л Ъ.

Былъ у крестьянина осель,
И такъ себя, казалось, смирно велъ,

Что мужику нельзя имъ было нахваляться;
А чтобы онъ въ лѣсу пропасть не могъ —
На шею прицѣпилъ мужикъ ему звонокъ.
Надулся мой осель; сталъ важничать, гордиться
 (Про ордена, конечно, онъ слыхалъ),
И думаетъ: теперь большой онъ баринъ сталъ.
Но вышелъ новый чинъ ослу, бѣдняжкѣ, сокомъ
(То можетъ не однимъ осламъ служить урокомъ).

Сказать вамъ должно напередъ:

Въ ослѣ не много чести было;

Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдетъ ли въ рожь, въ овесъ иль въ огородъ —
Наѣстся досыта, и выйдетъ тихомолкомъ.

Теперь пошло инымъ все толкомъ:

Куда ни сунется мой знатный господинъ,
Безъ умолку звенить на шеѣ новый чинъ.

Глядятъ: хозяинъ, взявъ дубину,

Гоняетъ то со ржи, то съ грядъ мою скотину;
А тамъ сосѣдъ, въ овсѣ услыша звукъ звонка,

Ослу коломъ ворочаетъ бока.

Ну такъ, что бѣдный нашъ вельможа

 До осени зачахъ,

И кости у осла остались лишь да кожа.

И у людей въ чинахъ

Съ плутами та жъ бѣда: пока чинъ малъ и бѣдень,

 То плутъ не такъ еще примѣтенъ;

Но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ:

Звукъ отъ него и громокъ, и далекъ.

XIV. М И Р О Н Ъ.

Жиль въ городѣ богачъ, по имени Миронъ.
Я имя вставилъ здѣсь не съ тѣмъ, чтобъ стихъ наполнить;
Нѣтъ, этакихъ людей не худо имя помнить.

На богача кричатъ со всѣхъ сторонъ
Сосѣди — а едва ль сосѣди и не правы —
Что будто у него въ шкатулкѣ миллионъ,
А бѣднымъ никогда не дастъ копѣйки онъ.

Кому не хочется нажать хорошей славы?
Чтобъ толкамъ о себѣ другой дать оборотъ,
Миронъ мой распустилъ въ народъ,
Что нищихъ впредь кормить онъ будетъ по субботамъ.

И подлинно, кто ни придетъ къ воротамъ —
Они не заперты никакъ.

«Ахти!» подумаютъ: «бѣдняжка разорился!»

Не бойтесь, скряга умудрился:

Въ субботу съ цѣпи онъ спускаетъ злыхъ собакъ;
И нищему не то, чтобъ пить иль наѣдаться —

Дай Богъ здоровому съ двора убраться.

Межъ тѣмъ Миронъ пошелъ едва не во святыхъ.

Всѣ говорятъ: «нельзя Мирону надивиться;

Жаль только, что собакъ такихъ онъ держитъ злыхъ,

И трудно до него добиться;

А то онъ радъ послѣднимъ подѣлиться.»

Видать случалось часто мнѣ,

Какъ доступъ не легокъ въ высокія палаты;

Да только все собаки виноваты —

Мироны жъ сами въ сторонѣ.

XV. КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА.

Лиса крестьянину однажды говорила:

«Скажи, кумъ милый мой,

Чѣмъ лошадь отъ тебя такъ дружбу заслужила,

Что, вижу я, она всегда съ тобой?

Въ довольствѣ держишь ты ее и въ холѣ;

Въ дорогу ль — съ нею ты, и часто съ нею въ полѣ;

А вѣдь изъ всѣхъ звѣрей

Едва ль она не всѣхъ глупѣй.»

— «Эхъ, кумушка, не въ разумѣ тутъ сила!»

Крестьянинъ отвѣчалъ: «все это суета.

Цѣль у меня совсѣмъ не та:

Мнѣ пужно, чтобъ она меня возила,

Да чтобы слушалась кнута.»

XVI. СОБАКА И ЛОШАДЬ.

У одного крестьянина奴,а,

Собака съ лошадыо считаются какъ-то стали.

«Вотъ,» говоритъ Барбось: «большая госпожа!

По мнѣ хоть бы тебя совсѣмъ съ двора согнали.

Велика вещь возить или пахать!

Объ удалствѣ твоёмъ другаго не слыхать;

И можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною?

Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою:

Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу,

А ночью домъ я стерегу.»

— «Конечно,» лошадь отвѣчала:

«Твоя правдива рѣчь;

Однакоже, когда бъ я не пахала,
То нечего бъ тебѣ здѣсь было и стеречь.»

XVII. ФИЛИНЪ И ОСЕЛЪ.

Слѣпой осель въ лѣсу съ дороги сбился
(Онъ въ дальній путь, было, пустился);
Но къ ночи въ чащу такъ забрелъ мой сумасбродъ,
Что двинуться не могъ ни назадъ онъ, ни впередъ:
И зрячему бы тутъ не выйти изъ хлопотъ;
Но филинъ въ близости, по счастью, случился,
И взялся быть ослу проводникомъ.
Всѣ знаютъ, филины какъ ночью зорки;

Стремнины, рвы, бугры, пригорки —
Все это различалъ мой филинъ, будто днемъ,
И къ утру выбрался на ровный путь съ осломъ.

Ну, какъ съ проводникомъ такимъ разстаться?
Вотъ просить филина осель, чтобъ съ нимъ остаться,
И вздумалъ изойти онъ съ филиномъ весь свѣтъ.

Мой филинъ господиномъ
Усѣлся на хребтѣ ослиномъ,
И стали путь держать; счастливо ль только? — Нѣтъ:
Лишь солнце на небѣ поутру заиграло,
У филина въ глазахъ темнѣе ночи стало.

Однакожъ филинъ мой упрямъ:
Ослу совѣтуетъ и вкось и впрямъ.
«Остерегись!» кричитъ: «направо будемъ въ лужѣ.»
Но лужи не было, а влѣво вышло хуже.
«Еще лѣвѣй возьми, еще лѣвѣе шагъ!»

И — бухъ осель и съ филиномъ въ оврагъ.

XVIII. З М Ъ Я.

Змѣя Юпитера просила,
Чтобъ голосъ дать ей соловья.
«А то ужъ,» говоритъ, «мнѣ жизнь моя постыла.
Куда ни покажуся я,
То всѣ меня дичатся,
Кто послабѣй;
А кто сильнѣй,
Дай Богъ отъ тѣхъ живой убраться.
Нѣтъ, жизни этакой я болѣ не снесу;
А если бъ соловьемъ запѣла я въ лѣсу,
То, возбуждая бы удивленье,

Снискала бы любовь и, может быть, почтенье,
И стала бы душой веселыхъ я бесѣдъ.»

Исполнилъ Юпитеръ змѣи прошенье:

Шипѣнья гнуснаго пропалъ у ней и слѣдъ.

На дерево всползъ, змѣя на немъ засѣла,

Прекраснымъ соловьемъ змѣя моя занѣла,

И стая, было, птицъ отвсюду къ ней подсѣла;

Но, возряся въ пѣвца, всѣ съ дерева дождемъ.

Кому понравится такой пріемъ?

«Ужли вамъ голосъ мой противень?»

Въ досадѣ говорить змѣя.

— «Нѣтъ,» отвѣчалъ скворецъ: «онъ звучень, дивень;

Поешь, конечно, ты не хуже соловья;

Но, признаюсь, въ насъ сердце задрожало,

Когда увидѣли твое мы жало:

Намъ страшно вмѣстѣ быть съ тобой;

Итакъ скажу тебѣ, не для досады:

Твоихъ мы пѣсенъ слушать рады,

Да только ты отъ насъ подалѣ пой.»

ХІХ. ВОЛКЪ И КОТЪ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,

Не въ гости, но животь спасая;

За шкуру онъ свою дрожалъ:

Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.

Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,

Да то лишь горе,

Что всѣ ворота па запорѣ.

Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ

Кота,

И молить: «Васенька, мой друг! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной.»—«Проси скорѣй Степана:
Мужикъ предобрый онъ,» котъ-Васька говорить.
—«То такъ; да у него я ободралъ барана.»

—«Ну, попытайся жъ у Демьяна.»

—«Боюсь, что на меня и онъ сердить:

Я у него унесъ козленка.»

—«Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.»

—«Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозитъ за ягненка!»

—«Ну, плохо жъ! Но авось тебя укроетъ Климы!»

—«Охъ, Вася, у него зарѣзаль я теленка!»

—«Что вижу, кумъ: ты всѣмъ въ деревнѣ насолил!»

Сказаль тутъ Васька волку:

«Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?

Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.

И правы — самъ себя вини:

Что ты посѣялъ, то и жни.»

XX. Л Е Щ И.

Въ саду у барина въ прудѣ,
Въ прекрасной ключевой водѣ
Лещи водились.

Станицами они у берегу рѣзвились,
И золотые дни, казалось, имъ катились.

Какъ вдругъ

Къ нимъ баринъ напустить велѣлъ съ полсотни щукъ.

«Помилуй!» говорить его, то слыша, другъ:
«Помилуй, что ты затѣваешь?
Какого ждать отъ щукъ добра:
Вѣдь не останется лещей здѣсь ни пера;
Иль жадности ты щукъ не знаешь?»
— «Не трать своихъ рѣчей,»
Бояринъ отвѣчалъ съ улыбкою: «все знаю;
Да только вѣдать я желаю:
Съ чего ты взялъ, что я охотникъ до лещей?»»

XXI. ВОДОПАДЪ И РУЧЕЙ.

Кипящій водопадъ, свергаясь со скаль,
Цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ

(Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лѣчебною своею):
«Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ зачѣмъ идуть?»—«Лѣчиться,»
Смиренно прожурчалъ ручей.

XXII. Л Е В Ъ.

Когда ужъ левъ сталъ хилъ и старъ,
То жесткая ему постеля надоѣла:
Въ ней больно и костямъ; она жъ его не грѣла.
И вотъ сзываетъ онъ къ себѣ своихъ бояръ,
Медвѣдей и волковъ пушистыхъ и косматыхъ,
И говоритъ: «друзья! для старика
Постель моя ужъ черезъ-чуръ жестка;
Такъ какъ бы, не тягча ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Мнѣ шерсти пособрать,
Чтобъ не на голыхъ камняхъ спать.»
—«Свѣтлѣйшій левъ!» отвѣтствуютъ вельможи:
«Кто станетъ для тебя жалѣть своей
Не только шерсти—кожи?
И мало ли у насъ мохнатыхъ здѣсь звѣрей:
Олени, серны, козы, лани,
Они почти не платятъ дани;
Набрать съ нихъ шерсти поскорѣй:
Отъ этого ихъ не убудетъ,
Напротивъ, имъ же легче будетъ.»
И тотчасъ выполненъ совѣтъ премудрый сей.
Левъ не нахвалится усердіемъ друзей;

Но въ чемъ же то они усердіе явили?
Тѣмъ, что бѣдняжекъ захватили,
И дочиста обрили;
А сами вдвое хотъ богаче шерстью были—
Не поступилися своимъ ни волоскомъ;
Напротивъ, всякъ изъ нихъ, кто близко тутъ случился,
Изъ той же дани поживился,
И на зиму себѣ запасся тюфякомъ.

XXIII. ТРИ МУЖИКА.

Три мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли;
Поработали, погуляли,
И путь теперь домой на родину держали;
А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши.
Въ деревнѣ что за разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ чашку шей на столъ,
Да хлѣба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы въ Питерѣ, да не о томъ ужъ рѣчь:
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.
Вотъ мужички перекрестились.
И къ чашѣ пріютились.
Какъ тутъ одинъ, посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего не много для троихъ,
Смекнулъ какъ дѣломъ тѣмъ поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).
«Ребята,» говоритъ: «вы знаете Оому?
Вѣдь въ нынѣшній наборъ забрѣютъ лобъ ему.»
—«Какой наборъ?»—«Да такъ! Есть слухъ—война
съ Китаемъ:

Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ Китайцевъ чаемъ.»

Тутъ двое принялись судить и разсуждать
(Они же грамотѣ, къ несчастью, знали:

Газеты и подъ часъ реляціи читали),

Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.

Пустилися мои ребята въ разговоры,

Пошли догадки, толки, споры;

А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:

Пока они судили да рядили,

Да войска разводили,

Опъ ни гугу—и щи, и кашу, все пріѣлъ.

Иному до чего нѣтъ дѣла,

О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего:

Что будетъ съ Индіей, когда и отчего,

Такъ ясно для него;

А поглядишь—у самого

Деревня между глазъ сгорѣла.

КОНЕЦЪ ВОСЬМОЙ КНИГИ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

І. П А С Т У Х Ъ.

У Саввы, пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ),
Вдругъ убывать овечки стали.

Нашъ молодець

Въ кручинѣ и печали:

Всѣмъ плачется, и распускаетъ толкъ,

Что страшный показался волкъ,

Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада,

И безпощадно ихъ дереть.

«И не диковина,» твердить народъ:

«Какая отъ волковъ овцамъ пощада!»

Вотъ волка стали стеречи.

Но отчего жъ у Саввушки въ печи

То щи съ бараниной, то бокъ барацій съ кашей?

(Изъ поваренковъ, за грѣхи,

Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи;

Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей).

За волкомъ поиски; клянетъ его весь свѣтъ;

Обшарили весь лѣсъ, а волка слѣду нѣтъ.

Друзья! пустой вашъ трудъ: на волка только слава,

А ѣсть овецъ-то—Савва.

II. Б Ъ Л К А.

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подь окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ,

Народъ толпился:

На бѣлку въ колесѣ зѣваль онъ и дивился.

Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ;

Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали,

И раздувался пышный хвостъ.

«Землячка старая,» спросилъ тутъ дроздъ: «нелзя ли

Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?»

— «Охъ, милый другъ! тружусь день весь:

Я по дѣламъ гонцемъ у барина большаго;

Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,

Ни даже духу перевести.»

И бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.

— «Да,» улетаая дроздъ сказалъ: «то ясно мнѣ,

Что ты бѣжишь, а все на томъ же ты окнѣ»

Посмотришь на дѣльца инаго;

Хлопочеть, мечется — ему дивятся всѣ;

Онъ, кажется, изъ кожи рвется,

Да только все впередъ не подается,

Какъ бѣлка въ колесѣ.

III. М Ы Ш И.

«Сестрица! знаешь ли, бѣда!»

На кораблѣ мышь мыши говорила:

«Вѣдь оказалась течь; внизу у пасъ вода

Чуть нехватила
До самаго мяѣ рыла»
(А правда, такъ она лишь лапки замочила);
«И что диковинки? Нашъ капитанъ
Или съ похмѣлья, или пьянъ.
Матросы всѣ—одинъ лѣнивѣе другаго:
Ну, словомъ, нѣтъ порядку никакого.
Сейчасъ кричала я во весь народъ,
Что ко дну нашъ корабль идетъ:
Куда! Никто и ухомъ не ведетъ,
Какъ будто бѣ ложныя я распускала вѣсти;
А ясно—только въ трюмъ лишь стѣбитъ заглянуть—
Что кораблю часа не дотянутъ.
Сестрица! неужли намъ гибнуть съ ними вмѣстѣ!
Пойдемъ же, кинемся скорѣе съ корабля;
Авось, не далеко земля!»
Тутъ въ океанъ мои затѣйницы спрыгнули
И утонули;
А нашъ корабль, рукой искусною водимъ,
Достигнулъ пристани и цѣль, и невредимъ.

Теперь пойдутъ вопросы:
А что же капитанъ и течь, и что матросы?
Течь слабая, и та
Въ минуту унята;
А остальное—клевета.

IV. Л И С А.

Зимой, ранехонько, близъ жила
Лиса у проруби пила въ большой морозъ.

Межь тѣмъ, оплошность ли, судьба ль (не въ этомъ сила),
Но кончикъ хвостика лисица замочила,
И ко льду онъ примерзъ.
Бѣда не велика, легко бъ ее поправить:
Рвануться только посильнѣй,
И волосковъ хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорѣй.
Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать: вѣдь спитъ еще народъ;
А между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ.
Глядитъ—и день свѣтаетъ,
Народъ шевелится, и слышны голоса.
Тутъ, бѣдная моя лиса
Туда-сюда метаться;
Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
Но счастью, волкъ бѣжитъ, «Другъ милый! кумъ! отецъ!»
Кричитъ лиса: «спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!»
Вотъ кумъ остановился,
И въ спасенье лисы вступился.
Приемъ его былъ очень простъ:
Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ, безъ хвоста домой моя пустилась дура,
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура,
—
Мнѣ кажется, что смыслъ не темень басни сей:
Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй—
Остался бъ хвостъ у ней.

V. ВОЛКИ И ОВЦЫ.

Овечкамъ отъ волковъ совсѣмъ житья не стало,

И дотого, что наконецъ

Правительство звѣрей благія мѣры взяло

Вступиться въ спасеніе овецъ:

И учрежденъ совѣтъ на сей конецъ.

Большая часть въ немъ, правда, были волки;

Но не о всѣхъ волкахъ вѣдь злые толки.

Видали и такихъ волковъ, и многократъ—

Примѣры эти не забыты—

Которые ходили близко стадъ

Смирнехонько, когда бывали сыты;

Такъ почему жъ волкамъ въ совѣтѣ и не быть?

Хоть надобно овецъ оборонить,

Но и волковъ не вовсе жъ притѣснить.

Вотъ, засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли;

Судили, думали, рядили,

И наконецъ придумали законъ.

Вотъ вамъ, отъ слова въ слово, онъ:

«Какъ скоро волкъ у стада забуянить,

И обижать онъ овцу станеть

То волка тутъ властна овца,

Не разбираючи лица,

Схватить за шиворотъ, и въ судъ тотчасъ представить,

Въ сосѣдній лѣсъ нль въ боръ.»

Въ законѣ нечего прибавить, ни убавить;

Да только я видалъ до этихъ поръ—

Хоть, говорятъ, волкамъ и не спускаютъ—

Что будь овца отвѣчикъ иль истецъ,

А только волки все-таки овецъ

Въ лѣса таскаютъ.

VI. КРЕСТЬЯНИНЪ И СОБАКА.

У мужика, большого эконома,
Хозяина зажиточнаго дома,
Собака нанялась и дворъ стеречь,
И хлѣбы печь,

И, сверхъ того, полоть и поливать разсаду.

«Какой же выдумалъ онъ вздоръ,»

Читатель говорить: «тутъ нѣтъ ни складу,
Ни ладу.

Пускай бы стеречи ужъ дворъ;

Да видано ль, чтобъ гдѣ собаки хлѣбъ пекали,

Или разсаду поливали?»

Читатель! я бы былъ неправъ кругомъ,

Когда сказалъ бы: да; да дѣло здѣсь не въ томъ,

А въ томъ, что нашъ Барбосъ за все за это взялся,

И вымолвилъ себѣ онъ плату за троихъ;

Барбосу хорошо: что нужды до другихъ.

Хозяинъ между тѣмъ на ярмарку собрался;

Поѣхалъ, погулялъ; пріѣхалъ и назадъ,

Посмотрить—жизни сталъ нерадъ;

•И рветъ, и мечетъ онъ съ досады:

Ни хлѣба дома, ни разсады,

А сверхъ того къ нему на дворъ

Залѣзъ, и клѣтъ его обкралъ начисто воръ.

Вотъ, на Барбоса тутъ посыпалось руганье;

Но у него на все готово оправданье:

Онъ за разсадою печь хлѣбъ никакъ не могъ;

Разсадникъ оттого лишь только не удался,

Что, сторожа вокругъ двора, онъ сталъ безъ ногъ;

А вора онъ затѣмъ не устерегъ,

Что хлѣбы печь тогда сбирался.

VII. ДВА МАЛЬЧИКА.

«Сенюша, знаешь ли, покамѣсть, какъ барановъ,
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдемъ-ка, да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ!»

—«Нѣтъ, Оедя, тѣ каштаны не про насъ!

Ты знаешь, вѣдь, какъ дерево высоко:

Тебѣ, ни мнѣ туда не взлѣсть,

И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!»

—«И, милый, да на что жъ догадка!

Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка.

Я все придумалъ: погоди!

На ближній сукъ меня лишь подсади,

А тамъ мы сами умудрится,

И досыта каштановъ наѣдимся.»

Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ.

Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,

Пыхтѣлъ, весь потомъ обливался,

И Оедѣ наконецъ вскарабкаться помогъ.

Взобрался Оедя на приволье:

Какъ мышкѣ въ закромѣ, вверху ему раздолье!

Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть—

Не перечеть!

Найдется чѣмъ и поживиться,

И съ другомъ подѣлиться.

Что жъ? Сеня отъ того прибитокъ вышелъ малъ:

Онъ, бѣдный, панизу облизывалъ лишь губки;

Оедюша самъ вверху каштаны убиралъ,

А другу съ дерева бросалъ одинъ скорлупки.

Видалъ Оедюшъ на свѣтѣ я,

Которымъ ихъ друзья

Вскарабкаться наверхъ усердно помогали,
А послѣ ужь отъ нихъ скорлупки не видали!

VIII. РАЗБОЙНИКЪ И ИЗВОЩИКЪ.

Въ кустарникѣ залегши у дороги,
Разбойникъ подь вечеръ добычи нажидаль,
И, какъ медвѣдь голодный изъ берлоги,
Угрюмо даль онъ озираль.
Посмотрить—грузный возъ катить, какъ валь.
«Ого!» разбойникъ мой тутъ шепчетъ: «знать, съ товаромъ
На ярмарку; чай, все сукно, камки, парчи.
Кручина, не зѣвай! тутъ будетъ на харчи:
Не пропадетъ сегодня день мой даромъ.»
Межъ тѣмъ подѣхаль возъ. Кричитъ разбойникъ: «стой!»
И на извощика бросается съ дубиной;
Да лихъ, схватился онъ не съ олухомъ-дѣтиной:
Извощикъ—малый удалой;
Злодѣя встрѣтилъ мостовиной,
Сталь за добро свое горой,
И моему герою
Пришлось брать поживу съ бою.
И дологъ, и жестокъ былъ бой на этотъ разъ.
Разбойникъ съ дюжины зубовъ не досчитался,
Да перениблена рука, да выбить глазъ;
Но побѣдителемъ однакожь онъ остался:
Убилъ извощика злодѣй.
Убилъ—и къ добычѣ скорѣй.
Что жъ онъ завоеваль?—Возъ цѣлый пузырей!

Какъ много изъ пустаго
На свѣтѣ дѣлають преступнаго и злаго.

ІХ. ЛЕВЪ И МЫШЬ.

У льва просила мышь смиренно позволенья,
По близости его въ дуплѣ завестъ селенье,
И такъ примолвила: «хотя де здѣсь, въ лѣсахъ,
Ты и могучъ, и славенъ;
Хоть въ силѣ льву никто не равенъ,
И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ;
Но будущее кто угадывать возьмется:
Какъ знать, кому въ комъ нѣжда доведется!

И какъ я ни мала кажусь,
А, можетъ быть, подѣ часъ тебѣ и пригожусь.»
—«Ты!» вскрикнулъ левъ: «ты, жалкое созданье!

За эти дерзкія слова
Ты стоишь смерти въ наказанье!
Прочь, прочь отсель, пока жива,
Иль твоего не будетъ праху.»

Тутъ мышка бѣдная, не вспомнясь отъ страху,
Со всѣхъ пустилась ногъ—простыль ея и слѣдъ.
Льву даромъ не прошла однакожь гордость эта:
Отправяся искать добычи на обѣдъ,

Попался онъ въ тенета.

Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ:

Какъ онъ ни рвался, ни метался,

Но все добычею охотника остался,

И въ клѣткѣ на показъ народу увезенъ.

Про мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ,

Что бы помочь она ему сумѣла,

Что сътъ бы отъ ея зубовъ не уцѣля,
И что его своя кичливость съля.

Читатель, истину любя,
Примолвлю къ баснѣ я, и то не отъ себя:
Не попусту въ народѣ говорится:
Не плюй въ колодезь—пригодится
Воды напиться.

Х. КУКУШКА И ПѢТУХЪ.

«Какъ, милый пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!»
—«А ты, кукушечка, мой свѣтъ,

Какъ тянешь плавно и протяжно:

Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!»

—«Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова.»

—«А ты, красавица, божусь,

Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,

Чтобъ начала ты снова...

Отколь такой берется голосокъ?

И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!..

Да вы ужь родомъ такъ: собою невелички,

А пѣсни, что твоей соловей!»

—«Спасибо, кумъ; зато, по совѣсти моей,

Поешь ты лучше райской птички:

На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я.»

Тутъ воробей, случась, промолвилъ имъ: «друзья,

Хоть вы охриините, хваля другъ дружку,

Все ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь грѣха,

Кукушка хвалить пѣтуха?—

Зато, что хвалить онъ кукушку.

ХІ. В Е Л Ъ М О Ж А.

Какой-то, въ древности, вельможа

Съ богато убраннаго ложа

Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.

Сказать простѣе: умеръ онъ;

И, такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.

Тотчасъ допросъ ему: «чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?»

—«Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;

Но такъ какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,

То самъ я областью не правиль,
А всѣ дѣла секретарю оставиль.»
—«Что жъ дѣлалъ ты?»—«Пиль, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ.»
—«Скорѣй же въ рай его!»—«Какъ! гдѣ же спра-
ведливость!»

Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
—«Эхъ, братецъ!» отвѣчалъ Эакъ:
«Не знаешь дѣла ты никакъ.
Не видишь развѣ ты? Покойникъ былъ дуракъ!
Что если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!..
И ты бѣ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался.»

Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

ЛЕВЪ И ЧЕЛОВѢКЪ *).

Быть сильнымъ хорошо, быть умнымъ лучше вдвое.
Кто вѣры этому нейметъ,
Тотъ ясный здѣсь примѣръ найдетъ,
Что сила безъ ума сокровище плохое.
Раскивнуши тенета межъ деревъ,

*) Последнія четыре басни не были помѣщаемы въ собраніяхъ басенъ автора, издававшихся при его жизни, исключая басни: «Левъ и человекъ», которая напечатана въ изданіяхъ 1809 г. и 1811 г.

Ловець добычи дожидался;

Но, какъ-то оплошавъ, самъ въ лапы льву попался.

«Умри, презрѣнна тварь!» взревѣлъ свирѣпый левъ,

Разинувъ на него свой зѣвъ.

«Посмотримъ, гдѣ твои права, гдѣ сила, твердость,

Но коимъ ты въ тщеславіи своемъ

Всей твари, даже льва, быть хвалишься царемъ!

И у меня въ когтяхъ мы разберемъ,

Сразмѣрна ль съ крѣпостью твоей такая гордость!»

—«Не сила—разумъ намъ надъ вами верхъ даетъ,»

Быль челоуѣка льву отвѣтъ.

«И я хвалиться смѣю,

Что я съ умѣньемъ то препятство одолѣю,

Отъ коего и съ силой, можетъ быть,

Ты долженъ будешь уступить.»

—«О вашемъ хвастовствѣ усталъ я сказки слушать.»

—«Не въ сказкахъ доказать, я дѣломъ то могу;

А впрочемъ, ежели солгу,

То ты еще меня и послѣ можешь скушать.

Взгляни: между деревьевъ сихъ,

Трудовъ моихъ

Раскинуту ты видишь паутину.

Кто лучше сквозь нее изъ насъ туда пройдетъ?

Коль хочешь, я пролѣзу напередъ;

А тамъ посмотримъ, какъ и съ силой въ свой чередъ

Проскочишь ты ко мнѣ на половину.

Ты видишь: эта сѣть не каменна стѣна;

Малѣйшимъ вѣтеркомъ колеблется она;

Однако съ силою одною,

Ты прямо сквозь нее едва ль пройдеши за мною.»

Съ презрѣніемъ тенета обозрѣвъ,

«Ступай туда,» сказалъ надменно левъ:

«Вмигъ буду я къ тебѣ дорогою прямою.»

Тутъ, мой ловець, не тратя лишнихъ словъ,

Нырнулъ подь сѣть, и льва принять готовъ.
Какъ изъ лука стрѣла, левъ вслѣдъ за нимъ пустился;
Но левъ подныривать подь сѣти не учился:
Онъ въ сѣть ударился, но сѣти не прешибъ—
Запутался (ловець тутъ кончилъ споръ и дѣло):
Искусство силу одолѣло,
И бѣднѣй левъ погибъ.

ПЕСТРЫЯ ОВЦЫ.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно,
Но это было бы неправосудно:
Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душисть, но имъ давать расправу;
А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ!
Какъ сбыть ихъ, и свою сберечь на свѣтѣ славу?
И вотъ къ себѣ зоветъ
Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ,
И имъ за тайну открываетъ,
Что, видя пеструю овцу, онъ всякій разъ
Глазами цѣлый день страдаетъ,
И что придетъ ему совсѣмъ лишиться глазъ,
И, какъ такой бѣдѣ помочь, совсѣмъ не знаетъ.
«Всесильный левъ!» сказалъ насупившсь медвѣдь:
«Начто тутъ много разговоровъ?
Вели безъ дальнихъ сборовъ
Овецъ передушить. Кому о нихъ жалѣть?»
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
Смирненно говорить: «о царь! нашъ добрый царь!
Ты, вѣрно, запретишь гнать эту бѣдную тварь,

И не прольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести:
Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣ бь былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать, побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То прикажи овецъ волкамъ пасти.
Не знаю, какъ-то мнѣ сдается,
Что родъ ихъ самъ собой переведется;
А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ;
И что бь ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ.»
Лисицы мнѣніе въ совѣтѣ силу взяло,
И такъ удачно въ ходъ пошло, что накопецъ
Не только пестрыхъ тамъ овецъ—
И гладкихъ стало мало.
Какіе жь у звѣрей пошли на это толки?
Что левъ бы и хорошъ, да все злодѣи волки!

П И Р Ъ.

Въ голодный годъ, чтобы утѣшить міръ,
Затѣялъ левъ богатый пиръ.
Разосланы гонцы и скороходы,
Зовутъ гостей:
Звѣрей
И малой, и большой породы.
На зовъ со всѣхъ сторонъ стекаются ко льву.
Какъ отказать такому зву?
Пиръ дѣло доброе и не въ голодны годы.
Вотъ приплелись туда жь сурокъ, лиса и кротъ,
Да только часомъ опоздали,

И за столомъ гостей застали:
У кумушки-лисы хлопоть
На ту бѣду случился полонъ ротъ;
Сурокъ прохололся, промылся,
А кротъ съ дороги сбился.
Однакожь натошакъ никто домой нейдетъ,
И, мѣсто подлѣ льва увидѣвши пустое,
Всѣ на него хотятъ пробратъя трое.
«Послушайте, друзья!» сказалъ имъ барсъ:
«То мѣсто широко, да только не про васъ:
Тутъ придетъ слонъ, и васъ сойти заставитъ,
Иль хуже: васъ онъ передавитъ.
Итакъ
Когда не хочется домой вамъ натошакъ,
Такъ оставайтесь у порогу:
Вы сыты будете, и это слава Богу;
Мѣста не ваши впереди;
Ихъ берегутъ звѣрямъ лишь крупнаго покроя;
А кто изъ мелочи не хочетъ кушать стоя,
Тотъ дома у себя сиди.

ОБѢДЪ У МЕДВѢДЯ.

Медвѣдь обѣдъ давалъ,
И созвалъ не одну родню свою, медвѣдей,
Но и другихъ звѣрей сосѣдей,
Кто только на глаза и въ мысль ему попалъ.
Поминки ль были то, рожденъе, именины,
Но только праздникъ тотъ принесъ медвѣдю честь,
И было у него попить что и поѣсть.
Какое кушанье! какой десертъ и вины!

Медвѣдь примѣтилъ самъ,
Что гости веселы, пирушкою довольны;
А чтобы угодить и болѣе друзьямъ,
Онъ тосты затѣвалъ, и пѣсни пѣлъ застольны;
Потомъ, какъ со стола ужъ начали собирать,
Пустился танцовать.

Лиса въ ладоши хлопъ: «ай Миша, какъ пріятень!
Какъ ловокъ въ танцахъ онъ, какъ легокъ, милъ и ста-
тень!»

Но волкъ, сидѣвши рядомъ съ ней,
Ворчалъ ей на ухо: «ты врешь, кума, ей-ей!
Откуда у тебя такая блажь берется?
Ну что тутъ ловкаго? какъ ступа онъ толчется.»
— «Вздоръ самъ ты мелешь, кумъ,» лиса па то
въ отвѣтъ:

«Не видишь, что хвалю танцора за обѣдъ!
А если похвала въ немъ гордости прибавить,
То, можетъ быть, онъ насъ и ужинать оставитъ!»

К О Н Е Ц Ъ.

АЛФАВИТЪ БАСНЯМЪ.

(Басни, отмѣченныя звѣздочкою, значать переводъ или подражаніе).

	СТР.		СТР.
А лквидъ *	158	Г оликъ	198
Апеллесъ и осленокъ.	159	Госпожа и двѣ служанки *	127
Б езбожники	32	Гребень	155
Богачъ и поэтъ	201	Гуси	87
Бочка	45	Д ва голубя *	26
Бритвы	218	Два мальчика	243
Булатъ	222	Два мужика	202
Булыжникъ и алмазь	183	Двѣ бочки	157
Бумажный змѣй	101	Двѣ собаки	205
Бѣдный богачъ	219	Демьянова уха	121
Бѣлка	215	Дерево	86
—	238	Дикія козы *	195
В асилекъ	15	Добрая лисица	118
Вельможа	247	Дубъ и трость *	6
Вельможа и философъ	39	З аяцъ на ловлѣ	55
Водолазы	124	Зеркало и обезьяна	130
Водопадъ и ручей	233	Змѣя	230
Волки и овцы	241	Змѣя и овца	193
Волкъ и волченокъ	72	К амень и червякъ	129
Волкъ и журавль *	163	Квартетъ	97
Волкъ и котъ	231	Клеветникъ и змѣя	144
Волкъ и кукушка	58	Колосъ	171
Волкъ и лисица	99	Комаръ и пастухъ	131
Волкъ и мышенокъ	202	Конь и всадникъ	116
Волкъ и пастухи *	153	Котелъ и горшокъ *	194
Волкъ и ягненокъ *	20	Котенокъ и сворецъ	203
Волкъ на царнѣ	46	Котъ и поваръ	75
Ворона	210	Кошка и соловей	206
Ворона и курица	8	Крестьяне и гѣба	117
Ворона и лисица *	5	Крестьянинъ въ бѣдѣ	68
Вороненокъ *	62		
Воспитаніе льва	82		

	СТР.		СТР.
КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМЪЯ . . .	112	ЛЯГУШКА И ЮПИТЕРЪ . . .	147
— . . .	169	ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩА ЦАРЯ * .	35
— . . .	188		
КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА . . .	80	М АЛЬЧИКЪ И ЗМЪЯ * . . .	161
— . . .	228	МАЛЬЧИКЪ И ЧЕРВЯКЪ . . .	173
КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛОШАДЬ . . .	214	МАРТЫШКА И ОЧКИ . . .	25
КРЕСТЬЯНИНЪ И ОВЦА . . .	198	МЕДВѢДЬ ВЪ СѢТЯХЪ . . .	170
КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОТНИКЪ .	60	МЕДВѢДЬ У ПЧЕЛЪ . . .	130
КРЕСТЬЯНИНЪ И РАЗВОЙНИКЪ .	113	МЕЛЬНИКЪ . . .	182
КРЕСТЬЯНИНЪ И СМЕРТЬ * . . .	132	МЕХАНИКЪ . . .	105
КРЕСТЬЯНИНЪ И СОБАКА . . .	242	МИРОНЪ . . .	227
КРЕСТЬЯНИНЪ И ТОПОРЪ . . .	135	МИРСКАЯ СХОДКА . . .	120
КУКУШКА И ГОРЛЯНКА . . .	154	МОРЪ ЗВѢРЕЙ * . . .	39
КУКУШКА И ОРЕЛЪ . . .	217	МОТЬ И ЛАСТОЧКА . . .	184
КУКУШКА И ПѢТУЖЪ . . .	246	МУЗЫКАНТЫ . . .	8
КУПЕЦЪ . . .	223	МУРАВЕЙ . . .	165
		МУХА И ДОРОЖНЫЕ * . . .	90
Л АНЬ И ДЕРВИШЪ . . .	93	МУХА И ПЧЕЛА . . .	192
ЛАРЧИКЪ . . .	9	МЫШИ . . .	238
ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ . . .	101	МЫШЬ И КРЫСА . . .	122
ЛЕВЪ . . .	234	МЪШОКЪ . . .	74
ЛЕВЪ И ВАРСЪ . . .	38		
ЛЕВЪ И ВОЛКЪ . . .	136	Н АПРАСЛИВА . . .	149
ЛЕВЪ И КОМАРЪ * . . .	77		
ЛЕВЪ И ЛИСИЦА * . . .	141	О БЕЗЪЯНА . . .	73
ЛЕВЪ И МЫШЬ . . .	245	ОБЕЗЪЯНЫ . . .	21
ЛЕВЪ И ЧЕЛОВѢКЪ . . .	248	ОВОЗЪ . . .	61
ЛЕВЪ НА ДОВЛЪ * . . .	114	ОВѢДЪ У МЕДВѢДЯ . . .	252
ЛЕВЪ, СЕРНА И ЛИСА . . .	213	ОВЦЫ И СОБАКИ . . .	170
ЛЕВЪ СОСТАРѢВШИЙСЯ * . . .	212	ОГОРОДНИКЪ И ФИЛОСОФЪ .	78
ЛЕЩИ . . .	232	ОРАКУЛЬ . . .	14
ЛЕЩЕЦЪ . . .	52	ОРЕЛЪ И КРОТЪ . . .	95
ЛИСА . . .	239	ОРЕЛЪ И КУРЫ . . .	33
ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ . . .	148	ОРЕЛЪ И ПАУКЪ . . .	92
ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ * . . .	169	ОРЕЛЪ И ПЧЕЛА . . .	54
ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ * . . .	190	ОСЕЛЪ . . .	24
ЛИСИЦА И СУРОКЪ . . .	49	— . . .	225
ЛИСТЫ И КОРНИ . . .	98	ОСЕЛЪ И МУЖИКЪ . . .	163
ЛЮБОВОПЫТНЫЙ . . .	113	ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ . . .	64
ЛЯГУШКА И ВОЛЪ * . . .	10		

	СТР.		СТР.
ОТКУЩИКЪ И САПОЖНИКЪ *	66	СЛОНЪ НА ВОЕВОДСТВЪ . . .	63
ОХОТНИКЪ	160	СОБАКА	94
П АРНАСЪ	13	СОБАКА И ЛОШАДЬ	228
ПАСТУХЪ	237	СОБАКА, ЧЕЛОВѢКЪ, КОШКА И	
ПАСТУХЪ И МОРЕ *	167	СОКОЛЬ	137
ПАУКЪ И ПЧЕЛА	189	СОБАЧЬЯ ДРУЖБА	42
ПЕСТРЫЯ ОВЦЫ	250	СОВѢТЬ МЫШЕЙ	181
ПИРЬ	251	СОКОЛЬ И ЧЕРВЯКЪ	219
ПЛОВЕЦЪ И МОРЕ *	162	СОЛОВЬИ	196
ПЛОТИЧКА	185	СОЧИНИТЕЛЬ И РАЗВОЙНИКЪ .	176
ПОДАГРА И ПАУКЪ *	138	СТАРИКЪ И ТРОЕ МОЛОДЫХЪ *	85
ПОЖАРЪ И АЛМАЗЪ	106	СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ *	51
ПОХОРОНЫ	174	Т РИ МУЖИКА	235
ПРИХОЖАНИНЪ	209	ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ	105
ПРОХОЖЕ И СОБАКИ	50	ТРОЕЖЕНЕЦЪ	31
ПРУДЪ И РѢКА	103	ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ . . .	175
ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ *	108	ТУЧА	143
ПУШКИ И ПАРУСА	224	ТВЪНЬ И ЧЕЛОВѢКЪ	134
ПЧЕЛА И МУХИ	164	Ф ИЛИНЪ И ОСЕЛЬ	229
ПѢТУХЪ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО *	59	ФОРТУНА ВЪ ГОСТЯХЪ	150
Р АЗВОЙНИКЪ И ИЗВОЩИКЪ	244	ФОРТУНА И НИЩІЙ	145
РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА *	11	Х МЕЛЬ	141
РАЗДѢЛЬ	44	ХОЗЯИНЪ И МЫШИ	70
РОЩА И ОГОНЬ	17	Ц ВѢТЫ	110
РУЧЕЙ	47	Ч ЕРВОНЕЦЪ	30
РЫБЬИ ПЛЯСКИ	207	ЧИЖЪ И ГОЛУБЬ	123
РЫЦАРЬ	133	ЧИЖЪ И ЕЖЪ	19
С ВИНЬЯ	89	Щ УКА	216
СВИВЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ	188	ЩУКА И КОТЪ	56
СНИЦА	23	Я ГНЕНОКЪ	178
СКВОРЕЦЪ	102		
СКУПОЙ	199		
СКУПОЙ И КУРИЦА *	156		
СЛОНЪ ВЪ СЛУЧАѢ	142		
СЛОНЪ И МОСЪБКА	71		

<http://rcin.org.pl>

A black and white micrograph showing a cross-section of biological tissue. The tissue exhibits a complex, layered structure with various cellular and fibrous components. A prominent feature is a central, lighter-colored, somewhat irregularly shaped region that appears to be a different type of tissue or a specific anatomical structure. The surrounding tissue is darker and more densely packed. In the upper right corner, there is a circular white label with the text 'F 24084' printed in a bold, black, sans-serif font. The label is partially overlapping the tissue image.

F
24084